

Тузовский И. Д.

СВЕТЛОЕ ЗАВТРА?

Антиутопия футурологии и футурология
антиутопий

Челябинск
2009

УДК 008
ББК 71.016
Т 82

Рецензент:

Л. Б. Зубанова, кандидат социологических наук,
доцент Челябинской государственной академии
культуры и искусств

Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – 312 с.
ISBN 978-5-94839-150-2

Монография посвящена научной и художественно-творческой рефлексии будущего развития человечества. В работе рассматриваются социокультурные прогнозы, сделанные учеными-футурологами и писателями-авторами антиутопий.

Предлагается критический анализ актуальных концептуализаций современности (теории постиндустриального, информационного общества и т.д.) и моделей вероятностной социальной перспективы.

ISBN 978-5-94839-150-2

© Тузовский И. Д., 2009
© Челябинская государственная
академия культуры и искусств, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
--------------------------	----------

ГЛАВА 1. БУДУЩЕЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ.....	16
---	-----------

1.1. ВРЕМЯ: ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ.....	16
<i>1.1.1. Время и его виды, или в поисках поля исследования.</i>	17
<i>1.1.2. К вопросу о «переходном периоде от переходного периода к переходному периоду», или минусы условной периодизации.</i>	20
<i>1.1.3. Время социально-историческое или время этическое?</i>	24
1.2. ОБРАЗ БУДУЩЕГО, СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИЛИ «БУСТОРИЯ».....	30
<i>1.2.1. Образ будущего: критика основных подходов к определению понятия.</i>	31
<i>1.2.2. Образ будущего – понятие и основные черты.</i>	36
<i>1.2.3. Образ будущего и образ прошлого, или футурология против истории.</i>	39
<i>1.2.4. Образ будущего, образ настоящего и физическая картина мира, или правы ли «физики» в обвинениях «переписываемой» истории?</i>	41
<i>1.2.5. Таланты прогнозиста, или Оракул против Машины Тьюринга.</i>	43
1.3. ФУТУРОЛОГИЯ И АНТИУТОПИИ – МЕСТО ФЕНОМЕНОВ В СИСТЕМЕ ПРОГНОСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	46
<i>1.3.1. Структурная иерархия прогнозов или в поисках места футурологии и антиутопий.</i>	46
<i>1.3.2. Прогнозирование, планирование и предопределение будущего.</i>	49
<i>1.3.3. А отличается ли популярная футурология от художественного творчества?</i>	51
<i>1.3.4. Классификация футурологических подходов.</i>	53
<i>1.3.5. «Ядро футурологии», или в поисках начала и конца постиндустриального кольца.</i>	58

ГЛАВА 2. ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ ФУТУРОЛОГИИ: ОБРАЗ БУДУЩЕГО В НАУЧНО- ПРОГНОСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ 64

2.1. ХАОС ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЙ: К КРИТИКЕ НЕКОТОРЫХ ПОДХОДОВ..... 64

- 2.1.1. Критика концепции постиндустриализма: в поисках исторических аналогов.* 65
- 2.1.2. Критика теории информационного общества: ноу-хау или тиражирование трэша?* 70
- 2.1.3. Критика теории информационного общества: метаморфозы власти или иллюзии свободы?* 76
- 2.1.4. Афины V в. до н.э. как «информационное общество», или спекуляция на некорректных определениях.* 79
- 2.1.5. Информационно-постиндустриальное общество: прогноз, проект или ангажировано-конъюнктурная провокация?* 86

2.2. КИБЕРФРОНТИР: ПОЧЕМУ НЕ СБЫВАЕТСЯ ПРОРОЧЕСТВО ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ? 90

- 2.2.1. Специфика социальности виртуальной коммуникации: «паутина» в географическом ландшафте или «пятое измерение» пространства?* 90
- 2.2.2. Фронтир, Украина и Интернет – в поисках общего знаменателя.* 92
- 2.2.3. Социокультурная среда киберфронтира: типические черты Интернет-социальности.* 93
- 2.2.4. Слепые рапсоды информационной эпохи, или почему футурологи «первой волны» оказались в Старом Свете, а не на передовой киберфронтира?* 99
- 2.2.5. Фронтир информационного пространства против Среднего Запада постиндустриальности, или кто кого освоит?* 101

2.3. МОЗАИКА ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО «СВЕТЛОГО ЗАВТРА» 105

- 2.3.1. Гимн светлому завтра.* 106
- 2.3.2. Образ человека будущего.* 107

<i>2.3.3. Моральные и ценностные категории информации и информационных технологий.</i>	111
<i>2.3.4. Хронологический поток современности и инновации.</i>	112
<i>2.3.5. Хронологическая протяженность социальных связей.</i>	114
<i>2.3.6. Общество сетей.</i>	115
<i>2.3.7. Гедонизм и «сверхвыбор».</i>	118
<i>2.3.8. Отношение цифровых технологий и институтов демократии.</i>	119
<i>2.3.9. Экономическое господство ТрансНациональных Корпораций.</i>	123
<i>2.3.10. Ограниченность ресурсов и их нехватка.</i>	124
<i>2.3.11. «Новое средневековье» или рискованные исторические аналогии.</i>	125
<i>2.3.12. Промежуточный итог: Мульти-Эра информационно-постиндустриального мира.</i>	127

ГЛАВА 3. АНТИУТОПИЯ КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ВЕРОЯТНОСТНОЙ ИСТОРИИ БУДУЩЕГО 130

3.1. УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ – В ПОИСКАХ ЖАНРОВОГО ТЕРМИНАТОРА 130

<i>3.1.1. К критике некоторых определений жанра утопии.</i>	131
<i>3.1.2. Конкретизация «аморфного ядра» - релятивизм феномена утопии.</i>	135
<i>3.1.3. Утопия и будущее: проект, мечта или чистый вымысел?</i>	137
<i>3.1.4. Попытки определения жанра антиутопии: замечания к литературоведческому прочтению термина.</i>	138
<i>3.1.5. Базовые критерии «антиутопизма»: и вновь субъективный релятивизм восприятия текста.</i>	141
<i>3.1.6. Дополнительные критерии «антиутопичности»: конкретизация образа будущего общества.</i>	143
<i>3.1.7. К вопросу о функциях антиутопии: гуманистический заряд провокационного «обезнадеживания».</i>	146

3.2. АНТИУТОПИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО – ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ФЕНОМЕНОВ СОЦИАЛЬНОСТИ 151

<i>3.2.1. Общие черты социальной реальности мира-антиутопии.</i>	154
--	-----

3.2.2. <i>Социальная стабильность как цель и инструмент.</i>	155
3.2.3. <i>Фигура вождя в антиутопиях.</i>	158
3.2.4. <i>Идеальный человек идеального общества: антропологические концепции антиутопий.</i>	163
3.3. КОНЕЦ ИСТОРИИ – РЕФЛЕКСИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В АНТИУТОПИЯХ	167
3.3.1. <i>Концепции стабильно длящегося настоящего и конца истории.</i>	168
3.3.2. <i>Концепции изменчивого прошлого и моделируемого будущего.</i>	171
3.3.3. <i>Концепции линейной стадийной истории и циклического времени.</i>	177
ГЛАВА 4. ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ АНТИУТОПИЙ, ИЛИ « СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ»	182
4.1. АНТИУТОПИИ: «ПОРТРЕТ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТОНАХ»	182
4.1.1. <i>Социальная структура как социальная разобщенность.</i>	182
4.1.2. <i>Социальная структура: элитоцентричность и судьба элиты антиутопии в исторической перспективе.</i>	184
4.1.3. <i>Еще раз к вопросу о социальной разобщенности: дифференциация или сегрегация?</i>	186
4.1.4. <i>Социальная структура: гендерные отношения.</i>	188
4.1.5. <i>Социальная структура: институт семьи.</i>	194
4.2. ОБЩЕСТВО ВСЕМОГУЩЕГО ЗНАКА: ИДЕОЛОГИЯ И ЕЕ СУРРОГАТЫ В АНТИУТОПИИ	200
4.2.1. <i>Роль идеологии в социуме антиутопии.</i>	200
4.2.2. <i>Мутации религиозных идей в антиутопиях.</i>	206
4.2.3. <i>Новояз и двоемыслие.</i>	210
4.3. «ОБЩЕСТВО ПОД КОЛПАКОМ» - КОНТРОЛИТАРИЗМ АНТИУТОПИЙ	214
4.3.1. <i>Об инструментарии управления обществом в антиутопиях.</i>	214

4.3.2. Управление социумом антиутопии как энергоемкий процесс.	215
4.3.3. Гомеостатическая модель управления.	219
4.3.4. «Напряженные» модели: перманентный контроль.	225
4.3.5. Преступление: закон против традиции.	232
4.3.6. Функции аппарата репрессий.	237
4.3.7. «Близнецы» Смит и О'Брайен: торжество принципа «цель оправдывает средства».	238
4.3.8. Регламентация повседневности: исключить возможность преступления.	247
4.4. «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»: ПРОТАГОНИСТ-НОНКОНФОРМИСТ И СОЦИУМ.	254
4.4.1. Причины противостояния героя и социума антиутопии.	254
4.4.2. Конфликт героя и система: релятивизм и субъективность оснований.	258
4.4.3. Искушение правоверного, или как, обретая свободу, превратиться в раба».	261
4.4.4. Вместо заключения: антиутопии как модель обществ контроля.	269
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	275
БИБЛИОГРАФИЯ.....	285

Предисловие

Рассуждения о том, что человечество находится на одном из переломных этапов своего развития, в социально-исторической точке бифуркации, стали своего рода «магической формулой» современной науки и общественных диспутов. Вопрос о том, куда мы движемся, ожидает нас углубление кризиса современности или же его благополучное разрешение, сегодня более чем когда-либо актуализирует проблему прогнозирования человеческого будущего. Однако не сегодня и не вчера впервые была поставлена проблема предсказания или прогнозирования нашего завтра.

Проблема будущего является одной из сквозных проблем «обыденного» сознания каждого человека и рационального познания мира. Она возникает практически во всех отраслях знания в той или иной форме. В астрономии и космологии ставятся вопросы об эволюции Вселенной, вплоть до ее будущей – в перспективе отдаленной от нас даже не миллиардами лет, а гораздо большими сроками – «тепловой смерти», исходя из второго закона термодинамики и процессов энтропии. В биологии – о дальнейшей эволюции всего живого и человека, в частности. Дискурс будущего наличествует в гуманитарных дисциплинах. Это и социальная прогностика как таковая, и концептуализации исторического процесса от К. Маркса и Н. Я. Данилевского до Д. Белла и Э. Тоффлера, которые претендуют на возможность экстраполяции своих результатов «вперед» по временной шкале. Это футурология, как дисциплина, создающая «вероятностную историю будущего» на основе научных методов. Это психология и педагогика, которые изучают влияние личного «образа будущего» на успешность личности, на профессиональную деятельность и т.д. Проблема будущего актуализирована в духовных исканиях человека, начиная

с глубочайшей древности – внимание к ней мы отмечаем и в мифологическом сознании древних сообществ; в религиозном сознании; в поисках смысла жизни, как отдельной личности, так и общества в целом.

Такое внимание закономерно объясняется многими факторами и определяет позитивную актуальность исследований будущего, что в научном поиске, что в художественном творчестве, что в «житейской мудрости» обыденного сознания. Без представлений о будущем невозможно осуществлять управление не только человеческим обществом, но и собственной жизнью. Это справедливо отмечалось не только в научных дискуссиях, но и неоднократно в художественном творчестве. Так, М.А. Булгаков вложил в уста Воланда фразу: «Виноват, - мягко отозвался неизвестный, - для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» [15]. В этом смысле исследование будущего приобретает не только теоретическую, но и вполне практическую прикладную актуальность.

Вместе с тем дискурс будущего может порождать уродливые социальные феномены – кризисные мировоззрения эсхатологического характера, спекуляции на поиске человеком смысла жизни и истории, которые производят как тоталитарные секты, так и общественные и политические движения контр-культурного характера. Страх перед возможной *в будущем* ядерной войной преследовал *настоящее* человечества на протяжении почти пятидесяти лет «холодной войны»; рецидивы его мы наблюдаем и сегодня. «Прогнозы» будущего демографического развития используются националистическими движениями для актуализации

расовой, этнической и религиозной нетерпимости в целях рекрутирования новых членов и приобретения общественного влияния. В таких смыслах дискурс будущего приобретает негативную научную и общественную актуальность.

Эти обозначенные нами проблемы требуют не только и не столько анализа трендов развития и построения очередной картины «мира завтрашнего дня». Эти проблемы актуализируют в науке исследования второго порядка – исследования исследований будущего. В этом смысле весьма актуальна проблема, которая появляется при сравнительном анализе двух научно-фантастических произведений, сюжетные построения которых выстроены вокруг проблемы прогнозирования \ предсказания развития человечества. В цикле романов Айзека Азимова «Основание» (в некоторых переводах – «Академия») [10] одним из принципов математической (статистической) психоистории является незнание человечеством своего будущего развития. Знание будущего искажает это будущее – так можно было бы сформулировать основной социальный принцип психоистории. В цикле романов Фрэнка Херберта «Дюна» пророк Пауль Муад'Диб, будучи результатом евгенического отбора и развития пророческих качеств на протяжении девяноста поколений, изрекает противоположную максиму: «Знание будущего загоняет тебя в его ловушку» [37, 38, 36]. Является ли прогноз жестким предуказанием или фактором, который сам по себе изменяет линию развития? – так необходимо формулировать первоочередную проблему исследований дискурса будущего. Ведь если прогноз является – в сколько-нибудь значительном числе случаев – предуказанием, то встает и проблема этической и социальной ответственности прогнозиста. А это точно также может привести к новым спекуляциям будущим – теперь уже основанным на сознательном построении неверных, но имеющих манипулятивную ценность прогнозов. Причем в ограниченном объеме человечество

столкнулось с такой формой спекуляции, правда, на краткосрочных прогнозах – в политической предвыборной борьбе.

В силу всех обозначенных выше обстоятельств и замечаний мы считаем исследование дискурса будущего в современном социокультурном пространстве актуальной проблемой. Необходимость такого исследования имеет как теоретическую природу поиска смыслов человеческого бытия и исторического развития цивилизации в целом, так и вполне прикладной характер базиса практики управления.

Исследование человеческих представлений о будущем является безусловно актуальным и для нашей страны. Российская Федерация по-прежнему находится в социально-транзитном периоде локальной природы – от социалистического автократичного государства к не вполне определенным новым формам государственности и социальности. На эту локальную для России переходность накладывается и общемировой «постиндустриальный информационный переход». Вопрос о влиянии образа будущего, сформированного комплекса общественных ожиданий, надежд и страхов является одним из ключевых в условиях как проективных реформ, так и «самопроизвольных» социально-политических, экономических и культурных процессов. Исследование образа будущего, существующего в социокультурном пространстве, является необходимым компонентом социального прогнозирования, государственного планирования и реализации избранной программы развития.

Для нашей страны такое исследование будет тем более актуальным, что история ее развития в XX веке была тесно связана как минимум с двумя утопическими проектами – социалистическим и либерально-демократическим и, очевидно, доктрина перехода к информационному обществу также трансформируется в некую разновидность социально-государственной утопической идеи.

Критическое восприятие ее в контексте анализа футурологического образа будущего и, тем более, художественных антиподов утопии является необходимым компонентом социального здравого смысла.

Проблема исследования заключается в определении места и роли в формировании образа будущего двух культурных феноменов, имеющих множество точек соприкосновения: научного футурологического прогноза и художественных антиутопий, как феномена творческого поиска. Антиутопии в этом смысле имеют «фиксированную» пессимистическую позицию относительно человеческого будущего. А футурология, в подавляющем большинстве случаев, стоит на оптимистических позициях. Конечно, это не означает, что футурология не ставит проблемных вопросов относительно человеческого развития, однако в русле большинства концепций торжествуют позиции технооптимизма. Сравнительный и обобщающий анализ футурологических концепций и образа будущего, который формируется антиутопиями, позволяет поставить и решить проблему каким образом воспринимает будущее как грядущую объективную реальность человечество в целом.

Конечно, построение интегральной картины будущего в футурологии и антиутопиях даже изолированно друг от друга будет иметь синкретическую природу. Мы не говорим уже о синкретизме рассмотрения футурологического и антиутопического образов будущего в единой «системе». Однако этот синкретизм представляется нам вполне оправданным. Обыденное человеческое мышление далеко от академической четкости и непротиворечивости, оно синкретично по своей природе и для своего анализа требует синкретичных решений. Поэтому мы предприняли попытку такого исследования.

Некоторые результаты не вписываются в принятую социальную парадигму; некоторые – недостаточно обоснованы. В ряде случаев автор предпочел поставить вопрос и предложить

варианты его решения, не претендуя на их эмпирическую аргументированность и полную доказательность. В конце концов, с авторской точки зрения там, где дело касается будущего, правильно поставленный вопрос оказывается важнее ответа, в силу больших сомнений в его истинности.

Данное исследование не является само по себе прогнозом, однако в нем присутствуют и прогностические моменты, их вызывает к жизни критический анализ футурологических концепций и поиск автором иных интерпретаций и трактовок отмечаемых социальных феноменов.

Автору также хотелось бы оговорить еще один важный момент. Во второй главе работы читатель столкнется с развернутой критикой постиндустриальной концепции и концепции «информационного общества». Сразу оговорим, чтобы не вызвать неверного представления у читателя: автор является скорее их сторонником, нежели противником, однако считает, что в существующем виде эти социальные теории противоречивы и поэтому нуждаются в существенной коррекции. Осуществить эту коррекцию не возможно ни в рамках одного научного труда, ни просто силами одного ученого-исследователя. Именно поэтому мы и сориентировались на «вопрошающую» форму многих аргументов. Критический анализ поставленных автором вопросов выявит их жизненность или, наоборот, неактуальность и неправомочность. Отказ же от рассмотрения этих проблем в принципе подтвердит ту мысль, что постиндустриальная теория стала набором магических формул, которые оторвались от реальности и некритически усвоены большинством научного сообщества. Это означало бы, что концепции постиндустриального, информационного и пр. общества из научной теории стали идеологической доктриной и, следовательно, научная дискуссия вокруг них будет еще более затруднена.

Наконец, следует отметить, что в этой работе автор сделал основной упор на анализ именно «образа будущего» антиутопий, поскольку эта проблема наименее разработана. Анализ же футурологических концепций социальной перспективы был дан специально, например, в диссертации А.И. Молева [55], во многих работах по постиндустриальной теории и т.д. Однако антиутопии до сих пор оставались либо уделом литературоведов (что вполне обосновано, но недостаточно), либо способом демонстрации своей эрудированности авторов-футурологов (см., например, «Шок будущего» Э. Тоффлера [176], или «Наше постчеловеческое будущее» Ф. Фукуямы [184]). Однако же семантическая нагруженность антиутопических социальных моделей¹ не меньшая, чем у футурологических концепций, и требует своего изучения как вполне определенный жанр «футуро-рефлексии». Поэтому, повторимся еще раз, мы акцентировали внимание на анализе социальности антиутопий, идеологических, социокультурных и пр. концепций.

Мне бы также хотелось выразить благодарность тем людям, без которых эта работа никогда бы не состоялась. Моим преподавателям и наставникам, которые, без преувеличений, научили меня думать, *Ларисе Михайловне Карасевой, Надежде Сергеевне Трусковой, Зинаиде Анатольевне Блиновой, Сергею Александровичу Лазареву, Александру Анатольевичу Клементьеву, Сергею Марковичу Горшкову, Павлу Борисовичу Уварову*, ушедшей уже *Людмиле Федоровне Малюшкиной*. Моим друзьям и коллегам-аспирантам, чья критика удерживала самые безумные идеи до той поры, пока я не находил им сколько-нибудь веского основания – *Сергею Александровичу Кускову, Артуру Александровичу Дыдрову, Михаилу Андреевичу Марченко, Алексею Римовичу Нургаринову*,

---

¹ Читателю придется оставить этот оборот пока что на совести автора, однако в третьей главе мы поясним, почему роман-антиутопия (да и любая другая форма презентации этого жанра) является именно социальной *моделью*. Мы будем пользоваться фразами «антиутопический социум», «социум антиутопии» и т.д., подразумевая только лишь феномены социальности, данные в таких моделях-произведениях и не имея в виду какие-либо актуальные или существовавшие сообщества.

Игорю Юрьевичу Сычеву, Дмитрию Витальевичу Соломко, Татьяне Владимировне Барашиевой, Жанне Александровне Калабаевой. Моим коллегам кафедры культурологии и социологии ЧГАКИ, благодаря помощи и советам которых вольные мысли постепенно превращались в научное исследование – *Юлии Борисовне Тарасовой, Сергею Степановичу Соковинову, Людмиле Борисовне Зубановой и Марии Львовне Шуб* и всем, кто помогал и направлял эту работу. Руководителю отдела аспирантуры ЧГАКИ *Елене Викторовне Исмаиловой.* Руководству ЧГАКИ и лично проректору по научно-исследовательской работе *Татьяне Федоровне Берестовой* и ректору *Владимиру Яковлевичу Рушанину.* Моему научному руководителю, который терпеливо ждал меня, когда я пропадал, осененный очередной безумной идеей, и сглаживал любые, самые резкие повороты в выбранной проблематике и подходах к ней, – *Владимиру Самойловичу Цукерману.* Моим близким и родным, которые поддерживали меня все время работы над этим исследованием.

Глава 1. Будущее в системе гуманитарного знания

1.1. Время: прошлое – настоящее – будущее

«Время» – вещь трудная, едва поддающаяся определению» - такими словами Я. Петерс охарактеризовал исследуемое им в историческом контексте понятие [163, с. 137]. На деле понятие времени является одним из «неопределимых» понятий в человеческом мышлении [151]. Его невозможно свести к сумме более простых понятий. Пасовал перед определением понятия «время» Г. Галилей [144, с. 181]. Вообще любая попытка терминологически точного определения «времени» приводит к образованию логического круга. А это приводит к ошибочности самого определения, дефиницирующего явление времени через использование определяемых им же категорий. Тем не менее, без определения понятий «времени» и «будущего» как одного из его модусов (или состояний) дальнейшая работа не представляется возможной. Так, С. А. Ковальчук отмечал, что «изучение проблемы времени дает возможности более глубокого понимания истории... время лежит не в контексте исторических теорий, а в их основании» [47, с. 3].

Невзирая на достаточно ранее осознание того, что понятие «время» является неопределимым, человечество всю свою письменную (и, вероятно, дописьменную историю) пыталось дать строгое определение и дефиниции времени. Даже в плане «документированной» истории, как отмечает, например, И. Пригожин, большинство споров о времени, актуальных сегодня, «могут быть прослежены до античности...» [166] - и это минимальная оценка. В этой связи, например, примечательна цитата из трактата «О природе вещей» Тита Лукреция Кара:

«Так же и времени нет самого по себе, но предметы

Сами ведут к ощущению того, что в веках совершилось,
Что происходит теперь и что воспоследует позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движенья тел и покоя» [6].

1.1.1. Время и его виды, или в поисках поля исследования.

Можно отметить несколько ключевых направлений в исследовании природы времени, основных подходов к пониманию его природы. К этим подходам мы будем апеллировать в рамках нашего исследования:

1. время – мера происходящих изменений, последовательно детерминированных причинно-следственными связями явлений (учитывая второй закон термодинамики время – мера измерения энтропии физической вселенной и синергии одухотворенной вселенной).

2. время – как последовательная связь локальных состояний процессов в пространстве (такая трактовка предполагает реально «безвременное» существование всех прошлых и будущих «пространств»).

3. время – одна из осей физического континуума, вдоль которой «протянуто» сознание мыслящего объекта.

Наша работа основана на индуктивном синтезе образа будущего, формирующегося как результат восприятия и анализа человечеством прошлого и настоящего и построения различных вариантов прогноза. То есть два ключевых элемента – это причинно-следственная связь прошлого и будущего через настоящее и «образ мира», который предполагается (прогнозируется) для будущего времени. В силу этого в нашей работе мы будем больше оперировать первым подходом к природе времени – время как мера последовательных, связанных причинной цепью изменений.

Некоторые исследователи связывают появление понятия времени («осознание» или рефлексию этого явления) с

неолитической революцией² и переходом к производящему аграрному хозяйству или относят это понимание даже к более древнему периоду человеческой истории [154]. Основанием для отнесения осознания времени к неолитической революции служит необходимость при ведении сельского хозяйства четкого знания периодов посева, сбора урожая и т.д. Однако такая концепция не выдерживает даже логической критики – присваивающее хозяйство – охота, рыболовство и собирательство также требует знания «сезонов» (нереста рыбы, сезонных миграций травоядных и пр.), то есть и минимально необходимого счета времени [154].

И. В. Бестужев-Лада отмечает, что осознание сезонных изменений не есть понимание времени, оно представлено тремя модусами и «первобытное мышление лишь после долгого развития выработало представления о прошлом и (гораздо позднее) о будущем как о чем-то отличном от настоящего...» [81]. Следуя этой логике, приходится признать, что человечество поначалу осознало понятие длительности, а уже затем выработало концепцию времени – «такой формы существования, которая позволяет различать “раньше” и “позже” прошлое и будущее» [102, с. 13].

В науке принято выделять два базовых направления в исследованиях времени – время фундаментальное (то самое время как неопределимое понятие) и времена концептуальные. К последним относятся, например, время физических процессов (которое чаще всего отождествляется с фундаментальным, с чем согласны отнюдь не все ученые [145, с. 158]), историческое и т.д. О. Ю. Матвеева и И. В. Мелик-Гайказян справедливо отмечают, вслед за Э. Тоффлером, что «в социальных науках <...> время остается огромным белым пятном» [150, с. 65].

---

² Неолитической революцией обычно называют переход от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство и собирательство) к производящему (земледелии и скотоводство)

Как отмечает В. Ф. Диденко «Операция выделения новой разновидности времени зачастую сводится к тому, что термин «время» соединяется с названием изучаемой предметной области, <...> а затем характеризуется теми или иными специфическими особенностями. Таким образом, объективно возникает проблема классификации основных типов времени» [45, с. 9, 15-16].

Я. Петерс выделяет следующие типы времени: «физическое (хронологически измеряемое время биологических, астрономических и других материальных процессов, подтверждаемое действием), субъективное (индивидуальное восприятие времени), культурное (распространенное представление о времени в определенной социальной общности), социальное (время, измеряемое социальными событиями, структурами и деятельностью), символическое (временное пространство мифологически-идеологического значения), бытовое или научное (непосредственно-воспринимаемое или аналитически-перерабатываемое время), качественное или количественное (время, измеряемое ориентацией как на культурные ценности, так и на практические действия), циклическое или линейное (время неизменного круговорота или постоянного развития)» [163, с. 138].

Однако такая классификация представляется нам избыточной, кроме того, неявным образом подразумевает сразу несколько классификаций по разным критериям.

Мы ограничимся классификацией по области исследования:

- математическое время
- физическое время
- геологическое время
- историческое время (как исторический процесс изменения человеческого общества, «то, что имеет отношение к актуальной исторической реальности, то есть эпохе, которая имеет место в действительности, соответствует специфическим глобальным

параметрам в мире, стране, к событиям, которые напоминает эта реальность» [44, с. 14]).

- социальное время (время как восприятие индивидом личных изменений, или изменений социума, затрагивающих индивида: «социальное время выражает последовательность изменений социальной значимости материальной и духовной деятельности <...> Социальное время включает в себя индивида, время поколения и время истории» [45, с. 10, 16]). Оно регулируется обществом [43, с. 10] и, очевидно, само также является, наоборот, общественным регулятором.

Последние два концептуальных типа времени очевидным образом связаны. Е. А. Корягина отмечает, что «решение вопроса об отношении исторического времени к социальному» является «недостаточно определенным» [133, с. 538], а Б.С. Сивиринов вообще включает историческое время в социальное [64, с. 22].

Чтобы избежать ощущения того, что они дублируют друг друга, необходимо отметить важный момент – историческое время прослеживается обыкновенно относительно всей человеческой цивилизации или ее крупной общности (цивилизации, государства, народа, культуры и пр.). Социальное время обычно прослеживается для «малых» в таких масштабах групп – классов, сословий, восприятия исторического времени отдельным человеком. Социальное время – это, прежде всего, время настоящего и «прилегающего» к нему прошлого и будущего. Историческое время – субъективное восприятие человеком связи между различными статичными состояниями социума на основе причинно-следственной цепи событий (истории). Б.С. Сивиринов, на тех же основаниях, включает в модусы исторического времени не только прошлое и настоящее, но и будущее [64, с. 27].

1.1.2. К вопросу о «переходном периоде от переходного периода к переходному периоду», или минусы условной периодизации. Здесь мы вынуждены все же оговорить целый ряд

моментов. «Набор статичных состояний социума» существует только в человеческом восприятии. Исторический процесс имеет не дискретную, а аналоговую природу, он непрерывен, однако для возможности аналитических исследований, удобства восприятия историческая наука делит его на определенные этапы-периоды. Условность исторической периодизации неоднократно отмечалась. Исследователям пришлось идти по «нисходящей линии» масштабирования и прибегать к многочисленным уловкам. Даже первоначальное, математически строгое разделение на века обрело условность – было выделено понятие «рубежа веков», которое охватывает последние годы предшествующего столетия и первые годы последующего века. К «строгой» периодизации «Древний Мир» – «Средневековье» – «Новое время», добавилось внутреннее деление. Эпоха Древнего мира разбилась не только на периоды, но и географически локализовалась. Средневековье разделилось на ранний, классический и поздний периоды. Был выделен «переходный период от Средневековья к Новому времени» и т.д. То есть попытка построить дискретную модель исторического процесса упирается в необходимость все большего и большего дробления исторических периодов, при дополнительной необходимости их «географической привязки» и, одновременно, выделения «связующих звеньев» - «переходных периодов», которые обеспечивают дискретной модели соответствие аналоговой природе исторического процесса. Впрочем, наша позиция не единственно возможная. Так, Т. П. Лолаев отмечает, что «единицами функционального исторического времени являются временные промежутки, периоды, образуемые последовательно сменяющимися состояниями конкретного исторического процесса» [146, с. 130], подразумевая дискретность исторического процесса.

В дальнейшем мы столкнемся с тем, что, например, постиндустриальная теория также оперирует дискретно-стадиальной логикой осмысления исторического процесса в своей

концептуализации. Однако постиндустриалисты признают за собой «грех» схематизации и указывают на необходимость понимания непрерывности и динамичности исторического *процесса*, а не восприятия развития как набора *статичных дискретных состояний, время от времени переходящих одно в другое*. По сути, вся теория постиндустриализма, о чем мы еще будем говорить ниже, является осмыслением и описанием очередного «переходного периода».

В этом смысле подход к пониманию сущности исторического времени Е.А. Корягиной представляется хоть и не конкретизированным методологически, но более правильным концептуальным. «Историческое время есть констатация и фиксация живой связи прошлого, настоящего и будущего в калейдоскопе социальных событий, обеспечивающие как непрерывность течения жизни человеческого общества в целом, так и ее дискретность, разделенность на различные отрезки, интервалы» [133, с. 540].

Исходя из причинно-следственной цепи, выстраивается хронологическая линия: направление хронологического потока «прошлое» определяет причину. Направление хронологического потока «будущее» определяет следствие – «историческое время становится средством членения, структурирования исторического процесса [*как причинно-обусловленного явления – И.Т.*]» [133, с. 538]. Хронология основана на принимаемом постулате об однонаправленности причинно-следственной связи – причина события не может лежать относительно события в будущем, причина *всегда* раньше следствия. Данное восприятие исторического времени тождественно физической «стреле времени» Больцмана: не зная второго закона термодинамики и физического понятия о «необратимых процессах», человечество уже сделало вывод об однонаправленности потока времени.

Одного использования хронологической прямой недостаточно; для социального восприятия времени как набора последовательно сменяющихся друг друга статичных состояний социума необходима вторая ось. В различных теориях и подходах к изучению исторического процесса эта ось имела разную природу – «уровень развития производительных сил», «уровень пассионарности этноса», «социальный прогресс» и пр. В данный момент, для нас не играет определяющей роли то, какое измерение социальной действительности отражает вторая ось – главное, что она служит для фиксирования не только хронологического положения общества относительно всего исторического процесса, но и для качественного описания социума.

Некоторую проблему создает вопрос о целенаправленности потока исторического или социального времени. Здесь может быть сразу несколько моделей: время как геометрическая прямая (этой моделью мы оперировали выше), как кольцо и как расширяющаяся спираль. Координатная система будет опираться на понятие «повторяемость» событий. При восприятии времени как прямой мы не можем в будущем столкнуться с событием, которое уже имело место в прошлом (во-первых, линейная модель опирается на создание хронологии посредством установления однонаправленных причинно-следственных связей; во-вторых, в рамках этой модели каждый момент времени неповторим и однократен). При восприятии времени как кольца мы цикл за циклом будем сталкиваться с идентичными, тождественными состояниями и явлениями. При восприятии времени как спирали мы не встретим в будущем явлений полностью идентичных прошлому, однако столкнемся с повторяемостью условий с учетом изменения их масштабов, в зависимости от витка хронологической спирали.

Условно говоря, время-прямая – это «евклидова» модель времени. Кольцеобразные или спиральные модели – «релятивистское» искривленное восприятие времени. Эти «модели»

или «формы» времени мы можем проследить вплоть до мифологического осмысления времени и, гипотетически, даже вплоть до дописьменного периода истории человечества.

Из посылки о связи «счета времени» и повторяющихся природных изменений можно извлечь интересный вывод: если концепция «счета времени» имеет начало в отношениях человека с природой (тезис столь же недоказуемый, сколь и неопровержимый), то именно природная цикличность должна лежать и в метафизическом восприятии времени. В космогонических системах народов мира мы действительно можем заметить концепцию цикличности в разных вариантах. Собственно, можно отметить, что повторяющийся цикл (в двух формах – круг и спираль) и линейная (или линейная) форма («стрела времени» - направленный в будущее луч в современном восприятии феномена времени) являются двумя основными «формами» времени – графическим восприятием этого феномена

1.1.3. Время социально-историческое или время этическое? Наиболее важным примером циклического восприятия для нас является космогония Древней Индии. Во-первых, в большинстве космогонических систем – греческой, персидской, египетской – цикличность связывалась с локальными природными изменениями. В Древней Индии же цикличность времени имела всеохватную природу. Продолжительность существования вселенной измерялась «днями жизни Брахмы» (Создателя). Раз в сто лет по счету дней жизни Брахмы вселенная уничтожалась, еще через сто лет хаоса возникала снова. Это большие циклы индийской космогонии. Были еще и малые, и к ним нам придется вернуться после некоторых иных замечаний. День (малый цикл) подразделялся на критаягу («Золотой век»), двапарюгу, третаюгу и калиюгу (эру мрака, которая продолжается сейчас, с точки зрения индуиста). Малые циклы складывались в большие, большие – в цикличное возникновение и исчезновение вселенных.

Принципиальное отличие идеи цикличности в индийской мифологии от идеи цикличности, скажем, в Древней Греции заключается в том, что цикличность времени в Древней Индии связывалась именно с существованием вселенной, а не просто с природно-аграрным циклом. Второе отличие связывалось с тем, что идея цикличности в Древней Индии подразумевала также и аксиологическую, и этическую составляющую. Это такое «понимание времени, в движение которого включался не только материальный мир, но человек и социум» [58, с. 8]. Разделение времени существования вселенной на отдельные периоды, характеризующиеся поведенческими императивами, отношением к категориям добра и зла и т.д. означает, что время перестает в Индии быть чисто астрономической, природной или аграрной категорией, Время «этизируется» и соотносится с человеком, нормами его жизни. Это, новое для нас, понимание времени как категории, связанной с моралью и ценностями, становится логическим основанием традиции рассмотрения исторического процесса как целенаправленного: «время является той структурой, которая позволяет нам конструировать историю как теоретический объект, говорить о целесообразности, цели и смысле истории» [47, с. 3]. На схожих позициях стоит Н.В. Гриценко [44, с. 9] и др. Сегодня нам кажется естественным «совмещать» мораль и ценности с пониманием смысла и даже механизмов исторического процесса, однако мы не всегда отдаем себе отчет, что те же основания, правда, при абсолютизации настоящего, имеет и исторический презентизм. Правда, О.П. Зубец, отмечает, что в этологии вполне прижилось понятие «темпоральности морали», сориентированное как перспективно, так и ретроспективно [46, с. 7]. И по крайней мере от «этологии» нам не грозит беда «морального презентизма» (хотя именно на таком принципе построены многие антиутопии и мы будем говорить еще об этом).

Так или иначе, человек в своем видении **и** прошлого, **и** будущего склонен к эмоциональным оценкам, что резонно вытекает из связи восприятия времени с системой ценностей. Вслед за А. Иваненко О.А. Солопова отмечает, что «в политическом дискурсе восприятие будущего аффективно по преимуществу <...> будущее, по сути, не может восприниматься нейтрально, так как тогда бы оно стало неразличимым на фоне настоящего. Экзистенциально человек относится к будущему с **надеждой и пониманием** [*выделение мое – И.Т.*]» [171, с. 212-213]. Уточнение относительно аффективности восприятия будущего в политическом дискурсе нас смущать не должно. Любой актуальный прогноз связан с индивидуальным или коллективным управленческим решением: даже предсказание конца света актуализирует определенные модели поведения и таким образом тоже приобретает политико-управленческий оттенок.

Необходимо отметить, что не только и не столько этическая, сколько аксиологическая составляющая времени связана с пребыванием во временном «пространстве» человека и не утрачивает своей мировоззренческой актуальности до сих пор. Следует отметить и обратную ситуацию – «мироощущение эпохи [*кроме прочего – И.Т.*] характеризуется определенными ценностями и смыслами, которые так или иначе соотносятся с пониманием времени и отношением к нему» [88, с. 70].

Вторая «форма» в восприятии феномена времени – прямая (здесь также возможны несколько вариантов – например, бесконечный луч от условной даты сотворения мира или отрезок от сотворения мира до его исчезновения). В мифологии Древней Скандинавии время представлялось как линейный процесс от возникновения мира до его гибели в Рагнарёке, после которого появится новое человечество. Аналогично линейно время в христианской традиции. Любопытно, что линейное время также активно связывалось с ценностно-этическими концепциями –

«Гибель богов» или Страшный Суд – эсхатологический конец света имел конкретную этическую и ценностную окраску. Линеарная и циклическая концепции оказываются конкурирующими по отношению друг к другу, поскольку связаны они были с разными культурными, мифологическими, теологическими традициями. Так, например, в Древней Руси переход от однозначно циклического времени к векторному линеарному связан был с принятием христианства, причем трансформации подвергся и дохристианский период истории в своей ретроспективной рефлексии [99, с. 12].

С линейной концепцией «хронософии» связана не только эсхатологическая концепция. «Именно из христианского понимания направленности истории возникла европейская идея прогресса. Участие человека в истории санкционировало и возможность приближения желаемого будущего» [165, с. 160]. В нашем исследовании нам придется работать с прогрессом и наступлением социального будущего, как с сопряженными понятиями – не исходя из наших методологических и философских позиций, а в силу того, что такое «единение» характерно для большинства западных футурологов. Оно как будто впиталось в плоть футурологических концепций, и служит своеобразными шорами, которыми можно прикрыть очевидные недостатки любой прогрессивистской концепции исторического развития. У циклической концепции времени есть другие «конкурентные преимущества» для мировоззрения: «круглый циферблат часов символизирует присутствие всех моментов времени, их обозримость, регулируемость, вечное возвращение и повторяемость» [88, с. 71]. И круглый циферблат – малый суточный круг – лишь доля «большого круга» мифо-космологической истории мироздания в циклических концепциях времени. Любопытно, что, не взирая на большую простоту «дисплейных» часов – часы с круглым циферблатом до сих пор не изжиты

человеческой культурой. Хотя и для своего использования они требуют определенного обучения, не показывают дневное или ночное время суток и пр. – то есть обладают значительными, с точки зрения современного человека, недостатками. Даже компьютерные операционные системы семейства Windows – от настольных до карманных компьютеров – до сих пор снабжены как цифровым табло, так и круглым циферблатом, в качестве возможных форм отображения времени.

Отношения типа «время-субъект» в мифологии характерны даже для богов, которые находятся с пространством и энергией на «короткой ноге». Время, субъективированное в персоне божества, остается процессом независимым не только от людей, но и от богов. Его ход можно ускорить, замедлить, его можно обмануть (например, даровав бессмертие или разделив одну ночь на несколько, как это сделал Зевс). С заточением персонифицированного Кроноса в Тартар время не исчезает из греческого космоса. Оно *объективно*, невзирая на субъектность самого Кроноса.

В христианской религиозной традиции, невзирая на отсутствие времени-субъекта («божества времени»), время утрачивает объективную природу. Субъективизация времени достигается за счет абсолютизации возможностей Бога. В «Исповеди» Августина Аврелия находим точную характеристику отношений между Богом и временем мира:

«Ты совершен и Ты не изменяешься: у Тебя не проходит сегодняшний день, и, однако, он у Тебя проходит, потому что у Тебя всё; ничто не могло бы пройти, если бы Ты не содержал всего. И так как “годы Твои не иссякают”, то годы Твои - сегодняшний день. Сколько наших дней и дней отцов наших прошло через Твое сегодня; от него получили они облик свой и как-то возникли, и пройдут еще и другие, получают свой облик и как-то возникнут. “Ты же всегда один и тот же”: всё завтрашнее и то, что идет за ним, всё

вчерашнее и то, что позади него. Ты превратишь в сегодня. Ты превратил в сегодня. Что мне, если кто-то не понимает этого? Пусть и он радуется, говоря: “Что же это?” Пусть радуется и предпочитает найти Тебя, не находя, чем находя, не найти Тебя...» [1].

Таким образом, за исключением христианской традиции, время – объектно или, скорее, «процессуально». В христианстве же время – это субъективная реальность человеческого мира в сравнении с объективной божественной вечностью. Божество в христианстве атемпорально, а время даже в ценностном плане ущербно по сравнению с вечностью – не только для божества, но и для человека, которому обещана посмертная вечность позитивная (райское блаженство) и негативное (адские муки).

Если учитывать все вышесказанное, то нас будет интересовать весьма странный феномен – субъективное восприятие одного из модусов времени. Словами А.Я. Флиера это «превентивное переживание будущего» [182]. Будущее **еще** не существует, однако ожидания в связи с его скорым наступлением у человечества всегда имеются. Эти ожидания, оформленные знаково, вербально, визуальными символами и пр. становятся комплексом, который мы будем называть «образ будущего». Однако для правильного разграничения модусов времени, для установления отношений между ними в субъективном переживании человека необходимо решить проблему измерения времени: возможности разделить временной поток на дискретные отрезки.

1.2. Образ будущего, социальная перспектива или «бустория»³?

Масштабирование отрезков времени в абсолютном смысле не имеет практического значения для нашей работы. Человеческое сознание весьма условно оперирует даже с уже пережитым прошлым. События многолетней давности могут храниться памятью человека ясно и четко. Возможна и иная ситуация – хронологически близкое переживание становится «отдаленным прошлым». По меткому выражению английского писателя Алана Александра Милна – «давным-давно, кажется, в прошлую пятницу...». Если уж с прошлым происходят такие метаморфозы, то говорить о хронологически четком восприятии (или «образе») будущего не приходится.

Таким образом, понятие «образ будущего» будет подразумевать под собой все возможные состояния будущего – и отдаленного, и близкого. Здесь важен и тот факт, что в восприятии человеком собственного будущего играет роль два феномена: процесс сознательного планирования и учет случайности. Если планирование (или самая абстрактная его форма – прогнозирование: планирование, пока не побужденное к действиям) – это элемент, упорядочивающий будущее, то случайность – элемент, сводящий будущее к непредсказуемому хаосу событий. Случайность может сдвинуть хронологию событий, которую мы планируем вперед или назад по линии времени.

Четкое терминологическое определение «образа будущего» будет иметь несколько сложностей. Во-первых, это то понятие, которым легко оперируют гуманитарные науки самых разных направлений – от истории и социологии, до педагогики и психологии –, не давая при этом основных его дефиниций. Так, О.А. Солопова определяет образ будущего как «видение далекой

---

³ Иронический термин «бустория» был введен С. Лемом в повести «Футурологический конгресс» и расшифровывается как «история будущего» [27]

перспективы» [171, с. 52]. Очевидно, что образ будущего имеет субъективную ментальную природу, существует только в восприятии отдельного человека или в виде неких общественных ожиданий. О.А. Солопова отмечает, что «прогнозирование будущего – особенность нашего восприятия времени в целом» [172, с. 210].

Об одной из других сложностей – хронологических границах будущего мы уже говорили. Есть и несколько иных. Восприятие будущего и его «образа» очень часто зависят от профессиональной принадлежности, а, следовательно, и определенных ментальных установок того, кто будет определять этот образ.

1.2.1. Образ будущего: критика основных подходов к определению понятия. Педагог М.П. Щетинин, например, определяет образ будущего, как намеченное педагогом состояние развития своего подопечного \ ученика, при достижении которого реализуются оптимальным образом задатки ученика, его способности в границах нравственно допустимого [196]. Даже если мы «отфильтруем» специфически педагогические характеристики «образа будущего» из этого определения, оно все равно оказывается уже ограниченным. Во-первых, получается, что образ будущего может носить только нравственные, положительные ценностные черты. Это уже не вполне соответствует действительности: само наличие эсхатологии в религиозной традиции или регрессивистских представлений о развитии человечества подразумевают, что будущее может быть и ценностно-неприемлемым, нравственно «ущербным».

Однако в случае такого – педагогического – прочтения образа будущего мы оперируем некой «целью проекта», которая формируется вполне осознанно. Ее достижение планируется в результате использования определенных методов и инструментов.

С образом «естественного»⁴ будущего такое «проектное» будущее имеет мало общего.

Хотя даже такое педагогическое инструментальное определение дает осознание очень важного момента. Образ будущего важен не для будущего, а, в первую очередь, для настоящего. Причем для «относительного настоящего», о котором мы уже говорили в предыдущем параграфе. Для того настоящего, которое постоянно сдвигается в прошлое, перемещаясь в будущее. Схожих позиций придерживается, например, А. Ослон, президент фонда «Общественное мнение»: «Среди представлений человека об устройстве мира – населенного вещами, явлениями, идеями, живыми существами и в том числе людьми, – особое место занимают представления о будущем. Они играют роль своеобразной призмы, через которую рассматривается настоящее и от которой в значительной мере зависит, что в настоящем следует признавать существенным, а на что не следует обращать внимания...» [160, с. 5].

Здесь мы вновь возвращаемся к ситуации, о которой также говорилось выше: будущее наполняется ценностными объектами, ориентациями, «судится» на основании моральных категорий... настоящего. В исторической науке аналогичный феномен оценки прошлого, исходя из современности автора, получил название презентизма. Фактически, анализируя весь материал нашей работы – от исследований футурологов до романов-антиутопий – мы постоянно будем сталкиваться с презентизмом, но ориентированным не в прошлое, а в будущее.

Наконец, есть третья оценка образа будущего как сформированного понятия: «Представить образ будущего – значит сделать прогноз, предсказать, к какой точке в воображаемом

---

⁴ Здесь мы используем выражение не из научного дискурса будущего, а из романа А. Азимова «Конец вечности» [9], фабула которого закручивалась вокруг идеи постоянного изменения развития человечества в относительных временах прошлого и будущего для вневременной «Вечности». Под естественной линией развития подразумевалось развитие без постоянного вмешательства вневременных субъектов.

пространстве будущего будет тянуться ход событий от настоящего момента. Но предсказание, а тем более пророчество, не безучастно к будущему, оно его конструирует. Оно подталкивает ход событий к предсказанному образу...» [123]. На схожих позициях стоит и Е. Голоцан, который понимает «прогноз не в качестве предположения, а в качестве силы, влияющей на становление будущего. Рационально обоснованный анализ грядущего закладывает ориентиры для субъектов исторического процесса. История и футурология смыкаются в знаменитой теореме Томаса – “если человек определяет обстоятельства как действительные, они становятся действительными в своих последствиях”» [97].

Здесь мы можем отметить два принципиально важных отличия от озвученных ранее позиций: во-первых, «конструирование» или «определение» будущего происходит в данной трактовке даже без сознательного проектирования. Сам по себе прогноз определяет предрасположенность к такому будущему. Эта дилемма не верифицируема и не опровергаема в линейном времени. Для ее подтверждения или опровержения нам требуется, минимум, два опыта в абсолютно идентичной ситуации с идентичными условиями и субъектами. В одном случае нам необходимо лишить «экспериментальную группу» прогнозного знания. В другом случае – дать прогноз и определить, было ли искажение будущего и если было, то какое именно. Для этого требуется провести один из опытов, вернуться в прошлое и поставить второй опыт. С точки зрения современных представлений о физической картине мира задача не имеет решения, ее условие противоречит фундаментальным физическим законам. Задача теоретически решается методами социально-психологического эксперимента, однако результаты при использовании таких методик окажутся весьма приблизительны в силу невозможности полной идентичности основной и контрольной групп и аналогичной невозможности абсолютной идентичности

ситуаций. Нам хотелось бы сразу отметить, что косвенным образом влияние «образа будущего» на настоящее и на развитие ситуации подтверждается, как минимум, двумя науками: физикой и экономикой. В экономике фактором, оказывающим влияние на объем спроса, являются, в числе прочего, и «общественные ожидания» - то есть по сути своей малый фрагмент «образа будущего». В физике Ф. Гейзенбергом был сформулирован «принцип неопределенности»: «наблюдатель оказывает воздействие на наблюдаемое». Для прогнозиста-футуролога будущее является наблюдаемым (к тому же существует некая сумма общественных ожиданий как надежд и опасений, связанных с будущим), он же является наблюдателем и посредством своего инструмента наблюдения (прогноза) влияет на наблюдаемое явление (будущее, представленное в ожиданиях).

Второе принципиально важное отличие приведенной выше цитаты из работы С. Кара-Мурзы заключается в том, что «будущее» - это не результат проекта и не мера восприятия и оценки настоящего. Будущее – это будущее, оно самоценно. Образ будущего ценен именно своей «предсказательной» природой.

Можно было бы отметить и еще одно следствие, не вполне точно определяемое из приведенных цитат. Образ будущего как проект означает оптимистические ожидания, проект предполагает позитивный результат. Образ будущего как предсказание играет роль, скорее, предостережения, а, следовательно, потенциально негативен в презентистской оценке настоящего. Роль предупреждения по отношению к негативному развитию событий закрепились в человеческой культуре с достаточно древнего времени – ее можно проследить косвенным образом («на Бога надейся, но сам не плошай» - не конкретизированное упреждение негативного варианта развития событий) и прямым образом. В трактате Сунь Цзы «Искусство войны» (глава VIII) содержится следующий принцип стратегии: «Правило ведения войны

заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него...» [8] - иными словами стратег не рассчитывает на благоприятный исход событий, а готовится к неблагоприятному.

Наиболее подходящее определение, на наш взгляд, было дано Л.В. Ракитянской: «мысленный, виртуальный образ, воспроизводящий в символической форме основные черты будущего <...> на основе философского смысла прошлого и будущего, играет особую роль в формировании культуры индивидуального и социального самосознания» [61, с. 17, 13].

Во-первых, данное определение указывает на необходимость «вербализации» образа будущего, передачи его символически. Во-вторых, подчеркивается, что образ будущего важен для формирования культуры самосознания (можно было бы добавить «и самоопределения также»). С другой стороны – и эта ошибка принципиальна! – в определении неявно подразумевается, что образ будущего символически выражает черты *реального* будущего. По крайней мере, ничего не сказано о том, что это будущее имеет только вероятностную предположительную природу. И таким образом... общественные ожидания будущего, реализованные символически – в виде «*образа будущего*» формируют «культуру индивидуального и массового самосознания». А это индивидуальное и общественное самосознание, отвечая на вопрос «кто мы и какое сейчас время» [61, с. 9] формирует образ будущего. Круг замкнулся.

Необходимо также отметить понятие, которое достаточно сложно разграничить формальными методами с понятием «образ будущего» - это «социальная перспектива». Б.С. Сивирин определяет социальную перспективу как «единое, многомерное, динамическое поле социальной потенциальности..., исследуя

которое можно эффективно осуществлять социальное управление и социальный прогноз» [64, с. 12]. Данное, весьма расплывчатое, определение шире понятия образ будущего и включает его в себя: «социальное будущее [*в форме видения социальной перспективы, прогноза, образа будущего в целом – прим. мое, И.Т.*] является относительно самостоятельным социокультурным феноменом квазиреальной формы, выполняющим важные мотивирующие и социально-нравственные формы» [64, с. 9].

Как и Л.В. Ракитянская, Б.С. Сивирин допускает в данном определении с нашей точки зрения принципиальную ошибку – не указывает на не-существование в актуальном времени будущего. Складывается ощущение, что социальное будущее, а не его причинность или некие формирующиеся черты существуют в актуальном настоящем. Впрочем, Б.С. Сивирин при этом использует гибкую дефиницию «квазиреальности», которая компенсирует обозначенный недостаток.

1.2.2. Образ будущего – понятие и основные черты. Таким образом, учитывая и критику всех обозначенных выше позиций и, безусловно, верные моменты, мы можем определить **образ будущего** как комплекс социальных ожиданий относительно перспектив развития социума, основанный на явлениях актуальной социальности, научной прогностике, творческом осмыслении и индивидуальных переживаниях носителя, воплощенный ментально, вербально и\или визуально, имеющий четкую эмоциональную и ценностную наполненность («хорошее» или «плохое» будущее) и оказывающий влияние на настоящее.

У всех перечисленных выше позиций есть несколько общих черт. Во-первых, во всех случаях подразумевается некая полнота в описании \ моделировании образа будущего. Во-вторых, подчеркивается принципиальное сходство с прошлым и, особенно настоящим: «Ведь будущее растет из прошлого, а сегодня – “только миг между прошлым и будущим”...» [123].

Прежде всего, нам бы хотелось опровергнуть тезис о том, что «образ будущего» - цельное законченное представление субъекта о социальном (историческом) будущем. В самом деле – процессов, отношений, результирующих их феноменов в социуме слишком много, чтобы анализировать их в рамках какой-либо одной науки. По крайней мере, к такой оценке склонна современная гуманитарная наука. Однако, признавая, что для исследования прошлого и настоящего нам требуется история, социология, политология, экономика, культурология, искусствоведение и т.д., современная гуманитарная наука тут же наивно предлагает индивиду оперировать образом будущего как цельным представлением о будущем социума. То есть стать одновременно мысленным историком, социологом, политологом и т.д. будущего. Образ будущего, лишенный такой целостности восприятия с множества возможных позиций, фрагментарен; причем мозаика эта лишена многих фрагментов.

Поскольку образ будущего формируется именно в сознании индивида и связан с реальностью лишь опосредованно как взгляд на ее предстоящее развитие, прогноз или предсказание, то он – исключительно субъективный феномен. И как субъективный феномен он будет ограничен характеристиками самого субъекта. Один человек обратит пристальный взгляд на развитие техники – да и то из всего спектра прикладных результатов точных и естественных наук выберет лишь близкое и\или понятное ему. Другой – обратит внимание на развитие политических или социальных институтов. Специально подготовленный футуролог даст свой прогноз относительно многих – но не всех! – сфер жизни общества, развития науки и т.д. Общее место между ними интуитивно понятно – и простой обыватель, и вооруженный научными методами футуролог подробно, аргументировано и доходчиво объяснят, почему их прогноз не сбился. Почему будущее оказалось совсем иным, чем его образ. И тут же могут дать

следующий прогноз – столь же неверный (или верный) как предыдущие,... то есть образ будущего в их сознании эволюционирует, меняется – как правило, в сторону усложнения, увеличения числа анализируемых факторов прошлого и настоящего вместе с ростом жизненного опыта, научных познаний индивида и т.д.

Это второй камень в огород «цельности, емкости и завершенности» образа будущего. Нам представляется, что в любой данный для индивида момент времени образ будущего, существующий в его сознании, действительно завершен. Однако завершенность не означает статичности. Образ будущего открыт для изменений – как эволюционных, так и революционных в случае совершения индивидом неожиданных открытий, получения принципиально новых для него сведений и т.д. Образ будущего имеет фрагментарно-мозаичную природу – он охватывает только интересующие или уже знакомые индивиду области знания. Скажем, было бы весьма странным, если бы автор, как специалист гуманитарного профиля, обладал бы законченным, с точки зрения Нобелевского лауреата по физике, образом будущего развития естественных наук и их влияния на будущее социума.

Итак, образ будущего фрагментарен. При этом в любой данный момент времени он воспринимается как завершенный. Конечно, исключая тот случай, когда индивид находится как раз в непосредственном динамичном процессе переосмысления этого образа. И, наконец, он открыт для изменений. Из этих характеристик первая и последняя самим индивидом могут восприниматься как неверные. Человек может считать, что его знание будущего всеобъемлюще и закрыто для изменений (не относительно завершенно, а абсолютно, окончательно). Но это стиль мышления не исследователя или обычного человека, а пророка, поэтому мы такой вариант рассматривать не будем.

Наконец, нам следует остановиться на еще нескольких характеристиках образа будущего, которые вытекают из предыдущих характеристик, и общей субъективности образа будущего. Этот образ имеет ключевые точки или доминанты своего формирования. Вокруг доминант мышления, интересов, реальных знаний самого индивида и будут формироваться фрагменты личного образа будущего. Зоны же, не интересующие индивида останутся «белыми пятнами» образа будущего.

Все сказанное выше рассматривает идеальную ситуацию – индивид пребывает в состоянии условной нормы психического здоровья и изолирован от каких-либо чужих оценочных или прогностических влияний. В реальной жизни сильные личные переживания, отдаляющие индивида от черты идеального психического здоровья, условной нормы, меняют и образ будущего. Аналогичным образом меняется образ будущего под воздействие информационной среды. «Купаясь» в массовых коммуникациях современного общества: от печатной прессы и литературы до Интернет-форумов, блогов и т.д., индивид попадает под прессинг «экспертов по будущему». Они формируют его знание о будущем даже вне областей, в которых индивид способен рассуждать с долей профессионализма. Эксперты, расширяют спектр рассматриваемых явлений, еще более фрагментируя образ будущего. Свои оценки эксперты представляют на основе «научных методов», точный ход рассуждений которых восстановить невозможно,... поскольку среди методов прогнозирования до сих пор человечеством наиболее разработан интуитивный прогноз, который облекается в формы тенденциального, сценарного прогнозирования и пр.

1.2.3. Образ будущего и образ прошлого, или футурология против истории. В заключение общей характеристики понятия «образ будущего» нам хотелось бы сравнить его с понятием «образ прошлого». Очевидно, что и образ прошлого – даже и тем более – у профессионального историка также будет фрагментарен. Он таким

же образом будет субъективен, завершен в любой данный момент времени и открыт для изменений по мере прироста данных. Мозаика знаний о прошлом также будет формироваться вокруг областей личных интересов (доминантные зоны образа прошлого) и точно так же под воздействием собственных знаний – в том числе и дилетантских – и под воздействием информационной среды и экспертов, которыми будут выступать признанные индивидом авторитеты исторической науки.

Однако есть одно различие, которое, правда, с точки зрения автора носит весьма условный характер: образ будущего недоказуем и непроверяем из данного момента времени. Верифицирует или фальсифицирует его лишь момент достижения на стреле времени точки определенной как время сбывшегося прогноза. Хотя никто не мешает индивиду в образе будущего оперировать хронологически неопределенными «пророчествами». Индивид может заявить: «в будущем человечество будет пользоваться практически неисчерпаемым источником энергии расширения вселенной и дешевой трансмутацией элементов...» Очевидно, что для фальсификации или верификации такого утверждения придется дожидаться исчезновения человечества. Даже физическое доказательство несбыточности таких прогнозов невозможно, поскольку неокончательна и современная физическая парадигма. Собственно, здесь можно только повторить за Ильей Пригожиным фабулу рассказа А. Азимова о цивилизации, которая вопрошала у созданного ей сверх-компьютера о том, как опровергнуть Второй Закон термодинамики. Компьютер неизменно давал ответ: «Недостаточно данных» - вплоть до тепловой смерти Вселенной [167]... В социальной прогностике ситуация до боли схожая, как логически определили мы выше.

Однако мы не зря сделали оговорку, что и такое различие весьма условно: ни одна верификация исторической науки также не окончательна. Открытие нового исторического источника, метода

работы с источником или новой концептуализации исторического процесса также способно в будущем фальсифицировать любой результат исторической науки. Прошлое не существует в силу необратимости физических процессов, а, следовательно, также не верифицируемо окончательно. «Поскольку прямое наблюдение за тем, что уже произошло, в принципе невозможно, неоднократно ставился вопрос о том, что историю нельзя считать научной дисциплиной, так как её конструкции условны, умозрительны по своей природе и субъективны», - отмечают И.К. Калимонов и Д.Е. Мартынов [122, с. 7].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что разница между знанием о прошлом и образом будущего заключается, по большому счету, лишь в методах его формирования: научные исторические методы против методов прогнозирования. И те, и другие в значительной (но неисключительной) степени базируются на личном таланте исследователя и его когнитивных способностей. Логика рассуждения, фантазия и пр. столь же необходимы историку, сколь и футурологу. Но человеческий социум больше привык доверять прошлому, чем будущему...

1.2.4. Образ будущего, образ настоящего и физическая картина мира, или правы ли «физики» в обвинениях «переписываемой» истории? Однако наше рассуждение не было бы окончательным, если бы мы не добавили еще два понятия – образ (картина) настоящего и образ (картина) реальности в естественных науках.

Очевидным становится, что с обозначенных выше критериев разница между образом настоящего и между образом и прошлого, и будущего также не существует. Образ реальности также фрагментарен, при этом одновременно завершен и открыт к изменениям, недоказуем и непроверяем... к тому же образ настоящего с течением времени превращается в образ прошлого.

Собственно, линия превращения будущего в настоящее, а затем в прошлое определяет и наследование упомянутых нами характеристик этих образов в человеческом сознании.

Наконец, образ реальности, или физическая картина мира, страдает такими же «грехами». Она фрагментарна и неокончательна (хотя длительное время наука претендовала на скорое окончательное постижение мира). Принципиальное отличие естественных наук и картины мира, которую они рождают, заключается в том, что эти науки, а точнее – их представители – в большинстве случаев признают, что естественнонаучное знание принципиально незавершенно.

«...Какое место занимает картина мира физиков-теоретиков среди всех возможных таких картин? Благодаря использованию языка математики эта картина удовлетворяет наиболее высоким требованиям в отношении строгости и точности выражения взаимозависимостей. Но зато физик вынужден сильнее ограничивать свой предмет, довольствуясь изображением наиболее простых, доступных нашему опыту явлений, тогда как все сложные явления не могут быть воссозданы человеческим умом с той точностью и последовательностью, которые необходимы физику-теоретику. Высшая аккуратность, ясность и уверенность — за счет полноты. Но какую прелесть может иметь охват такого небольшого среза природы, если наиболее тонкое и сложное малодушно и боязливо оставляется в стороне? Заслуживает ли результат такого скромного занятия гордое название “картины мира”?...» [197].

С нашей точки зрения, безусловно, заслуживает. Собственно, такая общность фрагментарности и прочих характеристик между образами будущего, настоящего, прошлого и физической реальности не является коллективной трагедией науки. Это закономерный результат человеческого мышления, границ его возможностей и осознания этого. То есть то самое, что Илья Пригожин окрестил «цивилизацией неопределенности» [167].

Однако не будучи коллективной трагедией, революционные изменения любого из перечисленных образов могут стать личной трагедией отдельного человека или исследователя. От краха научного мировоззрения и карьеры вследствие смены парадигм до кризиса переоценки прошлого вследствие смены доминирующей идеологии. Примеров и того и другого в истории прошедшего XX столетия беспрецедентно много.

Проблема прогнозирования – научно-футурологического или на основании обыденного опыта – упирается в личный талант прогнозиста. Однако и этот аспект не делает образ будущего отличным от образа прошлого или настоящего, от физической картины мира. Открытия в любой из этих «отраслей» знания также зависят от таланта (в данной ситуации – суммы определенных личных качеств) исследователя. Их общее отличие принципиально, скорее, от сферы искусства.

Как отмечал А. Эйнштейн, творения Ван Гога, Босха и т.д. уникальны и ни один иной художник не создал бы их полотен. Но если бы не родился Исаак Ньютон, то это не означало бы, что проблема падения тел никогда бы не привлекла внимания исследователей

Однако из проблемы зависимости научного открытия или формирования образа будущего не только и не столько от научного инструментария (получив доступ к которому человек может стать, а может и не стать ученым) вытекает и иное следствие. Верифицируемый и фальсифицируемый лишь с течением времени прогноз (результат осмысления образа будущего) может принадлежать и человеку, не принадлежащему научному сообществу.

1.2.5. Таланты прогнозиста, или Оракул против Машины Тьюринга. Раз уж образ будущего в большей степени зависит от личных качеств (эрудированности, способностей к анализу информации и логическим рассуждениям в целом, фантазии и пр.)

прогнозиста, то необходимо, наверное, определить: способности в какой области требуется для такого прогнозирования? Необходимость соответствия таким – очень высоким критериям отмечает В.В. Деркач: «Без преувеличения можно сказать, что прогнозирование – это сверхнаука, требующая энциклопедических знаний и исключительного уровня эрудиции и интеллекта. Эффективность ее решения определяется рядом факторов, среди которых весьма заметную роль играет интуиция» [109, с. 163]. А.И. Молев, проводя принципиальное различие между футурологическим прогнозом и творческим предсказанием, называет следующие определяющие факторы разработки релевантного *научного* прогноза: «**интуиция** [*здесь и далее выделение мое – И.Т.*], саморефлексия познающего и **воображение** <...> философское мышление и философская интерпретация социальных феноменов <...> сценарный метод, **основанный на художественном вымысле и импровизации** [55, с. 18, 20, 23]. Для нас очевидно, что при такой «методологии» научный прогноз не имеет принципиальных отличий от творческого, либо автор чрезмерно акцентирует внимание на творческой составляющей прогнозирования.

Ответ на этот вопрос будет прост: необходимо опыт в моделировании реальности от концептуальных основ до отдельных межличностных отношений. Не опыт анализа настоящего. Это в большинстве случаев поставит исследователя перед стеной тенденциального прогноза, или написания сценариев для хорошего, плохого и катастрофического вариантов. К тому же это ограничивает исследователя парадигмой социального знания. Будущее же флуктуативно. Мы бы скорее указали, что априори больше «опыта» в области создания «достоверного» образа будущего у писателей. Строго говоря, по числу сбывшихся прогнозов Г. Уэллс, Ж. Верн и А. Беляев способны дать фору любому признанному футурологу.

Наконец, по степени влияния на массы людей писатели опять же превосходят «ученых»-футурологов.

В силу этих обстоятельств нам представляется, что изучение образа будущего, созданного писателями в жанре утопий-дистопий-антиутопий не менее, а то и более целесообразно, чем изучение аналогичного образа будущего, созданного усилиями футурологов. Тем большую актуальность принимают эти рассуждения, если мы признаем тезис о том, что образ будущего в настоящем способен влиять на будущее. Или, иными словами реальность второго порядка – на реальность первого.

1.3. Футурология и антиутопии – место феноменов в системе прогностического знания

В рамках исследования феномена ментального образа будущего мы не можем обойти проблему основного «производителя» таких образов. Можно выделить несколько уровней формирования образа будущего. Они будут связаны, как и исторические формы сознания, с доминирующими отношениями к окружающему миру, способам познания окружающей реальности. Но главное основание такой классификации – это основание воспринимаемой релевантности прогноза⁵, ответ на вопрос: «почему субъект доверяет именно этому прогнозу\предсказанию\пророчеству?».

1.3.1. Структурная иерархия прогнозов или в поисках места футурологии и антиутопий. Первый уровень прогнозирования – мистико-прогностический, или религиозный. Невзирая на принципиальную разницу в семантической нагрузке мистических и религиозных прогнозов их можно вывести на общее основание – они принципиально не зависят от верификации. Постоянно возобновляющийся интерес к пророчествам Ванги или Нострадамуса, к библейской эсхатологии или тематике Рагнорёка в скандинавской мифологии – все это производная этого уровня «псевдознания» о будущем. Производная чистой веры.

Второй уровень – мы условно можем назвать его авторитетным. Он зависит уже от аналитических и творческих способностей конкретного индивида, и его результаты, как правило, снабжаются минимально необходимой аргументацией.

---

⁵ Здесь и далее под релевантностью мы подразумеваем информационную релевантность – соответствие результата запросу; релевантность прогноза – это его «достоверность» (то есть вероятная реализация основных положений в будущем) для воспринимающего субъекта, который всегда имеет некоторые собственные ожидания относительно грядущего развития.

Наконец, третий уровень можно определить как научный. Здесь используются те или иные научные методы (статистический анализ, экстраполяция, корреляция прогноза и т.д.).

В использовании термина «уровень прогнозирования» нет намека на ценность или достоверность прогноза. Невзирая на то, что теория вероятности показывает нам, как мала вероятность того или иного события, она же доказывает, что это событие принципиально может произойти. Под иерархическим уровнем мы подразумеваем скорее близость к научным методам изучения настоящего и прошлого.

Естественно, что конкретные прогнозы и авторы могут «кочевать» из одной области в другую. Например, прогноз сингуляристов о технологической сингулярности⁶ иначе как мистическим не назовешь (и в этом сингуляристы не согласятся с автором), хотя базировались они скорее на околонаучном анализе технологического прогресса человечества. Аналогичным образом околонаучные прогнозы наиболее известных прогнозистов второй половины XX века – Д. Белла, Э. Тоффлера, З. Бжезинского и пр. перешли на второй уровень. Благодаря их социальному или политическому реальному авторитету (равно как и номинальному научному)⁷ большую роль играет уже не научность методики построения прогноза, а имя-бренд. Аналогичным образом спекуляция на имени, например, пророчицы Ванги переводит временно любую глупость на уровень авторитетного прогноза.

Смещение уровней прогнозирования приводит к появлению спекулятивных прогнозов. Это некачественные и изначально обладающие низкой релевантностью фантазии, объясняющиеся уверенностью прогнозиста в собственном авторитете, который играет роль «провокаатора». Переход научного прогноза на уровень

---

⁶ Ниже мы будем подробно говорить о том, что такое «технологическая сингулярность»

⁷ Относительно будущего реальным авторитетом будет считаться только авторитет действительной модуляции\изменения реальности. Научный авторитет будет играть номинальную роль – большими знаниями о будущем обладает не тот, кто собрал «в копилку» больше знаний, а тот, кто создает это будущее.

авторитетного также играет печальную роль в судьбе иных исследований. Некритически воспринятые идеи превращаются в магические формулы, наукообразные заклинания, которые уже не нуждаются в верификации (с точки зрения сторонников авторитетной концепции) и повторяются из работы в работу. Одной из таких формул для теории «информационного общества» стала фраза: «информационное общество впервые в истории ставит вопрос о необходимости непрерывного образования в течение всей жизни». По моральным соображениям мы опустим список авторов, забывших поговорку «век живи – век учись» и максимы многих мыслителей эпохи Просвещения. Г. В. Телегина, обобщая схожую логику рассуждений, отмечает, что термины «информация», «знания» и «образования» все больше утрачивают свою смысловую аутентичность, «приобретая инструментальную функцию “магических формул” и привлекательных ярлыков...» [174, с. 38]. Эти феномены позволило Я.Ю. Васильеву сделать резонный вывод о том, что «можно говорить о кризисе прогнозирования» - и дать этому столь же резонное обоснование, которое отсылает нас к проблемам низкой релевантности и откровенной спекулятивности прогнозов: «в чем он [*кризис прогнозирования – И.Т.*] проявляется? Прежде всего, обращает на себя внимание негативный опыт западной футурологии» [91, с. 20].

Впрочем, естественно, что классификация, предложенная нами, не единственно верная. Возможны и иные варианты типологии прогнозов. Например, И.В. Бестужев-Лада в цикле лекций, посвященных прогностике как науке и методу, определяет такую классификацию прогнозов:

1. предвидение (предсказание и предугадание)
2. предчувствие (простое предвосхищение)
3. предугадывание (сложное предвосхищение)
4. прогнозирование

Предуказание выступает в формах целеполагания, планирования, программирования, проектирования, текущих управленческих решений [81].

Впрочем, эта классификация не является изолированной от представленной нами выше логики. И.В. Бестужев-Лада также выделяет, например, религиозное предвидение, а в предчувствии и предугадывании выделяет роль личного жизненного опыта. Последнее известным образом может определять и авторитетность прогнозиста. Мы охотнее поверим относительно развития экономической ситуации в период кризиса доктору наук, нежели безумому юнцу. Авторитет и большой жизненный опыт доктора – выраженный вполне реально в морщинах и бороде – будут при личном, даже одностороннем «общении» значить больше. Хотя Ж. Аттали отмечал и возможность обратной ситуации [75].

Собственно, в нашем исследовании нас более всего будет интересовать проблема одного соотношения, которое кратко было выражено в том же курсе лекций Бестужева-Лады: «теоретически взаимосвязь между предсказанием и предуказанием никогда не равна нулю...» [81]. С нашей точки зрения такая возможность логически обоснована – например, исходя из схемы воздействия образа будущего в экономике: изменение общественных ожиданий влияет на объем спроса.

1.3.2. Прогнозирование, планирование и предопределение будущего. В научной фантастике в жанре утопии\дистопии\антиутопии обозначенная выше проблема соотношения предсказательной и предопределяющей компонент прогноза нашла свое выражение в «заочной дискуссии» двух романов-эпопей – «Основания» Айзека Азимова [10] и «Дюны» Фрэнка Херберта [см., например, 37, 36, 38]. В первом случае автор «Основания» склонялся к мысли о том, что знание будущего массами искажает его черты. То есть прогноз, известный массам, делает невозможным реализацию прогнозированной ситуации. Во

втором случае герой эпопеи Пауль Атрейдес, наделенный даром «абсолютного предвидения», говорит: «Знание будущего загоняет тебя в его ловушку» - предсказание становится жестким предуказанием. Как нам представляется, этой проблеме, сформулированной в фантастике, в науке до сих пор уделялось недостаточно большое внимание при всей ее актуальности.

Можно выделить и другие ситуации и типологии прогнозирования. Однако нас будет интересовать все же авторский вариант, поскольку он позволяет максимально простым способом включить в систему прогнозирования литературные, кинематографические или компьютерно-симуляционные прогнозы \ предсказания.

В связи со всем сказанным выше возникает два вопроса:

1. К какому из уровней прогнозирования отнести феномен литературной (да и любой иной) антиутопии,
2. В сравнении с каким из двух других уровней следует изучать этот феномен?

Мы будем исходить здесь из следующего рассуждения: сравнение антиутопии с мистическим или религиозным прогнозом нецелесообразно. Во-первых, основная функция антиутопии (по крайней мере, номинально): предупреждение социума о негативных вариантах развития. Мистическое или религиозное пророчество также может нести функцию предупреждения, однако в силу самого характера религиозной совершенности времени в «пространстве» абсолютной божественной вечности, таким пророчествам приходится привлекать инструментарий синкретичного объединения фаталистического провиденциализма и тезиса о свободе воли, дарованной Богом человеку. Приблизительно аналогичную цель – предупреждения – в большинстве случаев имеет футурологический прогноз. Как иной вариант – футурология может дать оптимистический прогноз, развеивающий тревожные ожидания. Однако этот вариант

симметричен литературной утопии. Мистическое или религиозное пророчество, как правило, формирует образ «неотвратимого» будущего. Страшный Суд произойдет в конце истории вне зависимости от действий всех людей.

1.3.3. А отличается ли популярная футурология от художественного творчества? А.И. Молев определяет футурологию весьма спорным образом: «Футурология – в широком смысле, совокупность представлений о будущем человечества... часто употребляется как синоним *прогнозирования* [выделение автора – И.Т.] и прогностики. <...> Таким образом, футурология – это изучение истории будущего» [55, с. 13]. И если с первой частью такого утверждения можно согласиться, то определение футурологии как истории будущего невозможно, хотя бы в силу только лишь вероятностной природы феноменов будущего, данных в прогнозах, их «нестабильном» положении на хронологической прямой. Наконец, такое определение невозможно хотя бы потому, что, по словам самого исследователя, «смысл изучения будущего в том, чтобы от пассивного и фаталистического его принятия перейти к активному и уверенному участию в построении предпочитаемого [здесь и далее выделение мое – И.Т.] и *наиболее вероятного будущего*. Футурология также включает в себя и нормативную часть – рассуждения о том, “как должно быть”» [55, с. 14]. История не конструирует предпочитаемое прошлое реально, она может ангажированным образом его интерпретировать и даже явным образом фальсифицировать, но это прошлое в любом случае остается ментальным образом, будущее футурологии из ментального образа однажды становится реальностью, совпадающей или не совпадающей с изначальным прогнозом. Кроме того, смущает не проведенное разделение в таком подходе к футурологической проблематике *предпочитаемого* и *наиболее вероятного* будущего. С точки зрения представителей Римского клуба наиболее вероятна экологическая катастрофа и фактически

полное вымирание человечества, однако такое будущее не является *предпочитаемым*. Смещение «предпочитаемого» и «наиболее вероятного» будущего приводит нас к «оптимистическому фатализму» в социальном проектировании, фактически сводит футурологию к ненаучному религиозному уровню предсказания.

В отношении футурологического прогноза мы в большинстве случаев имеем дело с «настоящим в будущем» (экстраполяции существующей в настоящем тенденции на будущее время). Это открывает возможности для введения второй позиции сравнения: мистический или религиозный прогноз базируется на иррациональной почве. Для формулировки пророчества не требуется даже знание сегодняшнего дня: лишь мистическое или божественное откровение. Футурология «рассматривает цели, задачи, направление нашего движения, вытекающие из наблюдаемых тенденций (этим футурология отличается от фантастики) и то, какие проблемы и возможности встретятся на нашем пути» [55, с. 13]. Однако антиутопический прогноз также исходит из реалий настоящего (технологических или социальных) или из критики утопического проекта будущего⁸. В жанре антиутопии прогноз строится, либо исходя из доведения до логического конца (чаще всего абсурдного) определенной тенденции этого настоящего⁹, либо исходя из авторской критики существующего утопического проекта¹⁰. Должное прогностическому таланту писателей отдавал Ж. Аттали, правда, в

---

⁸ В свою очередь утопический проект будет все же исходить из определенных концептуальных представлений о возможной природе человека и общества.

⁹ Например, доведения до логического финала тенденции к арабо-исламской миграции в Европу в романе Е. Чудиновой «Мечеть Парижской богородицы» [41] или демографической тенденции в романе Э. Берджесса «Вожделеющее семья», построение социалистически-тоталитарного мира в «1984» Дж. Оруэлла, очевидно, тоже имело своим основанием реальное увеличение влияния «левых» партий в Европе после падения Берлина и, затем, окончания Второй Мировой войны победой союзников [11].

¹⁰ Собственно, 3 антиутопии, которые чаще всего называют «классическими» - «1984» Дж. Оруэлла [30], «О дивный новый мир!» О. Хаксли [35] и «Мы» Е. Замятина [24] критиковали утопические проекты современной им ситуации: социалистического или коммунистического строительства на основе насильственной смены режима в романах Замятина и Оруэлла. Или упований на «светлое будущее» технократии и сциентизма в романе Хаксли.

своеобразной форме: «В этом смысле ”Капитал” Маркса или “Исследование о природе и причинах богатства народов” Адама Смита могут оказаться куда менее полезными, чем, скажем, кинематографическая фантазия Ридли Скотта “Бег по острию бритвы”¹¹ - голливудская киностряпня, в которой мы находим больше правды о грядущем веке, чем у этих авторов-классиков» [75]. Антиутопии, таким образом, и учитывают реалии сегодняшнего дня, и вытекающие из этого тренды; определяют «цели и задачи» нашего развития, и, тем более, проблемы, которые «встретятся на этом пути». Но фантазия и гротеск, субъективные черты будущности вообще, в антиутопиях первичны (о чем мы будем говорить в первом параграфе третьей главы), а футурология декларирует первичность своей научности и лишь затем, как необходимый инструмент привлекает интуицию, воображение и пр.

Таким образом, методом исключения получается, что антиутопию следует отнести к «авторитетному уровню» прогнозирования: он еще не околонанчен и базируется на таланте самого писателя, аналитически исследующего настоящее или идеологические проекты настоящего. Он уже не полностью иррационален. Сравнивать антиутопический прогноз, скорее, следует с футурологической прогностикой. Она ближе по методологии, творения «классиков футурологии» также смещаются на авторитетный уровень прогноза¹².

1.3.4. Классификация футурологических подходов.
Определить какие-либо четкие направления футурологии довольно

---

¹¹ Следует укорить Ж. Аттали за невнимательность – фильм «Бегущий по лезвию бритвы» снят по мотивам повести Ф.К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» [20], о чем зрителя и уведомляют в начальных титрах.

¹² Например в «трактате-эссе» Э. Тоффлера «Шок будущего» [Здесь и далее мы будем пользоваться двумя вариантами перевода названия – и «Шок будущего», и «Футурошок» получили в целом одинаковое «хождение» в научном дискурсе и, собственно, в работе переводчиков] [176] имеет место большое число ссылок на «замечательную работу одного автора» без конкретного цитирования, автор чаще фантазийным образом моделирует, нежели опирается на статистику, экстраполируя ее в будущее и т.д. Прогнозы З. Бжезинского вызывают большой резонанс, прежде всего, в силу его успехов как практикующего геополитика и преподавателя, воспитавшего целую плеяду американских политиков «первого звена», а не в силу безукоризненной аргументации самого Бжезинского.

сложно, тем более на основаниях выделения методологических посылок.

Попытка такого деления была предпринята сотрудником Уральского государственного университета им. А.М. Горького Р.И. Вылковым. Он выделил «5 методологических подходов к прогнозированию будущего: модернизация, теория «столкновения цивилизаций», глобализация, программа «Устойчивое развитие» и концепция постиндустриального общества...» [94]. Отставим в сторону дальнейшую достаточно интересную критику Р.И. Вылковым этих концепций. Нас более интересуют принципиальные основания такой классификации и возможная критика этих оснований. Самое интересное заключается в том, что автор ставит нас перед данной классификацией де-факто, не подводя под нее какую-либо аргументационную базу. Наша позиция заключается в следующем: данная классификация вполне имеет право на существование, более того, мы будем в дальнейшем при анализе футурологических концепций использовать именно ее. Однако туманное определение «на основании методологических подходов»¹³ в эту классификацию явно не вписывается. В своей критике этой классификации мы будем следовать за логикой его автора, авторской последовательностью выделения определенных методологических школ и подходов.

Теория «*столкновения цивилизаций*» не имеет какой-либо определенной методологической базы кроме традиции рассмотрения в истории феномена локального культурно-исторического типа [см., например, 103; 106; 175; 195] (общности, цивилизации) и вполне конкретного социально-политического заказа.

---

¹³ Методологию можно рассматривать в двух срезax: как теоретическую, и она тесно связана с разделом философского знания гносеологии, так и практическую — ориентированную на решение практических проблем и преобразование мира. Критика «теоретического уровня» такого разделения на методологические школы будет дана ниже. Практический уровень знания относительно будущего называется не прогнозированием, а планированием. Некоторые подходы — основаны на теоретическом уровне, некоторые — на практическом, некоторые — не имеют именно к методологии никакого отношения ни на том, ни на другом уровнях.

«Программной» для этой концепции стала статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?». Написана она была в 1993 году, вскоре после окончания «Бури в пустыне» и первой попытки Аль-Каиды взорвать Всемирный Торговый центр в Нью-Йорке. Конечно, это недостаточные основания для того, чтобы обвинить Хантингтона в научном обслуживании внешнеполитической доктрины США. Хотя основания для обвинения футурологии и футурологов не в данном конкретном случае, а в целом, имеются. Однако в западном обществе к настоящему времени сформировалась вполне не-футурологическая доктрина противостояния «Север-Юг», центральную ось в котором занимает противостояние западноевропейского мира и исламской цивилизации. Хантингтону пришлось же расширить свою статью до полноценной монографии. С методологическим направлением, таким образом, возникает проблема. Скорее, следовало бы выделить школу «геополитики» и «культур-политики». Их прогнозы, по существу, имеют одинаковую природу: и З. Бжезинский как наиболее авторитетный геополитик из ныне здравствующих и известных в мировом сообществе, и С. Хантингтон исполняют одну функцию. Они предупреждают о возможных политических угрозах существования США (узкий план – геополитика З. Бжезинского) или всей западноевропейской культурно-исторической общности-цивилизации (широкий план – доктрина «цивилизационного столкновения» С. Хантингтона). Акцент делается на методы нейтрализации таких угроз. Сходство «футурологических» концепций стратегического реагирования на внешние угрозы С. Хантингтона и З. Бжезинского отмечает также Д. М. Коломыщ [129].

Программа «*Устойчивое развитие*» вообще в принципе не является методологическим подходом к прогнозированию. Методологический подход Римского клуба, чьи ученые и аналитики являются авторами концепции «устойчивого развития» -

это системный анализ, помноженный на условное и ограниченное компьютерное моделирование. При этом акцент смещен на изначальную ограниченность природных ресурсов, «пределы» истощения биосферы и т.д. На базе такого методологического подхода и формулируется программа (или концепция) «устойчивого развития»: необходимые действия для продолжения существования человечества на планете Земля, не нарушая экологическое и ресурсное равновесие. То есть прогноз на основе системного подхода и компьютерного моделирования перетекает в «план действий».

В целом аналогичные возражения можно привести относительно и иных «методологических подходов». При этом становится непонятным, например, исчезновение из этой классификации концепции «трансгуманизма», о которой мы еще скажем ниже.

Мы бы предложили несколько иную трактовку этой классификации: не столько методологические основания, сколько школы социально-философской, политической, экономической, культурной и стратегической прогностики со своими идеологическими пред-установками и доминирующими факторами «футурологического анализа». Они, безусловно, имеют отличия в методологии, что объясняется различием пред-установок и «эпицентрами» прогностического внимания, однако точно также они имеют и значительное количество «общих мест» методологии.

Концепция постиндустриализма останавливает свое внимание на социальных, экономических, внутривполитических изменениях в результате НТР и превращения науки в «производительную силу». При этом сторонниками концепции, как правило, игнорируется тот факт, что человечество может не дожить до светлого постиндустриального завтра, если верным окажется прогноз Римского клуба [161].

Концепция «устойчивого развития» в первую очередь обращает внимание на неравномерность распределения ресурсов между планетарными регионами, их явно неравновесное использование и восстановление; и связанные с этим проблемы: экологическая катастрофа, «глобальная революция бедных», демографическая катастрофа и пр. [161].

Концепция столкновения цивилизаций игнорирует большую часть факторов свидетельствующих о формировании, например, в Европе постиндустриального общества. Это вне сферы интересов ее представителей¹⁴. Основной объект анализа – межгосударственные или межкультурные связи и конфликтные состояния, пути сохранения доминирования западной цивилизации и ее «флагмана» - США. Фактор ресурсов или, например, все большего возрастания последствий действий одной личности практически не учитывается. Хотя Аль-Каида как активная сетевая террористическая организация оказалась в состоянии нанести США как государству материальный ущерб сравнимый с мощной хакерской атакой одного профессионала в области компьютерного взлома.

Концепция глобализации вообще рассматривает скорее прошлое и настоящее. Методологии прогноза, кроме универсального утверждения «глобализация будет расширяться вместе с сопротивлением ей» в этой концепции не существует.

Концепция модернизации, опять же, скорее подход к формулировке государственной идеологии и государственных задач, определяющий экономическое развитие и социальную политику.

В плане методов – все эти подходы базируются на общей почве футурологических методик и методах исторического,

---

¹⁴ К слову сказать, в чистом виде при таком названии мы затрудняемся назвать еще кого-либо, кроме Хантингтона. Р.И. Вылков [94] также этого не делает. Поэтому в дальнейшем мы перейдем к наименованию геополитическая концепция, куда отнесем и работы С. Хантингтона и, например, уже упоминавшегося выше З. Бжезинского.

экономического, политического или социологического анализа. В плане практического преобразования мира: одни из них являются руководством к действию (концепция «устойчивого развития»), другие – конкретной инструкцией к действию (геополитическая концепция). Третьи лишь определяют социальную или государственную цель (в современном социуме принято мечтать о переходе в постиндустриальную эру). Разница эта очевидна. В цикле лекций, посвященных социальному прогнозированию, И.В. Бестужев-Лада упоминает о советских и американских исследованиях природы аналитических операций с будущим. Традиционно выводится 2 подхода: «Будущее стремятся предвидеть, предсказать, предвосхитить, предугадать, прогнозировать и т.д. Но будущее можно также планировать, программировать, проектировать...» [81]

То есть как идеологические школы, рассматривающие в прогностике определенные группы проблем при определенных пред-установках исследования – эти «методологические подходы» рассматривать вполне возможно.

И. В. Бестужев-Лада и А. Г. Наместникова в работе «Социальное прогнозирование» называет это «предпрогнозной ориентацией (программой исследования)» [81]. Однако, с нашей точки зрения, значение предпрогнозной ориентации шире, чем определение программы исследования. Фактически, это детерминация результата – по крайней мере, его оценки – еще до начала исследования.

1.3.5. «Ядро футурологии», или в поисках начала и конца постиндустриального кольца. Именно в обозначенном Р.И. Вылковым ракурсе (с учетом некоторой нашей критики) мы попытаемся дать общую характеристику этих школ и лексически сформулировать образ будущего, к которому совокупно готовят человечество различные околофутурологические направления. При этом наибольшую важность для нас представляет, на самом деле

подход, который можно назвать постиндустриальным¹⁵. Под ним, в дальнейшем, мы будем понимать целый комплекс концепций: собственно, постиндустриального общества, информационного общества, технотронного, постэкономического, супериндустриального и т.д. Теории эти и одновременно сосуществуют и пытаются вытеснить друг друга. Наиболее ясно и четко пролегла линия «конфликта» между теорией постиндустриального общества и информационной эры. Нам изначально важно отметить один принципиальный момент: постиндустриальная теория родилась в 60-е гг., спустя двадцать лет теория информационного общества начала ее вытеснять, **не отрицая феноменов, которые легли в основу доказательной базы постиндустриализма.** При этом столкновение теорий, которое легко проследить хронологически по датировкам работ авторов этих двух концепций, не подразумевает столь же легкое наблюдение за тем, как сталкивались эти «формации». Хотя такие попытки, конечно, предпринимались и предпринимаются. Например, Сергей Гриняев в статье «Угрозы и вызовы информационной эпохи» так определяет время этого столкновения: «...постиндустриальное общество последней трети XX века буквально на наших глазах трансформируется в общество информационное...» [98]. Из этого утверждения неумолимо вытекает два обстоятельства – очень важных для нас в перспективе! – **постиндустриальное общество уже существовало в законченных формах; и, во-вторых, формирование информационного общества – в значительной степени завершено и завершится окончательно в ближайшей исторической перспективе**

---

¹⁵ В отличие от иных подходов он изучает не столько расстановку политических сил на планете, их конфликты и взаимовлияние, а, в первую очередь, социокультурную динамику и социально-экономические отношения. А.И. Молев, вообще определяет постиндустриальную концепцию, как «центральную», по отношению к «периферийным» концепциям [55], зависимым от нее, причем в периферийные концепции он включает и супериндустриализм Э. Тоффлера, что вполне обосновано, и геополитические изыскания Зб. Бжезинского и С. Хантингтона, что уже не вполне корректно.

Нам еще придется вернуться к проблеме того: а можно ли вообще у большинства этих подходов говорить о футурологическом содержании? Наконец, нам необходимо отметить и тот момент, что кроме обозначенных выше подходов есть множество социофутурологических работ, которые мы затрудняемся отнести к какому-либо из этих направлений, хотя ближе всего они соотносятся с постиндустриальной концепцией¹⁶.

С нашей точки зрения у большинства из перечисленных подходов есть одна общая проблема – попытка изолированного исследования модусов настоящего и вытекающего из него близкого будущего.

Попытка исследования современного социума в изолированном пространстве краткосрочной исторической ретроспективы и перспективы, включающей собственно настоящее, обречена на провал. Во-первых, потому что меняется сам социум, и этот процесс имеет аналоговую, непрерывную, а не дискретно-цифровую, «поэтапную природу». Во-вторых, потому, что «Современность уходит корнями в прошлое и следствиями в будущее и “не может быть теоретически исследована при помощи каких-либо статичных методов и принципов”» [109, с. 161]. В.В. Деркач также отмечает и общий характер современности: «Общество постоянно изменяется и не может быть теоретически представлено в виде устойчивых, неизменных систем и структур» [110, с. 135]. Эта позиция вообще стала чем-то вроде необходимой магической формулы – от Ж. Аттали до российских исследователей. Так, Я.Ю. Васильев, повторяет озвученную выше позицию в несколько иной форме: «Мир становится сложнее, динамичнее, объектом исследования становится сам процесс этих изменений» [91, с. 21]. Схожие мысли приводит И.В. Леонов: «Начиная с рубежа XIX-XX вв. и вплоть до начала XXI в. человечество пребывает в ситуации, когда привычные смыслы,

---

¹⁶ Мы говорим, например, о концепции «обществ контроля» Ж. Делеза [107] и др.

ценности и культурные формы пришли в движение» [141, с. 165].
Позиция И.В. Леонова важна для нас в силу того, что он расширяет фазу перехода уже на границы XIX-XX столетия, а это первый шаг к пониманию типичности ситуации перманентного развития и отказа от тезиса об уникальности второй половины XX века

В нашем же случае объектом исследования выступают исследования процессов изменений – и можно отметить, что большинство из них представляют попытку представить пусть динамический образ, но образ законченного статичного мира. Это особенно хорошо отмечают представители исторических наук: «характерной особенностью развития исторической науки до 60-х гг. XX в., – равно востоковедческой и западной» её составляющих – была тенденция выявления статической структуры общества... имел место разрыв между «статичностью» предмета исторической науки и динамикой тех же предметов, изучаемых другими общественными дисциплинами» [122, с. 10]. Мы бы добавили от себя, что это на самом деле два разрыва – между динамикой реальных объектов и статикой их восприятия в научной методологии и мышлении человека; и между историей как наукой о динамике и иными социальными дисциплинами, которые изучают по большей степени настоящее, современность. И разрывы эти отнюдь не были преодолены за прошедшие с «60-х гг. XX века» пятьдесят лет.

Неизолированность современности от прошлого и ее «перетекание» в будущее, непрерывность протекающих изменений приводят нас к мысли о том, что не имеет смысла выделять само понятие современности как некой данной не только статичности, но и стабильности: «современное общество не имеет устойчивого настоящего (той твердой и прочной основы, на которой можно остановиться, стоять), но непрерывно оказывается в залоге «пост-» (после себя) <...> пространством «между», которое возникает как «отношение» между тем, что только что было и тут же

превращается в нечто другое» [73, с. 59]. А.В. Апыхтин отмечает это как проблему выделения в современной эпохе тех черт, что «задают ей саму определенность» современности, указывая и на одновременное наличие «предвестий будущего» и «следов прошлого» [74, с. 3]. В этом плане исследователь видит возможность исследования современности только в контексте анализа исторического времени в принципе [74, с. 14], и мы не можем с ним не согласиться. Задача традирования смысла собственной эпохи – это вопрос перехода от обыденного знания к философско-историческому [74, с. 16]; и, очевидно, найти ответ на этот вопрос невозможно в хронологической изоляции от прошлого и будущего. В рамках этой методологической посылки мы не видим оснований для выделения специфического этапа «постиндустриального и информационного общества». Однако он имеет смысл в контексте описания специфики процессов текущих изменений социума и культуры.

Другой нашей методологической позицией является посылка о необходимости синкретически единого рассмотрения как можно большего числа футурологических концепций и концептуализаций современности (открывающий возможности перспективного анализа). Не взирая на достаточно жесткую критику многих подходов, которую автор даст ниже, он придерживается мнения, что для переходного периода эта ситуация более чем нормальна – она единственно возможна. «Поиск новых форм организации и объяснения реальности порождает информационную избыточность, глубокую диалогичность и «открытость» переходных периодов» [141, с. 167]. Даже самим сторонникам этой теории сложно осуществить «окончательный вывод»: какой концептуализации они придерживаются реально, а не декларативно. Это вполне резонно – ведь современная наука, как и часть общества, находится в условиях «такого хаоса, обезличенности, скольжения по поверхности, где нет приоритетов, – это условия пространства

коммуникации – полиэтничные, полидискурсивные, полилогичные и т.п.» [73, с. 61].

В силу обозначенных выше проблем анализа футурологического образа будущего мы считаем необходимым подвергнуть критическому анализу некоторые из подходов, в частности концепции постиндустриального и информационного общества, поскольку они, с авторской точки зрения, не отвечают в современных критериям релевантности, некритично ретранслируются значительным числом исследователей как «парадигмальные», более всего страдают от попытки стадийного квантования исторического процесса. Наконец, эти концепции объединяют под общим названием постиндустриализма наибольшее число социокультурных прогностических работ (по выражению А.И. Молева стали «ядром футурологии во второй половине XX века» [55, с. 30]).

Глава 2. Оптимистическая антиутопия футурологии: образ будущего в научно-прогностических концепциях

2.1. Хаос постиндустриальных концептуализаций: к критике некоторых подходов

Системным образом понятие «постиндустриального общества» было введено Д. Беллом в книге «Грядущее постиндустриальное общество» [80]. Даже подобное название настраивает на определенный лад: безапелляционное указание на то, что в скором времени на смену нынешней для времени Белла системе социальных отношений придет новая социальная целостность. У Белла были серьезные основания для подобного умозаключения – их мы рассмотрим несколько позже. Пока же оговорим несколько иной момент: изначально выбранная Д. Беллом терминология и использование префикса «пост-» до сих пор вызывает множество споров. Уже сейчас можно выделить несколько их ключевых аспектов:

- во-первых, префикс «пост-» не указывает на сам характер новой системы социальных, экономических и пр. отношений.

- во-вторых, эта же приставка подразумевает окончание предыдущего – то есть индустриального – этапа, а, следовательно, и его отрицание в будущем. Из этой терминологической «ловушки» Д. Беллу пришлось выпутываться, отдельно оговаривая, что его концепция не отрицает наличия аграрного и индустриального секторов экономики в наступающей эре постиндустриализма [см. 80].

Это противопоставление прошлого настоящему и, особенно, будущему как нельзя лучше всего было сформулировано Туреном: «вопрос... заключается в том, чтобы знать, переживаем ли мы культурную мутацию или только совокупность эволюционных

изменений, не несущих в себе разрыва с прошлым. Этот выбор может быть ясно выражен в двух контрастных выражениях: “постиндустриальное общество” или “третья индустриальная революция”...» [179, с. 25-26]. Правда, впоследствии Турен на иных основаниях указывает на комплиментарность терминов «постиндустриализм» и «сверхиндустриализм» [179, с. 58], однако скорее в терминологическом смысле, чем в смысле социально-экономических реалий.

В итоге эти две уязвимости определили смысловую несостоятельность предложенного Беллом термина. Он не только не определял характер нового общества, но и ставил его в неправильное отношение к предыдущим этапам развития. Можно было бы отметить и еще одну потенциальную уязвимость такого определения: оно побуждает к бесконечному нагромождению префиксов. Аналогичным образом введенный термин постмодернизм побудил некоторых исследователей охарактеризовать нынешний период развития культуры уже как **пост-постмодернизм** [137; 149]. Пост-пост-пост-индустриальное общество в конце XXI века по этой логике будет обыденным термином. Указывать на нецелесообразность подобного нагромождения префиксов к устаревшим терминами «модернизм» и «индустриализм», подробно аргументировать, по нашему мнению, смысла не имеет. Эта проблема обозначалась уже не раз и, пожалуй, самое важное ее следствие – то, что «пост-»-подход означает не инновационность его создателя, а его консерватизм: «Этот приговор относился к эмоциональному течению, проникшему в поры всех интеллектуальных сфер и породившему теории “пост-просвещения”, “пост-модерна”, “пост-истории” и т.п., короче, вызвавшему к жизни новый консерватизм» [187, с. 40].

2.1.1. Критика концепции постиндустриализма: в поисках исторических аналогов. С нашей точки зрения, ориентируясь на фактор доминантной сферы экономики, характер трудовых

отношений и уровень развития производительных сил (а Д. Белл, необходимо отдать должное, сам назвал себя пост-марксистом и не увилывал от некоторых марксистских формулировок) однозначно определить современное социокультурное состояние нельзя. Ближе других к пониманию подошли Э. Тоффлер и Ж. Аттали, выдвинувшие концепцию **супериндустриального** или **гипериндустриального** общества [75], однако и она не исчерпывает всего мультикомплекса феноменов социальных, экономических, политических, культурных и пр. отношений современности.

В рамках критики теорий постиндустриального и информационного общества Ф. Уэбстер определяет несколько ключевых критериев, которые выдвигали его предшественники для дефиниции понятий информационное общество или постиндустриальная стадия развития. Это: технологический критерий, экономический критерий, критерий, определяемый распределением занятости по секторам экономики, пространственный критерий¹⁷ и, наконец, культурный критерий, который сближает понятия постиндустриализм в своей социально-экономической составляющей и постмодернизм в своей культурной составляющей [18, с. 10-22].

Технологический критерий оперирует изменением статуса технологий, степенью их влияния на нашу жизнь. Однако этот критерий не позволяет оценить «технологичность» общества количественными методами. Что оказало большее влияние на жизнь человека: сотовая связь или изобретение печатного станка? Компьютеры или создание письменности? Между тем, каждое социально-значимое и масштабное событие, меняющее **быт**, постиндустриалистами позиционируется как технологический переворот¹⁸. Однако письменность оказала революционное влияние

---

¹⁷ Хотя его лучше было бы обозначить как пространственно-сетевой критерий.

¹⁸ Далее может идти различная аргументация: технология меняет либо сферу экономики, либо сферу социальных отношений и т.д. К иной аргументации прибегает Э. Тоффлер. По его мнению, подобные перевороты приводят к футурошоку – боязни слишком раннего наступления будущего [176].

на древние общества и сохраняет свое принципиальное влияние на современный социум, невзирая на мультимедиа-пространство¹⁹, созданное компьютерными технологиями и глобальными коммуникациями.

Технологический критерий требований к квалификации в исторической перспективе несостоятелен. Например, компании, производящие программное обеспечение, идут по пути компромисса между увеличением спектра возможностей программы и простотой ее освоения (ключевое направление – для вовлечения новых пользователей) и простоты и удобства ее использования (вторичное направление).

Культурный критерий для сторонников теории постиндустриализма не является ключевым, поскольку исследования этого направления страдают научно-технологическим и экономическим детерминизмом. Культурный критерий выдвигается, скорее, в качестве дополнительного, но необязательного. Хотя это представляется весьма странным – социально-экономические и политические перемены того уровня, который приписывается постиндустриальной «революции» должны вызвать не менее масштабные и, главное, системные культурные сдвиги. Для нас однако *социокультурный* критерий представляется определяющим. Поскольку для анализа современности, с точки зрения автора необходимо проанализировать новое пространство, рожденное коммуникационным переворотом, специфику его социальности вообще и социокультурный «портрет» в частности; главное же – соотнести социокультурный портрет нового виртуального пространства с «традиционной» реальной социальностью в географическом пространстве

Пространственный критерий – развитие сетей коммуникации – также представляется уязвимым. Конечно, на современном этапе

---

¹⁹ Более привычный термин мультимедиа-среда является двуязычной тавтологией и достаточно неуклюж в смысловом плане, поэтому мы будем использовать именно термин мультимедиа-пространство.

наблюдается значительный рост коммуникационных сетей, однако они существовали, по меньшей мере, в течение всего письменного периода истории человечества. Знаменитая поговорка «все дороги ведут в Рим» акцентирует в этом контексте не политическое доминирование Рима, а тот факт, что разные «сети» дорог – коммуникаций того времени – связаны друг с другом и замыкаются на определенные узлы. Аналогичным образом можно было бы сравнить этот феномен с развитием железнодорожной сети или развитие системы проводного телеграфа, вплоть до развертывания трансатлантического кабеля. Таким образом, в случае с пространственным критерием мы оказываемся перед лицом количественных, а не качественных изменений. Эти возражения имеют смысл, если принимать современное информационное пространство, как «физическое пространство, в котором циркулируют информационные потоки» [126, с. 26]. Автор данного исследования имеет несколько иную точку зрения: информационное пространство сегодня стало дополнительной пространственной реальностью альтернативной по отношению к пространству географическому. И в этом смысле пространственный критерий – как критерий появления новой негеографической географии пространства социальности – имеет смысл, однако работает вовсе не на современное понимание информационного или постиндустриального общества. В дальнейшем нам придется вернуться к этому вопросу, однако уже сейчас мы отметим, что этому фактору не придается должного значения в новых исследованиях феноменов постиндустриализма. Так, озвученная выше цитата следовала выводом из противоположного ей по смыслу тезиса – «Мгновенность передачи информации изменяет масштабы событий, и в обществе появляются предпосылки создания единого, фактически безграничного пространства, возможности которого сегодня демонстрирует Интернет» [126, с. 24]. То есть принципиально иная природа нового пространства –

единство и безграничность (чего не скажешь о географическом пространстве), мгновенность перемещения в нем не делает его уникальным явлением. А делает его лишь некоей структурой (информационных потоков), подчиненной ограниченному, наполненному физическими барьерами, устанавливающему лимиты скоростей перемещения пространству географии!

Экономический критерий базируется на росте экономической ценности информационной деятельности. Собственно, критику данного утверждения можно свести к общему знаменателю с критикой постиндустриальной структуры занятости. Критерий, связанный со сферой занятости, является ключевым, например, в концепции Д. Белла, признанного основоположника теории постиндустриального общества. Он оперирует тем фактом, что занятость в сфере аграрного и индустриального производства неуклонно падает, а занятость в сфере услуг и информации непрерывно растет [80, с.18-22].

Д. Белл и его последователи, как нам представляется, оказались замороженными статистическими данными о распределении рабочей силы, упустив из виду изменение самого характера этой рабочей силы и отношения к ней. Достаточно отметить, что Белл не учитывает «домашнюю» занятость женщин и детей в доиндустриальных обществах – он выводит ее за рамки понятия «экономическая услуга» [80, с. 19]. Но если не основание их деятельности, то сущность остается той же самой сервисом – но основанном на внеэкономических отношениях, точнее на весьма специфичной «бартерной», а не денежно-опосредованной форме экономических отношений. Дискуссионность вопроса об экономическом характере услуги в современности, относительно аналогичных оснований услуги в древности и Средние века отмечает, например В.И. Боков [85].

В древних обществах, очевидно, сектор услуг был относительно не меньшим, а то и большим, чем в современных.

Этот факт отмечает, например, например, В.Л. Иноземцев: «Так, вплоть до начала XX века крупнейшей по численности профессиональной группой в Великобритании оставались домашние слуги, а во Франции, где их число накануне Великой французской революции превышало 1,8 млн. человек при общем количестве сельскохозяйственных работников около 2 млн., доля занятых в сфере услуг не понизилась и к началу 30-х годов нашего столетия» [120].

Общий итог нашей *критики* выразил *сторонник* концепции постиндустриального общества А.В. Истюфеев: «постиндустриальное общество можно определить как общество, в экономике которого приоритетные задачи перешли в область производства услуг, информации и знания, оставив производства материальных благ в основании экономического базиса» [121, с. 84-85]. Действительно, мы вынуждены согласиться, что производство материальных благ лежит в основании экономического базиса и только развитие этого базиса позволяет говорить о постиндустриализации экономики. Иначе, нам придется объявить некоторые страны, живущие доходами с туристической деятельности, постиндустриальными, хотя на деле – это «лже-постиндустриализация». Словами Н.Н. Лапченко «информатизация является пока что составной частью техногенного преобразования общества и земного мира» [140, с. 59], а не наоборот – технизация земного шара вызвана к жизни информатизацией общества.

2.1.2. Критика теории информационного общества: ноу-хау или тиражирование трэша? Аналогичной «ущербностью» явно обладает термин информационное общество. Обществ, в основе которых не лежал бы процесс обмена информацией, не существует. Авторы данной концепции упирают, конечно, на степень влияния информации на экономику. Однако надо сразу упомянуть, что использование термина информация в контексте теорий информационного общества не вполне корректно. Во-

первых, подразумевается в большинстве случаев не информация или ее производство, а вторжение высокотехнологичного знания или использование так называемых информационных технологий. В последнем понятии смешано в одно целое и увеличение скорости и плотности коммуникаций в современном обществе, и технологии вычислительной техники. А это уже уязвимо для критики. Поскольку коммуникации в географически локальном социуме по скорости и плотности явно не уступают современному глобальному миру. То есть дело, в конечном счете, сводится к географическому масштабу коммуникационных связей? – этого явно недостаточно для введения термина информационного общества. Аналогично ущербным образом выглядит апелляция к развитию вычислительной техники. Вопрос состоит лишь в избрании точки отсчета. Относительно абсолютного показателя – уровня вычислений и, тем более, использования механических или автоматизированных средств в период появления человечества – современное общество, безусловно, является информационным. В сравнении с относительным показателем – уровнем социально-необходимого владения «информационными технологиями» эта апелляция вовсе не представляется такой уж обоснованной. Потребность в вычислениях у древних цивилизаций, очевидно, была меньшей. Даже потребность в хранении информации решалась нетехническим путем. Примечательна в этом плане легенда об изобретателе письменности в Египте, которую приводит Умберто Эко [198]. Фараон сразу указал на то, что возможность **записывать – то есть хранить информацию** – вне зависимости от человеческого сознания приводит к его деградации. Для современного человека представляется практически невозможным хранить в памяти индийские веды или изустную традицию гомеровского эпоса. А ведь современный человек, по логике постиндустриалистов, в гораздо большей степени нуждается в навыках освоения и хранения информации.

Наконец, последней уязвимостью – уже не столь критичной – концепции информационного общества, является потрясающе единодушное молчание ее авторов относительно центрального термина – **информации**. Даже использование самого примитивного смыслового наполнения термина информация – совокупность данных или знаний – также уязвима для критики. Сторонники постиндустриальной или информационной теории совершенно зря не проводят четкой границы между знанием и информацией. «Отличие знания и информации состоит в том, что информация может содержать в себе различного рода (истинные и ложные, вероятностные и ошибочные и т.п.) знания» [73, с. 60]. Знание можно охарактеризовать по своей ценности; информация – «внеценностна». Когда мы говорим «бесполезная информация» мы подразумеваем именно бесполезное знание или отсутствие знания вообще, полученные в результате обработки массива информации – данных. Информация – как вместителище полезных знаний имеет больший объем, нежели последние. Этот важный тезис объясняет некоторые специфические особенности современного информационного обмена и возрастание наверное даже не в геометрической прогрессии объемов инфо-трэша в Интернете.

Неразделенность понятий информация и знание (*полезное*) приводит постиндустриалистов к ошибке. Так, например Тоффлер указывает на то, что индустриальное общество отличается от постиндустриальной стадии, в числе прочего, более высокой стоимостью тиражирования продукта основного производства. Стоимость прототипа всегда больше, чем стоимость тиражированного продукта [176]²⁰. В постиндустриальном обществе – с использованием автоматизированных линий

---

²⁰ Здесь мы можем согласиться с Тоффлером полностью, однако эта черта – более высокая стоимость прототипа – объединяет и индустриальное, и постиндустриальное общества. Да, в современном обществе затраты на разработку *прототипа* относительно стоимости *экземпляра тиража* намного выше, чем в «фордистскую» эру. Однако это количественная разница. Порождает ли она революционные качественные различия? В конце концов, товары массового потребления – заслуга «Эры Форда», а не «Эры IBM». Говорить же о гиперпотреблении пока не приходится.

производства – эта разница многократно возрастает. Стоимость тиражирования *данных* – то есть *информации* – в постиндустриальном обществе компьютерных глобальных коммуникаций должна стремиться к нулю. Однако **тиражирование не есть производство**. Стоимость производства информации – затраты на научные разработки – возрастает. Стоимость тиражирования информации падает. Российский исследователь Сергей Гриняев данные свойства информации определяет как «делимость» и «воспроизводимость» [98]. Мы согласимся с ним в том, что это – важное отличие информации от всякого иного ресурса. Попытка увязать всю информацию как единый стратегически важный именно в современном мире ресурс, это все равно, что объявить стратегически важным для ветряных мельниц Исландии ветер всего мира во все времена – о необходимости различения информации как всего объема знаний и множества полезных знаний мы уже говорили выше. Делимость и воспроизводимость информации становятся действительным фактором информатизации общества в условиях свободного информационного обмена, однако его мы как раз не наблюдаем. Стратегически важной **были и остаются** не тиражированные единицы информации. В новую информационную эру не будут платить за свободно распространяемую в Интернете книгу, хотя она и может оказать значительное влияние на мировоззрение, культуру и пр. Платят за нетиражированное **ноу-хау**²¹. Или за согласие автора ноу-хау расстаться со своим положением **единственного владельца** – поделиться со всеми секретом. Однако ситуация **ноу-хау** была присуща еще цеховому ремеслу и к этому рассуждению мы еще вернемся. Эта дилемма между свободой информационного обмена и сверхценностью информации очень важна.

То есть тезис о превосходящем тиражировании информации по отношению к ее производству (если мы отделяем

---

²¹ От английского “know how” – «знаю как»

информационный «трэш» от полезного знания) не является доказанным – оценить эту разницу мы не можем в силу уникальности неограниченных возможностей тиражирования бесполезной информации («ненужных знаний», «трэша») и хранения «тайн прототипа». Можно ли говорить в таком случае об информационном обществе? С нашей точки зрения, это понятие в контексте озвученных выше претензий является, по меньшей мере, условным.

Наиболее прогрессивные акторы информационного пространства стоят на либертарианских позициях по отношению к информации и проблеме ее распространения. Однако государства стремятся ограничить эту свободу, причем, судя по сообщению Я.Н. Засурского, используют для этого... Интернет – то есть идеальную среду информационного обмена, для того и предназначенную [116, с. 57-58]. Все чаще это совершается, исходя из соображений безопасности. На самом деле прагматические потребности общественной стабильности подрывают необходимый для торжества концепции информационного общества базис свободы информационного обмена: так, И.Н. Курносов отмечает, что среди системообразующих принципов развития сети Интернет в России должен одно из приоритетных мест занять поиск «баланса между свободой распространения информации и защитой интересов общества, государства и граждан» [138, с. 3-4]. Вместе с тем, эта простая позиция принимается (или *понимается?*) отнюдь не всеми исследователями. Так, Ю.Г. Просвирин идет дальше большинства радикальных Интернет-либертарианцев в идее свободы информационного обмена: «с социально-политической точки зрения <...> [в информационном обществе – И.Т.] гарантирована доступность информации каждому; каждый член общества имеет возможность своевременно и оперативно получать с помощью телекоммуникационных сетей полную и достоверную **информацию любого вида** [выделение мое – И.Т.] и назначения из

любого государства, независимо от его нахождения в пространстве» [168, с. 42]. Это явным образом нарушает необходимость обеспечения государственной безопасности, да и социальной безопасности в целом. Достаточно представить себе открытый интернет-доступ к информации о ядерном производстве.

Наконец, весьма сомнителен тезис о революционности современного перехода к «информационному обществу» в силу «качества» информации, которая получает максимальную циркуляцию. Электронные библиотеки до сих пор дублируют печатные издания; специфически электронные документы – статьи или иные исследования – пока распространены крайне мало. Лучше дело обстоит с электронной художественной литературой, однако и она развивается достаточно медленно²². Электронные СМИ имеют – как и печатные – достаточно малые сроки актуальности транслируемой информации. Наиболее часто встречающийся message Интернета – это сообщение пользователя. Иерархические отношения актуальной реальности накладывают на транслятор или источник информации определенные ограничения²³. А вот сообщение в виртуальной реальности менее ограничено требованиями к качеству за исключением определенных сегментов сети. Более того, Сеть представляет собой «идеал комментаторской традиции» - поле бесконечных комментариев к содержанию одного сообщения, комментариев к комментариям и пр. Даже в рамках регулируемых определенными нормами научных дискуссий актуальной реальности обсуждение одного понятия – например, «информационного общества» - становится бесконечным. Темпы

---

²² Вот информация о проекте FictionBook: «Библиотека ФикшнБук была создана Грибовым Дмитрием в 2000-м году. <...> Библиотека Фикшнбук стала второй (после Публиканта, который начал продажи раньше) серьезной площадкой в рунете, где велась легальная продажа электронных книг» // <http://www.fictionbook.ru/common/aboutlib/> То есть на момент 2000 года всего две электронных библиотеки легально продавали или предоставляли online-доступ к текстам художественных произведений.

²³ Например, научная статья перед публикацией в солидном журнале пройдет обязательное рецензирование и оценку «качества» и т.д.

же прироста «бесполезной информации» в Сети не ограничиваются практически ничем.

2.1.3. Критика теории информационного общества: метаморфозы власти или иллюзии свободы? Еще один важный аргумент сторонников теории «информационного общества» заключается в «смещении власти» в сферу информации. Власть в современный период позиционируется сторонниками теории как производная информации или знания [177, с. 33-34]. «Знание – сила», - отметил в XIII столетии Роджер Бэкон и был прав, пусть и несколько в ином контексте. Правоту этого суждения и его древность отмечает и Э. Тоффлер [177, с. 33]. Однако на самом деле эту идею можно проследить, до гораздо более древних корней и источников: «обладание информацией ассоциировалось с властью со времен шумерских жрецов и Александра Македонского, а не явилось уникальной “находкой” XX столетия и эры информационного общества» [129, с. 2]. Мануэль Кастельс также отмечает, что «контроль над информацией составлял суть государственной власти на протяжении всей истории...» [124, с. 199]. И у нас нет оснований для несогласия с этими позицией. Мы могли бы добавить в число сообщений о древнейшем понимании знания как источника власти трактат «Искусство войны», авторство которого обычно приписывается полководцу VI в. до н.э. Сунь Цзы. Знание, или информация – собственные замыслы стратега и понимание замыслов противников – оцениваются Сунь Цзы как настолько важный фактор, что должны не пониматься не только противником, но и собственными офицерами [8]. Хотя следовало бы отметить, что информация точно так же всегда была лишь частью триады влияния на социум, в которую также входят прямая сила и богатство [177, с. 34].

Соориентированность на понимание информации как фактора «смещения власти» стала частным случаем внимания к важности информации как к ресурсу вообще. «Во второй половине XX века

выделяется приоритет информации как ресурса развития. Если на предыдущих этапах развития общества информация не играла доминирующей роли, то сейчас ситуация кардинально меняется. Из “подсобного” фактора развития информация становится одним из перспективных ресурсов...» [59, с. 3]. Однако в этом случае, как нам представляется, исследователи ограничиваются лишь на материальных результатах деятельности, основанной на знании. Действительно, легко оценить вклад знания в жизнь общества, если этот вклад представлен материальными предметами – небоскребами, сотовыми телефонами и пр. Сложнее оценить вклад знания в рыцарскую или монашескую подготовку. В одном случае результатом будет таранный удар рыцарской конницы, в другом – молитва. И то, и другое для средневекового человека имело вполне практическое и даже прагматическое значение. Однако отследить это в прошлом представляется задачей более сложной, чем полет «Локхида» над земным шаром сегодня. Технология – как база данных – определяла доминирующее положение итальянской или французской школ фехтования, отставание России от Европы в силу незнания корабельных технологий и т.д.

Даже привычный тезис о малой значимости научного знания в средневековом цеху достаточно сомнителен:

«Собственно научные познания не были распространены в ремесленной среде. Из этого, однако, не следует, что не существовало некоей “квази-теории”, объяснявшей ремесленные действия и познания. Исследования дошедших до нас, правда, в небольшом числе, рецептурных сборников, показывают, что ремесло было тесно связано с магией. Применялись самые экзотические средства, вроде пепла василиска, крови дракона, желчи ястреба или мочи рыжего мальчика, причем применение лишь некоторых из таких ингредиентов имеет *рациональное техническое обоснование* [выделение мое, И.Т.]. Анализ рецептов показывает, что за ремесленной деятельностью стоит мифо-

магическая картина мира. Производственный акт ремесленника мог рассматриваться как осколок некоего магического ритуала, воспроизводящего миф...» [190].

Деятельность современных информационно-«ремесленных» профессий – системного администратора²⁴ и программиста, веб-дизайнера²⁵ и 3D-моделлера²⁶ столь же сильно зависит от научных знаний о вычислительной технике, кибернетике, проблем искусственного интеллекта, сколь и действия средневекового скорняка от периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева. В фольклоре программистов есть выражения «прыгать с бубном» вокруг компьютера, свое арго, своя мифология и реальные ритуалы. Все это в гораздо большей степени определяет действия системного администратора, чем знание о том, что компьютер – высший результат абстрактной математической и формальной логики.

Не выглядит достаточно обоснованной, например, позиция российского исследователя Михаила Делягина: «Главное изменение, которое и позволяет называть распространение современных информационных технологий революцией, заключается в том, что они впервые в истории человечества сделали наиболее выгодным видом коммерческой деятельности преобразование не мертвой материи, а живого человеческого сознания, - как индивидуального, так и общественного...» [108]. Стоило бы отметить, что в течение Средних веков большую роль играли внеэкономические средства принуждения, среди которых мировоззренческая обработка на послушание социальному порядку и политической иерархии – в том числе и через вербальную проповедь – играли большую роль. Восстановление могущества царства Цинь, не задолго до объединения Цинь Шихуанди всего

---

²⁴ Специалист по обеспечению работы отдельных компьютеров или компьютерной сети и интеллектуальных устройств организации

²⁵ Специалист по разработке Интернет-сайтов

²⁶ Специалист по разработке трехмерных моделей для компьютерной анимации, профессионального и развлекательного программного обеспечения

Древнего Китая происходило на основе легистской доктрины социального управления. В одном из основных источников доктрины школы «законников» - «Книге правителя области Шан» Шан Яна приводятся рассуждения относительно необходимости отвращения простого люда от конфуцианской учености для большей управляемости и заинтересованности народа в занятии земледелием. Это было необходимо для восстановления площади сельскохозяйственных угодий, увеличения урожаев, а, следовательно, и налогов [7, с. 141-143]. На базе этого изменения сознания людей и других схожих методов царство Цинь сравнительно быстро восстановило свое могущество, ослабленное продолжительными междоусобицами и конфликтом с царством Вэй. Причем одной из первоочередных задач Шан Яна стояло восстановление **экономического** могущества царства Цинь, то есть получения прибыли для компенсации военных потерь. Знание Шан Яна, направленное на лишение знания всего остального общества стало экономическим инструментом.

Любопытно разделение современного знания как ресурса, которое проводит А. Неклесса. Он выделяет тенденцию использования знания для оптимизации социальных, политических, экономических и прочих отношений (информация как ресурс) и инновационную тенденцию (знание как результат творческой деятельности, в первую очередь, научной) [156]. Оба этих тренда существовали всю историю человечества, в определенные периоды, приобретая большее или меньшее значение. И если со скачком в развитии второго тренда (знания как научного развития) можно согласиться, то революционные изменения первого тренда сомнительны. Хотя даже во втором тренде сложно выделить точку начала революционного переворота: XIX век? Эпоха Просвещения? Возрождения? Или вообще период античной греческой классики?

2.1.4. Афины V в. до н.э. как «информационное общество», или спекуляция на некорректных определениях. Стоит

обговорить и еще несколько очень важных моментов. Концепция «информационного общества» родилась в конце 70-х – 80-е гг. XX в. С тех пор прошло уже тридцать лет, словосочетание «”интернетизация” России» стало почти столь же банальным, как когда-то «электрификация». Однако информационное общество по-прежнему «не за горами»²⁷. Это та интеллектуальная брешь, которая позволит нам задать очень важный вопрос: а было ли «пророчество» об информационном обществе пророчеством?

Мы не будем использовать первые определения информационного общества, данные классиками этого направления. Время прошло – понятия и их содержание изменилось. Мы воспользуемся, более поздним, более синтетическим, а, следовательно, и более общим определением: **информационное общество** - *это новый этап развития человеческой цивилизации, характеризующейся в первую очередь высокой скоростью коммуникационных процессов, которая обеспечивается наукоемкими, высокотехнологичными средствами - микропроцессорными технологиями и сетью Интернет* [60, с. 6]. Приведенное определение стало классическим. Например, Ю.Г. Просвирина фактически повторяет его: «информационное общество есть общество, основу жизнедеятельности которого составляют информационные технологии» [168, с. 43].

Нас смущает два момента: то, что автор данного определения распространяет действие этого состояния на всю человеческую цивилизацию²⁸, во-вторых, то, что информационное общество характеризуется высокой скоростью коммуникационных процессов.

---

²⁷ По этому поводу иронизировал один из наиболее метких сатириков киберпанка – Брюс Бетке, говоря о том, что эпоха домашних офисов вечно будет «все не за горами да не за горами», поскольку менеджмент среднего звена никогда не допустит офисного работника до технологий, которые упразднят само понятие менеджмента среднего звена. [13]

²⁸ Возникает классический вопрос европейских «левых»: а не за счет ли «колоний» сыто живет индустриальная [ныне уже - постиндустриальная] Европа? И если за счет «колоний», то, что случится с европейским постиндустриальным информационным миром, коль скоро колонии исчезнут? Так уже было в период крушения колониальных империй после 2 мировой войны. Это важное замечание, тем более в силу столь же странного молчания постиндустриалистов, относительно одной фразы самого Д. Белла: «Глобальная экономика в корне отличается от международной. Это *единая* система

К сожалению, мы не представляем себе ситуацию в прошлом, также и в исторически среднесрочной перспективе в будущем, когда исполняются оба этих условия. Если мы рассматриваем **всю** цивилизацию, то скорость коммуникационных процессов индийских крестьян или просто людей старше 40-50 лет в России обычно намного ниже, чем скорость коммуникаций американского тинэйджера. Иной вопрос, что от коммуникаций индийского крестьянина зависит более чем миллиардное население этой страны, а в России люди старшего возраста обычно представляют собой значительную часть интеллектуальной, экономической и управленческой элиты. Если же мы рассматриваем некий локальный «очаг» цивилизации, то вновь возникают сомнения в правомочности этого тезиса об информационном обществе.

Рассмотрим ситуацию, скажем, 5 века до нашей эры. Греция, классический период. Мы не можем восстановить, например, данные о скорости распространения информации между полисами и какие-либо количественные оценки объемов этой информации. Однако можно отметить тот факт, что объемы информационных потоков внутри полиса были, видимо, довольно большими. Здесь мы опираемся на исследования антиковеда В.М. Строецкого, занимающегося проблемами информации и коммуникации в греческом полисе. Он отмечает значительный объем «частной» информации, который имел весьма большую ценность – на ее основании принимались судебные решения, устанавливалось родство, дема, право гражданства и пр. Кроме слухов и свидетельств, которые были наиболее распространенными «формами» распространения частной информации, греки вводили понятие «молвы», которое также позволяет нам оценить влияние

хозяйства, объединение рынков капитала, валют, товаров, а также рост того, что я называю «рассредоточением производства» [80, с. СХХVII]. Если наставшая эра глобальной экономики означает ее монументальное единство, то почему структура занятости рассматривается изолированно для США или Евросоюза, отбрасывая Индию, Аргентину, Бразилию и т.д. Единая экономика – единая структура занятости. Тогда аргументация относительности преимущественной занятости в «постиндустриальных» секторах услуг и информации оказывается вообще несостоятельной.

информации и ее распространения на жизнь греков: «Эсхин, подчеркивая важность молвы в характеристике человеческой репутации, говорил: "...но касаясь жизни и деятельности человека, неопровержимая молва распространяется самотеком через город и делает частные деяния индивидуума предметом внимания всех и часто даже предсказывает, что может произойти"...» [173, с. 142]. Опять же важность информации для греков подчеркивается и в другом месте статьи В.М. Строгеецкого: «Таким образом, с точки зрения эллинской полисной ментальности полноправный грек обязан был активно заниматься общественным или частным делом, быть открытым во всех отношениях для своих сограждан...» [173, с. 144] - здесь мы напрямую сталкиваемся с понятием «информационной открытости», за которое еще только борется современное информационное или пред-информационное общество.

Мы можем, на основании рассуждений В.М. Строгеецкого, реконструировать информационные потоки греческого полиса.

Информация внешняя попадает в город через сухопутные, либо морские пути. И внутренняя и внешняя частная информация распространяется слухами и «молвой» [155, с. 142]²⁹. Технологическими каналами распространения частной информации в полисах были аккумуляция и распространение слухов женщинами³⁰. Очевидно, что и мужчины имели отношения к этому процессу, однако в силу иного гражданского статуса их участие не акцентировалось. Точкой аккумуляции и публичной и частной информации становилась Агора. Весть о поражении сицилийской экспедиции, как отмечает Строгеецкий, стала известна всем гражданам полиса на следующее утро после ее доставки морем – 20

---

²⁹ Молве по Строгеецкому приписывался часто сверхъестественный достоверный характер, в отличие от «земных» и малодостоверных слухов

³⁰ Семонид Аморгский, например, считал хорошей женщиной ту, которая не тратит времени зря, сидя и рассказывая всякие непристойные истории, а плохой ту, которая болтает без умолку. Одним из его негативных женских стереотипов является образ или тип женщины подобной собаке, ибо она не только много говорит, но и, будучи любопытной, выуживает сплетни о своих соседях и соседках [173, с. 139]

тысяч человек (это только приблизительная оценка численности *граждан*, а ведь были еще и рабы) узнали ее менее чем за сутки [173, с. 144]. Были и иные точки сосредоточения информации и ее «обработки»: палестры, театры, стадионы, лавки, парикмахерские, бани, мастерские и т.д. [173, с. 146-148]³¹.

«Однако принятие политических решений, связанных с поступившей информацией извне, в демократическом полисе было возможно только после обсуждения ее в порядке свободной дискуссии на народном собрании. Это обусловлено было тем, что в демократических полисах вопросы частного права преобладали над вопросами права публичного, поэтому акцент делался, прежде всего, на взглядах отдельных граждан, а не на превосходстве только мнения властных институтов. Поэтому прежде чем принималось политическое решение по любому вопросу, была необходима свободная дискуссия граждан. Финли подчеркивал, что важнейшей особенностью демократии является участие всех граждан в дискуссии и спорах...» [173, с. 145]. Из этого отрывка следует два вывода: информация имела первостепенное значение в политической жизни полиса, очевидно, что это было справедливо и для его социальной, и экономической жизни. Во-вторых, в полисе были разработаны и технологии обработки информации и принятия решений – «дискуссии и споры граждан».

Интересно, что приведенная нами характеристика информационных потоков в целом отвечает критериям «информационного общества»: «...данные принципы [*имеется в виду особая, исключительная роль знания в информационном обществе* – И.Т.] определены особым характером

---

³¹ Следует отдельно отметить это рассуждение: «Из всех перечисленных центров, где осуществлялся обмен информацией, обсуждались различные частные и публичные темы, распространялись слухи, лучше всего выполняли эту функцию парикмахерские (*kougeiva*). Прежде всего цирюльники сами были известны своей болтливостью (Polyb. III, 20, 5). И во время своей работы побуждали к ответному разговору своих клиентов. Объем информации, которую можно было получить в парикмахерской, был весьма значителен и она могла быть достаточно различна по содержанию, потому что за время работы цирюльника клиенты часто менялись и в целом принадлежали к разным социальным группам...»

функционирования сетевой коммуникации, сущность которой определена наличием горизонтальных связей и отсутствием единого центра регулирования информационными потоками...» [63, с. 9].

Из вышеприведенных рассуждений вытекает и ущербность исключительной природы последнего тезиса, формирующего облик информационного общества.

Высокая скорость распространения информации в «информационном обществе» обеспечивается *«наукоемкими, высокотехнологичными средствами...»*. Мы не можем, конечно, поспорить относительно низкой наукоемкости технологий распространения информации в греческом полисе. Хотя для времени, например, Гуттенберга разработка тиражирующей технологии столь же наукоемкий проект, сколь для современности – создание компьютера. Однако мы часто забываем о том, что технология – это не столько результат, воплощенный материально – в виде компьютера или истребителя пятого поколения. Технология – это, в первую очередь, комплекс методов, решающих определенную задачу. Компьютерные технологии – это, по сути, метод организации материи – силикатов! – в структуру, которая передает информацию от устройства к устройству и производит вычислительные операции на основе двоичной системы счисления. Полисные технологии – это организация полисного социума – людей! – в структуру, в которой происходит передача информация от одной группы людей к другой и анализ этой информации на основании символической системы греческого человека – как речи, так и символической нагрузки понятий. В этом плане – агора, женщины-осведомители [173, с. 142], «дискуссии и споры» перед принятием решений – это высокие информационные технологии афинского полиса. В статье Андрея Черезова присутствует любопытный курьез – попытка рассмотреть человека как компьютерную технологию (сервер коммуникации и обработки

запросов) [192]. Невзирая на явный постмодернизм, можно отметить главное, что следует и из истории развития компьютеров и из статьи А. Черезова – компьютер создавался как результат осмысления человеческого мышления, его операционной составляющей. «Мечтой», конечной стадией развития компьютерных технологий остается «искусственный интеллект» – полная симуляция человеческого разума технически-компьютерными средствами. А не наоборот – «естественная компьютерность»³².

То есть на основании данного определения, при учете критики общей стадильности наступления «информационного «общества» для всей человеческой цивилизации, афинский полис – безусловно, информационное общество.

Собственно, наши аргументы имеют значительную брешь, если пользоваться старым географически-национальным подходом к обществу. Афинский социум получал информацию от сицилийской экспедиции, конечно, дольше, чем индийский программист-фрилансер от своего заказчика, скажем, из Канады. Однако афинский полис – столь же локальная система географически, сколь интернет-комьюнити – технологически-локальная система. В одном случае ограничивающим фактором служит географическое пространство, в другом – виртуальное пространство. И это – важная отправная точка для другого блока наших умозаключений.

То есть на основании приведенного выше определения «информационного общества», при учете критики общей стадильности наступления «информационного «общества» для всей человеческой цивилизации, афинский полис – безусловно, информационное общество. Это сознательная авторская спекуляция, которая, тем не менее, раскрывает и спекулятивное

---

³² Обратный пример этого в научной фантастике близкой к антиутопическому повествованию – ментаты в «Дюне» Ф. Херберта [37, 38, 36]

значение самого термина «информационное общество». Еще раз повторим: не-информационных обществ не бывает; информация обладает исключительным значением не только в современном социуме, но и в древности; высокая скорость передачи и обработки информации характерна для любой географически-локальной системы, это подтверждается и историческим примером рабовладельческих Афин и расхожими выражениями, типа «Москва (Челябинск, любой другой населенный пункт) – большая деревня» и т.д. Роль этой «глобальной деревни» сегодня играет пространство Интернет-, теле-, радио-коммуникаций. Однако удаление человека от теле- или радиоприемников, компьютера с Интернет-соединением, сотового и городского телефона играет такую же роль как высылка из древнегреческого полиса. Обрубая каналы связи, мы исключаем индивида из его социального пространства. Чем больше у индивида *типов* каналов связи, тем более многомерно его информационное пространство, но оно – это пространство – было, есть и будет всегда – даже Робинзон Крузо искал, в первую очередь, общения.

2.1.5. Информационно-постиндустриальное общество: прогноз, проект или ангажировано-конъюнктурная провокация? Позиции исключительного значения информации были концептуализированы в одну систему. С экономической точки зрения информационное общество – это общество, в котором:

«- ведущей отраслью экономики является интеллектуальное производство

- информационные ресурсы рассматриваются как самый большой потенциальный источник капитала, а информация является производительной силой

- информационный сектор экономики развивается более быстрыми темпами, чем остальные отрасли, промышленность по показателям занятости и доли в национальном продукте уступает

место сфере услуг, а в сфере услуг преобладают сбор, обработка, хранение и распространение информации;

- информация становится предметом массового потребления и доступна каждому благодаря относительной ее дешевизне» [168, с. 42].

Однако необходимо указать на непоследовательность такой схемы – она не учитывает генезис всей системы факторов. Поначалу информация начинает рассматриваться как источник «легкого» капитала, в силу этого информационный сектор привлекает лучшие кадры (тем более что изначально критерии к его участникам достаточно высокие) и инвестиции, информационный сектор начинает развиваться опережающими темпами, становится ведущей отраслью экономики. Все объективно и правильно, кроме ответа на вопрос: а какую роль в этом процессе сыграла сама концепция информационного общества? Насколько провокативно-значимой оказалась принятая социальная парадигма? Всепроникающее «развитие» ИКТ стало результатом спекуляции информационно-социальной концепции, а не только «объективных законов исторического развития». Кроме того, дешевизна информации хорошо объясняет масштабы ее потребления... и плохо – масштабы производства. Производить не приносящий дохода продукт капиталист не будет. То есть мы снова подходим к выводу, что либо тезис о дешевизне информации преувеличен, либо капиталистические мотивы исключены в деятельности IT-компаний и развитие информационного сектора осуществляется исключительно альтруистами. Правда, это противоречит сверхвысоким доходам таких компаний как Microsoft и Google.

Собственно, общий результат нашей критики теории информационного общества можно подвести заочным диалогом из двух фраз - одного из сторонников этой теории и ее противника в абсолютизируемом виде: «Информационное общество является не умоглядной конструкцией, неким идеальным образом будущего,

оно обладает реальными, объективными признаками...» [59, с. 3]. Вторая фраза: «... считалось, что эти [информационные] технологии сами по себе способны изменить систему мировой политики... Данное мнение существовало в первые десятилетия развития компьютерных и сетевых технологий. Однако информационные технологии продолжали “экспоненциально” развиваться, а завершение становления “информационного общества” не наблюдалось в политической практике. На сегодняшний день, когда компьютерные сети стали глобальными, вычислительные мощности - невостребованными, а задержки в передаче информации — приближающимися к нулю, исследователи неизменно продолжают вести речь лишь о становлении “информационного общества”...» [57, с. 3].

То есть мы имеем дело одновременно с двумя противоположными оценками: информационное общество – это уже объективная характеристика реально существующего социума; информационное общество бесконечно «не за горами». Об этом мы уже говорили выше. Данный парадокс приводит, например, российский исследователь Д.В. Иванов: «Однако информационное общество нигде не состоялось, хотя основные технико-экономические атрибуты постиндустриализма налицо» [119]. Еще более жестко это формулирует Е.В. Нехода: «постиндустриальное общество находится в процессе своего становления, его основные черты только конструируются. Пока даже трудно определенно сказать, в какой мере современное общество несет в себе постиндустриальные признаки» [158, с. 161]. Это высказывание совершенно четко выдает характер постиндустриальной парадигмы сегодня. Д. Белл создавал свою теорию на обширном социологическом и экономическом материале – для гуманитарных наук это было эмпиризмом в высшей степени. Он отмечал уже существующие явления и тенденции и концептуализировал их в новое гипотетически наступающее общественное состояние. Его

последователи – судя по высказыванию Е.В. Неходы – затрудняются определить явления постиндустриализма спустя почти полвека после выхода труда Д. Белла, однако продолжают следовать постиндустриальной парадигме! Это не вопрос критического научного восприятия спорной концепции, а вопрос некритического усвоения идеологии и определенной социальной парадигмы.

Если мы принимаем тезис о, например, «информационном» характере афинского полиса, то второе утверждение не может быть верным. Однако принятие этого тезиса означает и неправомочность «футурологической природы» концепции информационного общества. Нам кажется, что «компромисс» классического подхода к этой проблеме и нашего подхода вполне возможен. Информационным общество было всегда. Однако в силу некоторых обстоятельств в 70-80-е гг. возникает концептуальная основа для теории информационного общества, как общества возникающего впервые. Осознание с течением времени вечно-информационной природы социума приводит к завершенности «пророчества» об информационной стадии. Однако изначальный «футурологический проект» по-прежнему незавершен (да и не будет завершен никогда). Автор предлагает концепцию осмысления современной «двойной» социальности (виртуальной в информационном пространстве и актуальной в пространстве географическом), которая, возможным образом, разрешает противоречие «вечного наступления» информационного общества.

2.2. Киберфронтир: почему не сбывается пророчество об информационном обществе?

Мануэль Кастельс в работе «Галактика Интернет» употребляет термин фронтир для обозначения Интернета как передовой линии развития компьютерных информационных технологий [124, с. 61]. Кастельс при этом делает очень важное наблюдение, которому, однако, не придает, как нам кажется, должного значения – линия фронта постоянно смещается «к западу» [124, с. 63]. Термин «электронный фронтир» в отношении Интернета и виртуальной реальности также используется либертарианской организацией «защиты» свободы нового виртуального пространства - Electronic Frontier Foundation³³.

Как отмечают А.А. Кононов и Г.Л. Смолян, «Интернет является необходимой системообразующей средой для формирования элементов информационного общества» [130, с. 5]. Анализировать «географию» нового информационного пространства необходимо именно на основе анализа Интернета - специфической среды коммуникации между человеческими индивидуумами, внутри которой **формируются новые феномены социальности, новые социальные отношения и особая социокультурная среда**. Невозможность вынесения Интернет-пространства за скобки социальности вытекает из работы А.М. Бекарева: «всякое предполагаемое человеком пространство существует не вне, а внутри границ социального» [79, с. 283-284].

2.2.1. Специфика социальности виртуальной коммуникации: «паутина» в географическом ландшафте или «пятое измерение» пространства? Виртуальное пространство Интернет-коммуникаций оказывается новым измерением пространства вообще, а отношения внутри этого информационного

---

³³ официальный сайт организации – <http://www.eff.org/>

пространства оказываются новым измерением социальности в частности. Специфическая природа виртуального Интернет-пространства по отношению к пространству географическому подразумевается, но не называется напрямую, например, М.В. Катковой: «Мгновенность передачи информации изменяет масштабы событий, и в обществе появляются предпосылки создания единого, фактически безграничного пространства, возможности которого сегодня демонстрирует Интернет». Однако исследователь считает, что информационное пространство – это лишь «физическое пространство, в котором циркулируют информационные потоки» [126, с. 26].

Здесь налицо противоречие, так как физическое – дискретно, разбито на отдельные локусы, оно конечно, скорость перемещения в нем ограничена уровнем развития технологий. Однако Интернет-пространство - «едино», «безгранично», «мгновенно» в плане перемещений как коммуникации (т.е. противоположно по этим признакам пространству географическому).

Виртуальное пространство имеет и вневременную природу. Часть Сети **всегда** функционирует и наполнена «жителями» - это «двадцатичетырехчасовое общество» (*twenty-four-hour society*) [117, с. 36].

Соотношение особых отношений виртуального пространства и виртуального времени рождает виртуальный пространственно-временной континуум - систему, где все коммуникации осуществляются по принципу: «Где? – где бы это ни было, оно – здесь. Когда? - когда бы это ни было – оно сейчас». Примечательно, что понимание феномена Интернета как нового пространственно-временного континуума было отмечено неоднократно [116, с. 57-58], однако ему не придавалось должного **концептуального** значения.

Новое виртуальное пространство - с момента своего «рождения» по настоящее время – оказалось в состоянии

«фронтира» по отношению к пространству реальному. Фронтирность Интернета определяется, *во-первых*, «географически» - эта та среда, которая осваивается и расширяется «на запад» - к своим еще неоткрытым и незаселенным территориям. *Во-вторых*, и это еще более важно, Интернет породил особую социальную среду и социокультурную ситуацию. Проанализировать их на соотношение с социокультурной ситуацией фронтира мы и попытаемся.

2.2.2. Фронтир, Украина и Интернет – в поисках общего знаменателя. Тема «фронтира» в отечественной и зарубежной исторической науке разрабатывалась абсолютно под разными названиями (фронтир, Украина, осваиваемая территория), но весьма сходными путями [159]. Однако при разности названий характерные черты социумов фронтира будут общими, что позволяет вести речь уже не о сходствах и различиях феноменов, сколько об универсальности типических черт социальности в ситуации освоения **нового пространства**. «Фронтирность» Интернета и его смещение «к западу» отмечает, например, М. Кастельс [124, с. 61, 63], однако не придает этому должного значения. Термин «электронный фронтир» в отношении Интернета и виртуальной реальности также используется либертарианской организацией «защиты» свободы нового виртуального пространства - *Electronic Frontier Foundation*.

Мы воспользуемся кратким описанием «социального портрета» фронтира, предложенного Н.Ю. Замятиной:

- фронтир – зона неизвестного. Этой территории только еще предстоит быть освоенной;
- фронтир имеет сравнительно низкую плотность населения;
- граница фронтира непрерывно смещается географически (до исчерпания возможностей экспансии или географических барьеров);

- фронтир слабо сопряжен с зоной действия государственных законов;
- право силы и ее культ в среде «обитателей» фронта порождает также ироническое, неуважительное отношение к окружающим;
- романтизация в уже освоенном пространстве территории «бывшего» фронта и украинного образа жизни;
- возникновение определенной символики, фронтирной моды, фронтирных «профессий» - будь то ковбои или казаки;
- пожалуй, самая важная характеристика фронта – это свобода. Личная свобода, свобода перемещения, ношения и использования оружия в определяемых правом силы и осознанием собственного достоинства границах. Такая свобода означала и стихийную демократию;
- свобода означала и легкость в восприятии нового. Фронтир – территория не изобретения, но легкого внедрения любого изобретения;
- индивидуализм обитателей при одновременном стремлении собираться в сообщества, которые слабо поддаются внешнему управлению – казачьи или ушкуйные ватаги, салуны, банды на Диком западе и пр.;
- упрощение религиозных обрядов, снижение требований морали, «распушенность» нравов, стремление к обогащению [115].

Представленные выше характеристики являются если не исчерпывающими, то хотя бы достаточными для соотнесения какой-либо территории с понятием фронта.

2.2.3. Социокультурная среда киберфронта: типические черты Интернет-социальности. Как и всякий фронтир, киберпространство поначалу не освоено. Его граница расширяется,

но не за счет открытия новых территорий смелыми пионерами-путешественниками, а вследствие прямого создания этих территорий энтузиастами-профессионалами/любителями. Прогресс технологий определяет возможность расширения этого пространства дальше «на запад». Первоначально «плотность населения» киберфронта низка [124, с. 15]. Однако с течением времени эта величина растет, поскольку технологически освоение Интернета упрощается, ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) становятся все более простыми в освоении и доступными все менее квалифицированным пользователям. На территории киберфронта образуются свои перенаселенные «клондайки»: несколько лет назад Интернет пережил бум блогосферы – сайтов, предлагающих услуги ведения Интернет-дневника. Сейчас Интернет переживает расцвет социальных сетей, крупнейшие из которых в России – www.odnoklassniki.ru и www.vkontakte.ru – исчисляют своих пользователей миллионами.

Влияние государств здесь значительно «усечено». Хотя «электронный фронт» создавался странным тандемом Министерства обороны США, университетов и большого бизнеса, бизнес в итоге освоил территорию фронта раньше государства (этот момент также повторяет историю реального фронта на «Диком западе»). Большинство государств признается, что правовое регулирование деятельности в зоне электронного фронта **развито достаточно слабо**. Вместо этого Интернет порождает собственные правила и нормы поведения [98]. Это связано с рядом причин.

Во-первых, традиционные формы охраны правопорядка, контроля над соблюдением норм морали и этикета не действенны в виртуальном пространстве.

Во-вторых, электронный фронт привлекает определенный тип личности – территория виртуальной социальности «отражает

индивидуализм, нежелание подчиняться заведомым правилам» [157].

В-третьих, Интернет-комьюнити, привлеченное возможностью свободного информационного обмена, целенаправленно борется с попытками эту свободу ограничить.

Традиционные нормы морали и нравственности в «Сети» воспринимаются в лучшем случае иронически, в худшем – отрицаются вообще. Появляется такое понятие, как вирт, - по сути, коллективная мастурбация при посредничестве видео-, аудио- или текстуального контакта через Интернет, когда пользователи в диалогической форме или при помощи онлайн-трансляции описывают / передают последовательность своих эротических действий. Религия искажается – от статьи об Иисусе Христе на «Абсурдопедии»³⁴ до культов «Летающего макаронного монстра»³⁵, Ктулху и т.д. Одновременно и сама «Сеть» становится объектом религиозного или псевдорелигиозного переживания; в художественной культуре получает свое осмысление идея нового «сетевого» мессианства³⁶.

Характерной чертой обитателей нового фронта с самого начала стала абсолютизация свободы, которую он приносит [2]. М. Кастельс, исследуя феномен Интернета, пишет, что даже целью развития Интернета его первыми творцами – университетскими преподавателями и студентами – **была свобода коммуникации** [124, с. 6, 63]. Эта свобода осознается и в процессе, который рано или поздно начинается на любом фронте: территория, освоенная храбрыми пионерами, привлекает внимание бизнеса и государства. Линия фронта начинает смещаться. Сайты правительств, ТНК, просто мелких фирм и организаций начинают занимать все больше места, развивается юридическая база, хотя очень часто это

---

³⁴ Иисус Христос / Абсурдопедия / <http://absurdopedia.wikia.com/wiki>.

³⁵ Летающий макаронный монстр / Абсурдопедия / <http://absurdopedia.wikia.com/wiki/>.

³⁶ См., напр., фильмы «Матрица», цикл киберпанк-романов Вадима Панова «Анклавы», повесть С. Лукьяненко «Калеки» и др.

«развитие» означает перенос актуальных положений законодательства из «реального» права в право на территории «виртуальности».

Настоящее признаваемое большинством обитателей - это право киберпейса – право знания, как силы. Здесь не столько скорость нервной реакции, точность моторики и глазомера определяют вашу победу, а знания о лучшем программном обеспечении, методах его конфигурирования, о методах программирования «влет» без долгой и тщательной проверки готового программного продукта. Но и скорость нервной реакции, и точность моторики тоже играют свою роль – в большинстве субкультур киберпейса спорные вопросы часто проверяются при помощи виртуальной схватки в компьютерной игре. Из идей – собственных и чужих – обитатели киберпейса постоянно стремятся извлечь выгоду. Поэтому Интернет быстро оказывается перенасыщен рекламой (основная форма мошенничества – предложения быстро и легко заработать «через Интернет»). Реальная выгода, как правило, достигается либо за счет предоставляемых возможностей коммуникации, либо за разработку и внедрение новой территории-«Клондайка». М. Кастельс отмечает, что «реализация потенциала превращения интеллекта в средство получения прибыли стала краеугольным камнем предпринимательской культуры Силиконовой долины и Интернет-индустрии в целом... это культура, высшими ценностями которой являются количество заработанных денег и скорость, с которой они заработаны...» [124, с. 75].

Киберфронтир рождает нового «старого» романтического героя. В литературе нового фронта, которой стал «киберпанк», вполне обычно название героя – «киберковбой», что весьма характерно, не правда ли? А один из замечательных паропанк-фильмов называется «Дикий Дикий Запад» («*Wild Wild West*»), что также весьма характерно. Здесь одновременно и указание на

схожесть современной техносферы с фронтиром эпохи американских пионеров, и интертекстуальная игра, отсылающая нас к универсальной аббревиатуре *www* – указателю глобальной сети, ставшей главной территорией нового «дикого “дикого веста”». Романтическими героями киберпространства становятся хакеры, программисты и системные администраторы. Они наделяются харизматически-отрицательными характеристиками: небритость и внешняя «помятость», способность к неограниченному употреблению алкоголя, способность к решению профессиональных задач в любом физическом и психическом состоянии (при одновременном сознательном стремлении к достижению измененного состояния сознания) и пр.

Этот герой – индивидуалист по своей природе; однако при крайнем индивидуализме своих членов Интернет сверхнасыщен различного рода комьюнити, по сути своей, **неуправляемыми или слабоуправляемыми**. Социальные сети, где распространены «клоны» реальных известных людей, соседствует с рекламой порнографии, здесь совершаются финансовые мошенничества и одновременно присутствуют сообщества профессионалов, например, учителей, обменивающихся опытом, – ярчайший пример таких слабоуправляемых комьюнити при наличии реальной администрации сообществ, где свобода и прибыль возведены в абсолют, мораль упрощена до предела, единственная реальная норма права – право силы.

Киберфронтир с легкостью усваивает новое. Исторически подтвержденный, но курьезный факт – прогресс в области вычислительной техники 1990-х – 2000-х гг. поддерживался растущими требованиями к «скорости» компьютеров со стороны производителей компьютерных игр. Этим путем появились такие устройства, как видеокарта, звуковая карта, физический ускоритель и т.д. Фронтир столь же легко осваивает и новые виртуальные и программные технологии.

Итак, как мы можем отметить, по основным социокультурным чертам развивающееся интернет-пространство **совпадает с типической ситуацией фронта**. Однако именно фронтальная концепция понимания Интернет-социальности позволяет решить проблему «вечного становления» информационного общества, феномены которого мы наблюдаем в реальности, но никак не можем достичь его как стадии социального развития. Однако время идет – Восток осваивает Дикий Запад, фронт сдвигается все дальше – а предсказанное информационное общество все никак не наступит, потому что было всегда и никогда не было в той форме, которая предсказана его современной концепцией. Низкая релевантность прогнозов, основанных на концепции «информационного общества» объясняется в числе прочего и тем, что тренды развития современности отмечались и анализировались для ситуации освоения «востока» «западом» – традиционной социальности виртуальной, а не наоборот – освоения виртуальности традиционными формами социальности, «запада» «востоком». Смещение фронта к «западу» означает и эскалацию всех отмеченных выше черт социальности, прежде всего, негативных на новой технологической основе. Так, несколько месяцев назад в Интернете чрезвычайное распространение получили «цифровые наркотики» - аудио-записи низкочастотных колебаний, которые воздействуют на мозг рецепиента, вызывая заранее определенные ощущения – сексуального оргазма, эйфории, наркотического опьянения, вызванного приемом героина, и т.д.

Значительная часть феноменов социальности, которыми оперирует информационно-постиндустриальная концепция, представляет собой явления фронта: власть и сила, которые дают знание, рост числа занятых в информационной сфере, технологическое развитие информационных технологий, морально-нравственные, эстетические перверсии, становление нового типа личности.

2.2.4. Слепые рапсоды информационной эпохи, или почему футурологи «первой волны» оказались в Старом Свете, а не на передовой киберфронтира? Примем мы или нет гипотезу о киберпространстве как новом фронтире (а не уже фактически освоенной территории) однако дальнейшее описать достаточно просто. В отличие от Америки, ограниченной тремя океанами, зона расширения электронного пространства теоретически бесконечна. От создателей теории информационного общества героев фронтира отделяли минимум 3 фактора, которые стали пространственными:

1 - функционирование сети как отдельной географической локации, слабо привязанной к земным координатам (да и то – только при большом желании и необходимости такой привязки, в большинстве случаев коммуникация между пользователями сети агеографична или географически анонимна). Так, Мануэль Кастельс отмечает этот факт, как примат виртуальных контактов над реальными в развитом сообществе хакеров [124, с. 67]. Однако в той же работе «Галактика Интернет» Кастельс не придает должного значения исследованиям урбанистов, ограничившись кратким и безликим замечанием: «сеть заменяет место в качестве основы социальности как в пригородах и городах» [124, с. 152]. Из этого Кастельс фактически делает вывод не о том, что сама сеть становится пространством, а о том, что сеть имеет внепространственную природу. Действительно, сложно не согласиться с тем, что «Интернет имеет свою собственную географию, географию, представляющую собой сети и узлы, обрабатывающие информационные потоки, генерируемые и направляемые из различных мест...» [124, с. 241]. Однако, с нашей точки зрения, это не география планетарного пространства, а география города. Весьма специфического города, который, во-первых, многоязычен и поликультурен³⁷. Во-вторых, город-Интернет разделен на отдельные «гетто» по этим признакам, также

---

³⁷ Правда, универсальным средством коммуникации остается по-прежнему английский язык

как и по профессиональным привязанностям, хобби и интересам его жителей. Афины классического периода, как мы уже отмечали выше, в этом плане являются столь же информационным пространством, сколь и современный Интернет.

Стоит отметить, что Сеть предоставляет особые отношения между виртуальным миром и личностью. Начнем с того, что возможность одновременного существования в нескольких местах сети – это не только возможность, но и зачастую необходимость, которая к тому же пропагандируется как необходимый элемент профессионализма в работе с Сетью³⁸.

2 - хронологическое разделение поколений. Первым пионерам нового фронта сейчас около 50 лет. В то время как их «историки» и «романисты» очень часто значительно старше. Конечно, новое поколение футурологов уже привязано к этому фронтиру. Однако в силу гуманитарности образования большинства из них технологически неосвоенные зоны фронта – еще не созданное виртуальное пространство – для них также недоступны.

---

³⁸ Операционная система Microsoft Windows изначально позиционировалась как «многозадачная» поддерживающая несколько программ-приложений одновременно. Так, на рабочем месте автора данной работы обычно запущены следующие программы \ сайты:

1. системы Интернет-пейджинга для мгновенного обмена сообщениями с другими пользователями Сети – ICQ, QIP и Mail.Ru agent. Последний также обеспечивает постоянную проверку почты на предмет новых писем.

2. Социальные сети www.odnoklassniki.ru и www.vkontakte.ru – для контакта с коллегами и личной переписки

3. Интернет-поисковики «Яндекс.Словари», «Яндекс.поиск», «Google – поисковая система»

4. Форум «Виртуальный город “Интерсвязь”» - Интернет-провайдер, обеспечивающий соединению с сетью, в локальном домене которого также содержится большой объем текстовых ресурсов.

5. Приложение для обмена файлами E-Donkey (E-Mule).

И это не включая сюда более двух десятков сайтов с авторизованными библиотеками, файлообменника «toget», нескольких узкоспециализированных тематических форумов по вопросам культурологии, философии, социологии, политологии, истории, где пребывание автора требуется лишь по факту «запроса» - либо его самого, либо исходящего от него.

Стоило бы отметить, что большое значение имеет воспитание у netvill’а культуры «ответа по запросу». Житель сети не будет поминутно проверять почту или свою страницу на «одноклассники.ру». Правильная настройка сервисных программ позволяет установить фильтрацию сообщений по степени их важности, информировать об изменениях в социальных сетях и пр. Управление «5-мерным» присутствием в «сети» отнимает у «профессионального» Интернет-серфера времени меньше, чем личное общение с коллегами у человека, не пользующегося «сетью».

Футурологи обычно относятся к категории «юзеров»³⁹. Собственно, это подразумевает и третий фактор «отчуждения» первого поколения исследователей феномена «информационного общества» от исследуемого пространства:

3 - необходимость определенной образовательной и пр. квалификации, набора «информационных компетенций».

2.2.5. Фронтир информационного пространства против Среднего Запада постиндустриальности, или кто кого освоит? Взгляд футуролога или социолога-постиндустриалиста на эти феномены – это удивление чопорного южанина-рабовладельца при виде внутренней панорамы салуна на Диком Западе. Для него – это «ужасное новое», которое через некоторое время захватит и его благополучный и патриархальный неторопливый Юг. Однако проходит время, Север и Юг захватывают фронтальный Запад, появляются шерифы, цивилизация осваивает вчерашнюю границу, а сама граница уходит дальше.

В современной науке этот феномен расширения привычных экономических и иных отношений на Интернет-среду получил название **виртуализации** (социума, экономики, образования и т.д.). Низкая релевантность футурологических прогнозов объясняется в числе прочего и тем, что они создавались для ситуации освоения традиционной социальности виртуальной. На деле же происходит взаимопроникновение, в котором традиционная социальность – по мере развития технологий – все более адаптирует виртуальную социальность «под себя» и меняется все менее и менее сильно с каждой новой волной освоения фронта.

По мере «освоения» фронта и повышения его доступности снижаются и интеллектуальные, образовательные и профессиональные барьеры для участия в «информационном секторе» экономики, иначе говоря – в зоне освоения

---

³⁹ Пожалуй, за исключением движения трансгуманистов и сингуляристов. Однако оно имеет не столько научно-футурологический смысл, сколько наполняет киберпейс религиозным смыслом, направленностью истории и, в конце концов, эсхатологией.

киберреальности уже не пионерами, а государством и бизнесом. Умберто Эко, говоря о разделении людей на тех, кто смотрит телевизор, и тех, кто пользуется Интернетом [198], был явно неправ. Это разделение пройдет по более тонкой линии, которую Эко отмечал в другой форме, как водораздел критичного и некритичного отношения к информации [198, см., также, 114] – или, принимая концепцию киберфронта, тех, кто становится пионером, и тех, кто благоустраивает, а то и просто использует уже освоенное пространство. То есть мыслящих творчески, и мыслящих потребительски. Фронт из «Дикого Веста» превращается в постиндустриальный субурбанизированный пригород на Среднем Западе, населенный сытыми и благополучными гражданами. И одновременно фронт киберпространства всегда сохраняет возможность шагнуть дальше «на запад», открывая перспективы «вечного становления информационного общества».

Рассчитывать на бесконечное развитие тенденций социального «ландшафта» фронта глупо. Понимание этого факта присутствует в разных концепциях «информатизации социума» в косвенной форме – так, например, Сергей Гриняев в статье «Угрозы и вызовы информационной эпохи» пишет, что «особенностью информационной революции является то, что она, влияя на ценности общества, сама во многом формируется под влиянием его социальных и культурных ценностей...» [98]⁴⁰. Несбыточность того восприятия мировых трендов, которое породило футурологию 60-90-х гг. отмечает и, например, Д.В. Иванов: «трансформация общества, включая экономику, приобрела иной характер, нежели предсказывали теоретики постиндустриализма...» [119].

Концепция феноменов «информационного общества» как явлений электронного фронта в преломлении замечания У. Эко относительно того, что отнюдь не все люди обладают необходимой

---

⁴⁰ Стоит отметить, что сам Гриняев при этом ссылается на анонимных «экспертов Rand» [RAND Corporation – первая и одна из наиболее влиятельных «фабрик мысли» в США – И.Т.]

степенью самостоятельности и критичности мышления для «врастания» в «общество знания» [198] объясняет факт несоответствия структуры и характера занятости предсказаниям Д. Белла. Первоначально предсказывалось, что в постиндустриальный и информационный сектор вовлекаются высококвалифицированные кадры – и это так и было – и их процентное соотношение по отношению к кадрам низкой квалификации будет только нарастать. А.Г. Мовсесян отмечает, что «различается и уровень образования людей, участвующих в информатизации и сервисизации экономики. В первый процесс вовлечены высококвалифицированные кадры, получающие высокие доходы, а во второй – низкоквалифицированная рабочая сила с невысокими доходами» [152, с. 54]. То есть сервис как территория фронта оказался освоен – и в когда-то передовую область хлынули обыватели с давно «колонизированного восточного побережья» экономики – промышленности, сельского хозяйства и сервиса низкого уровня квалификации. Когда-то передовая область электронного фронта – html-«программирование» в области Интернет-технологий – стала сегодня освоенной территорией, для использования которой нет необходимости запоминать десятки «тэгов» (специальных кодов, которые определяют размещение и внешний вид элементов на Интернет-странице) – «визуальные редакторы» позволяют создавать сайт в on-line и off-line режимах, перетаскивая мышью в рабочее поле отдельные элементы и их комплексы. Однако действительно интерактивное web-программирование и некоторые схожие комплексы для работы с сайтами остаются доступными лишь «кибер-ковбоями». Для зачисления в эту когорту требуется высочайшая квалификация, абсолютно не сопряженная с наличием диплома о высшем образовании. Предположение о том, что бывшие «фронтирные территории» оказываются в итоге освоенными людьми низшей в сравнении с пионерами квалификации, подтверждается Г.В. Телегиной, которая отмечает, что число

занятых (в США, Японии и Великобритании, то есть наиболее передовых постиндустриальных странах) производством информации гораздо меньше числа «низовых» информационных работников, занятых обработкой и передачей информации [174, с. 41].

При том, что электронный фронтير со временем превращается в электронный «город» - обжитое и упорядоченное пространство, само явление «фронтирности» никуда не исчезает. Оно бесконечно «сдвигается» в еще не созданную зону виртуальной реальности. Если обратиться к исследованиям соотношения между «объективной» и «виртуальной» социальностью начала 1990-х гг., то мы увидим приблизительно следующее описание: «Мы на пороге мира, где будет существовать не одна, а две реальности, так же как у нас имеется пара глаз или возможность слышать и басы и дискант, так же как сейчас существуют стереоскопы и стереофония: там будет две реальности - актуальная и виртуальная...» [92]. Очевидно, что в свете концепции киберпространства как виртуального \ информационного \ электронного фронта такое соотношение не точно. Между «актуальной» и «виртуальной» реальностями лежит зона смешения этих пространств. Те стороны человеческих отношений, которые оказываются охвачены одновременно виртуальными и актуальными пространствами, или механически переносятся из одного в другое (например, бизнес-торговля, социальные сети для поддержания связей с одноклассниками, однокурсниками, бывшими коллегами и пр.)

2.3. Мозаика футурологического «светлого завтра»

Рассмотрев в общих чертах картину концептуальных представлений человечества о технологиях «научного» прогнозирования будущего – даже дав некоторую критику этих концепций, мы можем решить, наконец, вполне частную задачу. Каким же видит футурология будущее человечества? Что ждет нас если не послезавтра, то уж в будущем десятилетии точно? Для удобства дальнейшей работы мы предлагаем разбить картину мира на несколько фрагментов. Мы сознательно идем по пути формирования синкретической картины образа будущего – поскольку он и является синкретическим объединением усвоенных обывателями концепций (А.И. Молев отмечает, что и сами «прогностические концепции изначально мозаичны, альтернативны и дополнительные» [55, с 30], что уж говорить об их рефлексированном образе в обыденном сознании?). Сегодня концепции постиндустриализма уже редко подвергаются критическому анализу, тем более в виду очевидных сложностей такого анализа (хотя бы в силу колоссальных историографических объемов) даже для представителей научного сообщества.

Синкретически-мозаичный подход к «реконструкции» действующего в социокультурном пространстве образа будущего позволяет разрешить еще один важный аналитический вопрос. Выше мы уже упоминали, что футурологов можно разделить на «технооптимистов» и «технопессимистов». Авторы антиутопий можно и нужно отнести к пессимистам. Соответственно, нам нет нужды анализировать работы технооптимистов? К сожалению, технооптимизм футурологов имеет часто странную природу: некоторые черты социальности совпадают в антиутопиях и футурологии, меняя при этом эмоциональную оценку с минуса на плюс.

Мы самоустраняемся в данном разделе от критической оценки футурологических «пророчеств». Попробуем дать просто нейтральный их обзор.

2.3.1. Гимн светлому завтра. Этот обзор резонно начать с оптимистического гимна информационному постиндустриализму: «в экономике производство как источник богатства все в большей степени заменяет сфера обслуживания. Типичный работник информационного общества занят не в сталелитейном цехе или на автомобильной фабрике, а в банке, в фирме программного обеспечения, в ресторане, университете или в агентстве социального обслуживания. Роль информации и интеллекта, воплощенных как в людях, так и во все более умных машинах, становится всеобъемлющей, а умственный труд все в большей степени заменяет труд физический. Производство глобализируется по мере того, как недорогие информационные технологии делают все более легким распространение информации через национальные границы, а средства быстрой связи — телевидение, радио, факс и электронная почта — размывают границы устойчиво существовавших в течение долгого времени культурных сообществ.

Общество, базирующееся на информации, все в большей степени способствует возрастанию свободы и равенства — двух вещей, которые люди в современной демократии ценят больше всего. Свободы выбора — будь то свобода выбора кабельных каналов, дешевых торговых центров или друзей в Интернете — приобретает неограниченный характер. Иерархии всех видов, и политические, и корпоративные, подвергаются давлению и начинают распадаться. Власть больших, негибких бюрократических образований, которые стремились посредством правил, предписаний и принуждения контролировать все и вся в пределах своей сферы влияния, была подорвана переходом к экономике, основанной на знании; это способствует росту самостоятельности индивида, обретаемой благодаря доступу к информации. Как раз

такие негибкие корпорации, как старые «Интернэшнл бизнес машине» и «Американ телефон энд телеграф», дали дорогу меньшим, легче управляемым конкурентам; то же самое относится и к упадку СССР и Восточной Германии, произошедшему из-за их неспособности контролировать и использовать в собственных целях знания своих граждан...» [185]

На этой позитивной ноте мы закончим с преамбулой и перейдем, наконец, к мозаике будущего.

2.3.2. Образ человека будущего. Вопрос о том, что такое человек? – дискутируется уже достаточно – если не чрезмерно – долго. Определенные успехи у этих дискуссий имеются, однако говорить о разрешении проблемы рано. Тем не менее, футурологи имеют свою концепцию... нет, не по поводу того, что же такое человек. А по поводу того, какое будущее ожидает его природу.

Здесь следует разграничить два направления:

- биогенетиков⁴¹
- «кибернетистов»⁴²

Концепции «биогенетиков» опираются на 3-4 основных направления современных научных исследований:

1. генетическая модификация тела по пути повышения его функциональности, силоскоростных качеств, интеллектуальных характеристик. Одновременно рассматривается возможность генетической специализации на решении конкретно-профессиональных задач: дыхание под водой для профессий, связанных с морем и пр.

2. проблема лечения болезней и регенерации человеческих органов, расширение границ долголетия и, в идеальной перспективе – достижения бессмертия, медикаментозная модификация поведения и эмоций

---

⁴¹ Например, Ф. Фукуяма в работе «Наше постчеловеческое будущее» пытается построить картину развития мира на основании прогресса биотехнологий [184]

⁴² Это движение очень разнородно. К этому направлению можно отнести и некоторые мысли И.В. Бестужева-Лады и идеологию «трансгуманистов» и «сингуляристов». См., например, [139]

3. повышение потенциала будущих людей путем отбора эмбрионов для будущего развития [184, с. 20-21, 31].

Френсис Фукуяма резонно замечает, что попытки ограничить подобные исследования моральными императивами и юридическими нормами столь же необходимы, сколь и бесполезны. Важно лишь избежать новой – биогенетической! – «гонки вооружений» и скоординировать усилия мирового сообщества на решении действительно универсально необходимых проблем: лечения болезней, повышения человеческого потенциала и пр. [184, с. 24-26]. Футуролог выражает опасения уже не о «конце истории», а конце человеческого в принципе. Именно поэтому название его работы явным образом апеллирует к модному во второй половине XX века принципу постулирования «после-» стадильности: пост-человечество, живущее в постиндустриальном обществе в ситуации доминирования ультрапостпостмодернизма

В числе проблемных вопросов, которые ставит биотехнология, Фукуяма называет и проблему наследования свойств организма и качеств личности – а, следовательно, и проблему ее целенаправленной модификации [184, с. 53]: интеллекта, склонности к совершению преступлений, сексуальности и сексуальной ориентации [184, с. 58]. Впрочем, у этой проблемы есть и обратная сторона – медики отмечают значительное увеличение числа генетических отклонений (мутаций) в современный период [71, с. 8].

Фукуяма также отмечает успехи фармакологии в деле медикаментозного повышения самооценки индивида или коррекции его асоциального поведения [184, с. 63, 73]. Первое – общественный стабилизатор, устраняющий проблему «гордого корсиканца» и дающее обществу счастье при любых реальных обстоятельствах. Второе – де-факто, инструмент психического репрессирования индивида, более тонкий, но и более изощренный, чем классические тюрьмы, лагеря и казни. Скорее иронически,

автор отмечает, что подобные технологии в современном обществе направлены пока что на реализацию требований «политкорректности» [184, с. 83].

Проблема развития долголетия ставит иную проблему: старение населения и снижение рождаемости. Этот социальный сдвиг не является футурологическим открытием – объективная демографическая статистика свидетельствует об этом уже несколько десятилетий. Здесь, как нам представляется, не вполне корректна корреляция только между развитием долголетия и снижением рождаемости – действует еще большое число социальных, экономических, политических факторов. Фукуяма отмечает такие возможные социальные следствия, как пересмотр пенсионной политики государства (в силу изменения пропорции работающих и неработающих граждан), изменение структуры международных отношений. Также к таким следствиям он относит изменение избирательной системы демократических обществ в силу доминирования женщин среднего и старшего возраста в демографической структуре социума, снижение военной активности в силу этого же фактора, рост конфликтности 4-5 сосуществующих поколений. В силу последнего фактора Фукуяма называет и иное, весьма странное для постиндустриалиста следствие – снижение темпа перемен [184, с. 94-100].

В продолжение традиции «после-» стадильности Фукуяма присовокупляет будущему обществу долгожителей еще и потенциальную характеристику «пост-сексуального» [184, с. 104-105].

К озвученным в работе Фукуямы проблемам следовало бы добавить еще одну, ставящую под вопрос природу человека – проблему клонирования. Опустим ее возможные метафизические (будет ли клон обладать душой?) и очевидные демографические аспекты. Более нас интересует научный вопрос, связанный с феноменами «архетипической памяти»: «клон не переживает

родовой травмы, внутриутробного чувства любви родителей и пр. Не будет ли он одиноким, отчужденным, эмоционально ущербным и “холодным” существом, на которое к тому же накладывается картина раннего старения и вероятных генетических уродств?» [93]

Постчеловеческое будущее заключается здесь в возможной утрате картины общечеловеческого [184, с. 305]. Впрочем, данное явление даже сегодня с трудом выдерживает критику: культурные, национальные, расовые различия порождают такую палитру этических ценностей, особенностей мировосприятия, специфических юридических норм, что назвать это **общечеловеческим** наследием довольно сложно.

Кибернетическое направление мы осветим более коротко, поскольку проблемы здесь лежат скорее не в перемене действительной природы человека, сколько в постепенном «растягивании» привычных норм – традиционных и юридических – на новую область. Основные проблемы этого направления можно классифицировать следующим образом:

- необходимость расширения границ этического, формирования новой техноэтики [82]

- возможное слияние человека и машины, формирование либо цивилизации киборгов⁴³

- вероятное развитие виртуальной реальности не в формах «малой имитации», а в форме полноценного мира, данной в ощущениях реальности, созданной при помощи компьютерных технологий [139]

- непрогнозируемый скачок в развитии технологий, когда разработка технологии нового поколения опережает внедрение технологии предыдущего поколения (теория «технологической сингулярности»)

---

⁴³ Что рекурсивно возвращает нас к проблеме «сверх-» или «пост-» человечества из дискурса «биоинженетиков».

- рост возможностей асоциально ориентированного технологического или информационного гения [82].

У всего вышесказанного нам представляется достаточно уязвимым один момент: насколько велика будет – даже с учетом допуска реальности прогнозируемых возможностей – готовности человека к изменению собственной природы. И биогенетическая, и кибернетическая модификации человеческого организма способны вызвать негативный отклик в социуме и долгое время «гаситься» традиционными нормами отношения к природе человеческого.

2.3.3. Моральные и ценностные категории информации и информационных технологий. Современный дискурс информационного общества подразумевает весьма странное отношение к информационным технологиям. С одной стороны, указывается на необходимость регуляции информационной среды. С другой стороны – самопровозглашенная свобода информационной среды и, прежде всего, Интернета определяется как гарант завоеваний демократии и даже возможность ее развития к «прямым» непредставительским формам. Более подробно мы будем говорить об этом в подразделе, где мы касаемся вопросов политического развития информационного общества.

Формирование новой информационной среды воспринимается как данное. Причем – вне зависимости от отношения к факту реальности или сомнительности природы современного общества как информационного. Это состояние, возврата из которого уже не будет: «Реальный вопрос для людей, для бизнеса, для институтов – это как жить с Интернетом...» [184, с. 6]

Одновременно с этим информационная среда имморализуется. Футурологический прогноз может иметь оптимистическую или пессимистическую направленность, однако относительно технологии авторы всегда уверены – она нейтральна. «...Судить об Интернете в терминах “хорошо” или “плохо” вообще неправильно. Технологии хороши или плохи в зависимости от

нашего использования. Они суть продолжения нас самих...», - отмечает Кастельс [124, с. 6]. Эта позиция, в принципе, применима ко всем участникам научной дискуссии вокруг теории постиндустриализма или информационного общества.

Одновременно, такие авторы как Э. Тоффлер [176; 177], М. Кастельс [124; 125], Ж. Делёз [107], Ж. Бодрийяр [84], П. Вирильо [92] отмечают значительные ценностные и моральные сдвиги информационного общества. Возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, теоретики постиндустриализма и теории информационного общества признают наличие аксиологического и нравственного сдвига в социальных отношениях. С другой стороны – за явлением, которое де-факто оказывает наибольшее влияние на информационную среду и социальные отношения опосредованные этой средой – Интернет – накладывается «табу» нейтральности. Однако тотальное насыщение общества информацией, высочайшая плотность информационных потоков и связанные с этим проблемы отмечаются большинством футурологов.

Технологический скачок и «мгновенность» информационного обмена резонным образом определяют ускорение социальной жизни в двух основных проявлениях – ускорении социального времени и постоянному росту числа технологических и социальных инноваций.

2.3.4. Хронологический поток современности и инновации.

Современный этап развития характеризуется как время необычайно быстрых перемен абсолютным большинством сторонников теории информационного общества – Э. Тоффлером [176, с. 82-84, 90-91, 115-116, 126-127, 133-134, 203], З. Бжезинским [201], Д. Беллом [80] и пр. «Всякая попытка установить полное соответствие [*нашей эпохи и Средневековья* – прим. мое, И.Т.] была бы наивной хотя бы по тому, что мы живем в период невероятно ускоренных процессов, когда происходящее за пять наших лет может порой соответствовать происходящему тогда за пять веков...» [199].

Изменения имеют своими корнями НТР и технологический прогресс и распространяются на экономику, социальную сферу, институты семьи, образования, политику и пр. Это достаточно важный для нас момент, поскольку «антиутопический прогноз», как правило, подразумевает, наоборот, стагнацию всех сфер жизни человеческого общества.

Вместе с тем, целый ряд авторов одновременно признает инерцию человеческого мышления при восприятии и внедрении социальных и пр. новаций. В результате – как и с морально-этическими оценками информационной среды – возникает странный парадокс. Э. Тоффлер вводит в научный дискурс понятия футурошока. Футурошок можно охарактеризовать как дезадаптационный шок при столкновении человека с «технологией будущего» [176]. Явление футурошока в целом аналогично явлению культурного шока, однако Тоффлер неоднократно подчеркивает его большую глубину и масштаб последствий.

Собственно, из этого состояния и проистекает озвученный парадокс: большинство людей, согласно Э. Тоффлеру, не подготовлены к слишком раннему наступлению будущего. Они отрицают новации и сопротивляются внедрению новых технологий – хоть социальных, хоть микропроцессорных. Инновация – дело рук меньшинства. Однако Тоффлер точно также подчеркивает, что футурошок – следствие массового внедрения новых технологий. Получается весьма странная ситуация – ориентированное в будущее меньшинство создает новацию, которая массово начинает применяться в обществе людей, буквально впадающих в эмоционально-интеллектуальный «ступор» при неожиданном столкновении с технологией будущего. Одно из двух – или преувеличены масштабы и следствия футурошока, или – объемы внедрения в современное общество инноваций.

Как бы то ни было, отрицать слабую подготовленность человеческой цивилизации к масштабам перемен, равно как и

размах этих перемен, сложно. Под вопрос мы можем поставить только лишь факт **катастрофических** последствий таких влияний.

2.3.5. Хронологическая протяженность социальных связей. Э. Тоффлер отмечает, что наши социальные связи оказываются более скоротечными, менее продолжительными, чем связи людей индустриального или аграрного общества [176, с. 57, 113-116, 126-27]. С точки зрения американского исследователя, человек будет адаптироваться к постоянным изменениям социальной среды [176, с. 113-116]. В противовес этому Кастельс приводит данные о том, что продолжительность, интенсивность и число социальных контактов среднего пользователя среды Интернет выше, чем у тех людей, которые не пользуются этой средой коммуникации [124, с. 147].

Человек, вместо того чтобы самому адаптироваться к волнам социальной нестабильности, создал «островок» стабильности в самой нестабильной информационной среде – социальные Интернет-сети. «Номадические предметы», по выражению Э. Тоффлера и Ж. Аттали [75; 176, с. 89], – ноутбуки, карманные компьютеры, сотовые телефоны, радиомодемы, системы спутниковой навигации и т.д. не сделали человека «новым кочевником», а позволили человеку стабилизировать свое социальное окружение в виртуальной социальности, сохранять постоянные связи такого уровня, которые не представимы в индустриальном обществе.

Человек реинкарнирует привычные для него социальные феномены в новом информационном пространстве. В своей новой инкарнации старые социальные связи приобретают даже большую устойчивость, а за счет «номадических предметов» кочевья XXI века эти социальные связи приобретают и хронологическое постоянство. Социального сдвига сверхкоротких и «никчемных» связей новых кочевников не произошло. Человечество вновь выбрало оседлость в новой информационно-социальной среде.

2.3.6. Общество сетей. Из такой специфики социальных отношений вытекают зарождающиеся новые принципы социальной организации: на смену вертикальным отношениям иерархии идут горизонтальные отношения сотрудничества [176, с. 171-172]. Новое общество определяется как сетевое: «если новые способы производства и распределения электроэнергии превратили промышленные предприятия и крупные корпорации в организационную основу индустриального общества, то Интернет исполняет роль технологического базиса для организационной разновидности информационной эры – Сети...» [124, с. 13].

Сеть определяется как неиерархическое горизонтальное сообщество, не знающее географических рамок – «...возможность ведения дел на основе прямых равноправных связей всех со всеми...» [105].

Впрочем, исключительность сетевой природы – в форме сетевых организаций – современного общества вообще достаточно уязвима для критики. Так, Кастельс отмечает: «...вообще-то сети – это достаточно старые формы материализации человеческой деятельности, однако в наши дни они обрели новую жизнь...» [124, с. 13]

Однако эта критика просто смещает акценты: современность позиционируется как время доминирования (пока только потенциального) сетевых структур, которые получили первоначальное развитие в виртуальности, затем вышли в реальный мир: «...однако новые функциональные структуры, в основе которых лежит Сеть, развиваются и в традиционном обществе - это и транснациональные корпорации, и современная электронная экономика, и объединения научных коллективов, физически расположенных в разных частях планеты, но работающих над решением одной проблемы. Изменения коснулись и теневой стороны жизни человечества - сетевые структуры стали основой мировой преступности и терроризма...» [98].

Воздействие сетевых отношений абсолютизируется: «сами по себе интернет-технологии позволяют экономическим отношениям, а также процессу создания нематериальных благ принять электронную форму существования, особенность которой состоит в сетевом характере ее структуры, низкой себестоимости и в том, что события в ней происходят **мгновенно...**» [105]. Несколько удивляет, что в качестве базовых для сетевой организации направлений экономики, автор называет такие отрасли, как нанотехнологии, генную инженерию, энергетику термоядерного синтеза – то, что требует не просто мощных финансовых вливаний, но интегрированных финансовых и научных усилий самых централизованных и иерархических экономических игроков – государств. Аргументы вроде «дело в том, что генная инженерия не требует для себя создания статичных организационных конструкций, в ней преобладает переносимая в электронную форму интеллектуальная компонента...» [105] критики не выдерживают. Генная инженерия по-прежнему требует центральной лаборатории, а еще лучше лабораторного комплекса и знание интеллектуальной компоненты вовсе не означает успешной репрезентации результата. Мы не упоминаем здесь по-прежнему огромное влияние фактора необходимой аккумуляции и концентрации огромных объемов финансовых ресурсов.

Следует отметить постепенное смещение акцентов и самооценки Интернет-коммуникаций (как в приведенной выше цитате) на развитие технологической составляющей сети. Микрочиповые технологии, беспроводные электронные коммуникации и пр. дают возможность интеграции в сеть всего технологического окружения человека: от его сотового телефона и ноутбука, до банковской карты, медицинской книжки и пр.: «... в итоге все соединяется со всем. Поэтому правильно, а значит, и успешно все, что способствует этому, ведь Сеть есть коллективное взаимодействие, которое через волокно и эфир связывает воедино

быстро нарастающее число объектов живой и неживой природы...» [105].

В рамках данного раздела нам хотелось бы отметить, что приводимые примеры пока что не демонстрируют главную характеристику, которая, по мнению авторов, отличает сеть от иных форм организации: равноправность и неиерархичность сетевых отношений. Даже технологические устройства связываются между собой в отношениях иерархии, которые могут динамично меняться, но отношения подчинения при этом сохраняются. При сетевом подключении к компьютеру внешних устройств компьютер является координирующим центром, иерархически подчиняющим себе всю цифровую периферию. Компьютерная сеть зависит от серверов разного ранга, сайты в Интернете не связаны «горизонтально» - их иерархия зависит от их положения в «домене»: близости адреса к упрощенному виду, например: `www.***.(...).ru`, где (...) – может быть заполнено значительным количеством промежуточных **подчиненных** адресов. А. Турен признает чрезмерную ориентацию сторонников «сетевого» общества на горизонтальность и равноправность отношений: «всякое социальное отношение включает властное измерение. Не существует чисто горизонтального социального отношения...» [179, с. 65], однако при этом сохраняет общий посыл. Вслед за Кастельсом и некоторые иные исследователи заявляют о неиерархичности сетевого общества: «каким бы ни было занимаемое человеком положение в обществе, оно накладывает на его действия всякие формальные ограничения, не имеющие отношения к сути дела. В Сети же [имеется в виду Интернет-сеть как частный и наиболее яркий случай сетевой организации общества] социальный статус можно не принимать во внимание и действовать, учитывая только дееспособность и честность вовлекаемых лиц...» [132]. Можно указать на явную ошибку – сетевые сообщества очень быстро породили свои методы определения социального статуса, той функциональности, которую предполагает статус, наказания за

нарушения статусных форм обращений, привилегий и пр. Наблюдения, проводимые извне Интернет-сообществ, без знания довольно закрытых, «клановых» правил, не могут дать корректного результата.

Описанные изменения определяются и определяют своеобразную характеристику торжествующей установки на постиндустриальное развитие. Конечной целью постиндустриального развития становится не социальная стабильность или даже всеобщее благосостояние, а максимизация жизненных удовольствий. Постиндустриальная экономика рассматривается лишь как основание для претензий на гедонистический образ жизни.

2.3.7. Гедонизм и «сверхвыбор». «Новые гедонистские ценности, утверждающие законность удовольствий, беспорное право индивида наслаждаться всеми прелестями бытия, пришли на смену авторитарной муштре, дисциплинарной социализации, принуждению, администрированию, единообразию правил, запретам <...> [современным обществом – И.Т.] предлагается жизнь без “категоричеких императивов”» – так, вслед за Л. Февром Т.Ф. Гусакова отмечает, что современное общество – мы сами, «цивилизованные и изнеженные, поработаны ненасытными потребностями, которые сами себе создали» [104, с. 60-62].

На деле, такая ориентация западного общества имеет долгую историю и, вероятно, именно с ней связана «идея построения идеального общества, общества всеобщего экономического благоденствия и всеобщей справедливости» [112, с.204]. В этом плане концепция постиндустриализма, предлагающая жизненно-воплощенный гедонизм [55, с. 134], является утопическим проектом. И «вечное наступление» информационной эры в ее законченных формах становится сродни столь же долгому ожиданию коммунизма советским обществом. Однако если мы принимаем тезис об идеологически-утопической природе постиндустриализма, то генетическое родство футурологии

(утопического постиндустриализма) и антиутопий становится очевидным. Однако специфика гедонистического постиндустриального проекта деактуализирует негативные предсказания будущего в качестве социально-одобряемого феномена [61, с. 3], что не отменяет актуальности таких предсказаний как необходимой компоненты системы управления.

Идея гедонистической ориентации на получение все большего выбора между «удовольствиями» жизни и все больших их объемов подводит нас к пониманию природы «сверхвыбора» - того момента, когда сложность выбора между мало различающимися объектами потребления уничтожает саму возможность рационального и «потребительски-правильного» выбора [176, с. 294]. «Сверхвыбор» отчасти – только отчасти! – определяет и качественную культурную деградацию, хотя количественно развитие культуры идет столь же быстрыми темпами, как и технологическое развитие. Э. Тоффлер для измерения «уровня культуры» общества предлагает использовать показатель числа выпускаемых наименований книг на миллион человек [176, с. 295]. Вместе с тем, не учитывается, что при обилии наименований содержательно, с точки зрения неких культурных критериев заложенных в книгу смыслов, уровня художественного изложения (стиля и т.д.), миллионы выпущенных наименований могут представлять собой «качественный ноль». Сверхвыбор становится отсутствием выбора в условиях стандартизации содержания при изменении упаковок товаров.

Но перечисленные выше сдвиги не могли не оказать своего влияния и на систему управления будущим обществом, прежде всего, проблемным представляется вопрос о соотношении технологического скачка и дальнейшим развитием западной либерально-демократической традиции.

2.3.8. Отношение цифровых технологий и институтов демократии. В перспективах развития властных и политических отношений представлены две взаимоисключающие альтернативы –

«ожидалось, что Интернет станет идеальным инструментом будущей демократии...ранее только государство следило за своими подданными, а теперь и народ может контролировать государственную власть...» [124, с. 183]. Вторая альтернатива основана на том, что Интернет и иные цифровые технологии не только предоставляют невиданные возможности свободной коммуникации, но и столь же широкие возможности государственного контроля за гражданами: «государственные власти во всем мире поддерживают такие технологии наблюдения и надзора и активно внедряют их... Интернет больше уже не является свободным пространством, но он также не стал и воплощением оруэлловских пророчеств» [124, с. 201]. Следуя принципу «дельфийского оракула» следовало бы добавить – «возможно, только пока...»

Пока что основные претензии к цифровым технологиям сводились к дискуссии о приватности Интернет-коммуникации. Это право на приватную коммуникацию, анонимность переписки для «внешнего читателя» декларируется большинством конституций. Однако тут государства столкнулись с проблемой возможности координации действий в сетевой террористической организации, пропаганды неонацистской идеологии, сексуальным совращением малолетних и пр. В свою очередь сфера бизнеса осознала глобальные выгоды, которые предоставляет доскональное знание информационных и потребительских предпочтений миллионов потенциальных клиентов по всему миру [124, с. 205-206]. Как определить, где ответственность государства по обеспечению безопасности граждан может «отменить» право приватности? Если же предоставить государству такие возможности наблюдения и контроля, то возникает сформулированная еще римлянами

проблема: quis custodiet ipsos custodes? – кто будет сторожить сторожей⁴⁴.

Причем надо отметить, что сам факт постоянного наблюдения и контроля не вызывает, например, у такого исследователя как Кастельс негативного отклика. По крайней мере, гораздо меньший, чем потенциальное ограничение свободы слова. А вот возможных следствий из постоянного наблюдения Мануэль Кастельс опасается весьма серьезно: он формулирует это как проблему лишения свободы в «прозрачном обществе» или «стеклянном доме» [124, с. 213].

Следует отметить и еще один концептуальный момент: это сочетание теоретической идеологии и практики. Интернет стал трибуной либертарианской идеологии «в сочетании с все более расширяющейся практикой контроля... глобальные сети нельзя контролировать, но людей, которые их используют, – можно, что и происходит и будет происходить дальше...» [124, с. 214-215]

Перспективу демократического развития общества и государства в условиях глобальных массовых коммуникаций Кастельс видит единственным образом – это государственная власть должна оказаться в «стеклянном доме» [124, с. 217].

Как и во всех иных областях в области «чистой политики» достаточно много неопределенных пророчеств: «Прогресс в информационных технологиях создает новые способы взаимодействия на основе интернет-технологий - между гражданами и их избранными представителями, между кандидатами и избирателями и среди самих граждан при обсуждении политических проблем...» [98]

---

⁴⁴ Справедливости ради стоит отметить, что проблема на самом деле никуда не исчезала всю историю человечества. Ее ставил, например, Скиннер и давал замечательный ответ: контроллеров должны контролировать контр-контроллеры. Очевидные негативные следствия выстраивания бесконечной иерархии надсмотрщиков над надсмотрщиками приводить даже не имеет смысла: коррупция, должностные преступления и злоупотребления своим положением, парализация работы властных структур и т.д.

«В результате демократическое информационное общество по сути взаимодействия со своими гражданами все в большей степени начинает напоминать худшие тоталитарные образцы: в обоих случаях речь идет о навязывании гражданам единой для всех модели восприятия мира, созданной без учета индивидуальных и для реализации лишь общественных интересов.

Разница лишь в деталях: тоталитарное общество делает это на доинформационном, индустриальном этапе развития технологий и потому вынуждено прибегать к грубому административному насилию над свободной волей граждан, а в целом ряде случаев - и к террору.

Информационное же общество располагает для решения этой задачи соответствующими ей информационными технологиями, что позволяет насаждать господствующую модель сознания и поведения несравненно более мягкими методами. Более того: такое насаждение по сути своей является уже не насильем, но скорее формой социально-психологической помощи массам людей, заблудившихся и потерявших себя в информационных потоках» [108]

Это рождает формулы «контроль вместо заключения» [104, с. 64], «безальтернативная мотивация в условиях сверхвыбора» и пр. Максимально-полную картину гибкого контроля, перспектив его развития дал Ж. Делез в статье «Общества контроля: Postscriptum» [107]. В сочетании же с посылкой У. Эко о делении социума на информационно-критичных и информационно-всеядных потребителей [198], картина представляется отнюдь не столь оптимистичной: некритично мыслящее большинство, потребляющее продукты «информационной свалки», не может поместить власть в «стеклянный дом» М. Кастельса, оно само оказывается в ситуации «за стеклом» - под прямым и опосредованным наблюдением органов государственной власти и социальных служб.

Ориентация на потребительский гедонизм при изменении характера власти, смещения ее в область информации, определяют новых субъектов мировой политики. Их власть пока что мало институционализована, однако теоретики постиндустриализма отмечают высокий потенциал ТНК на этом пути.

2.3.9. Экономическое господство ТрансНациональных Корпораций. «Глобализация, в которой действуют и которую создают (если не контролируют) транснациональные корпорации, имеет несколько особо важных характерных черт» [180, с. 94] - действительно, глобализация вряд ли является процессом стихийным и уж тем более вряд ли она конструируется национальными государствами, которые отчаянно цепляются за остатки своей идентичности, пытаются сохранить (переопределить, адаптировать ее) к новым условиям. Современный глобальный рынок уверенно разделился на три «сферы» - американо-европейскую, азиатскую и южноамериканскую (Ф. Уэбстер называет Америку, Европу и Юго-Восточную Азию; вполне можно было бы определить такое деление по трансокеаническим связям – Атлантическая сфера, Тихоокеанская и Индийская). Истоком этого деления, стали инвестиционные потоки и, в первую очередь, «возвратность» инвестиций, то есть возможность извлечения прибылей [180, с. 95]. Однако растущие объемы экономических связей (тем более отнюдь не исчерпывающихся в современном мире одной лишь торговлей) выдвигают новые требования к информационному обмену. Ф. Уэбстер называет экономическую глобализацию причиной развивающейся информатизации [180, с. 96], однако такая односторонняя детерминация не вполне корректна. Техническая возможность информационной глобализации оказалась востребована спросом экономических отношений – и мировая «интернетизация» (до этого – «телефонизация», еще раньше – «телеграфизация» и т.д.) оказалась в экономико-технологическом «мейнстриме».

И тут возникает весьма интересный вопрос: «а перед кем ответственны ТНК? Если существенная часть их инвестиций размещена вне пределов юрисдикции той страны, которую можно было бы назвать страной происхождения, то перед кем они ответственны? <...> Утверждение, что частные корпорации несут ответственность перед своими акционерами, означает, что эта международная собственность подрывает концепцию национальных интересов и стратегий, вырабатываемых отдельными государствами» [180, с. 101]. Такие вопросы имеют вполне резонный характер – как раз тот пример, когда проблема вытекает не из географической «дисперсии» принадлежности, а из существования форм социальности в агеографическом пространстве виртуального фронта⁴⁵. ТНК не несут ответственности перед национальными государствами, поскольку деятельность их протекает в значительной степени в виртуальном пространстве коммуникаций и не может репрессивно регулироваться из актуальной социальности напрямую.

2.3.10. Ограниченность ресурсов и их нехватка. «Ресурсоемкость основанного на научной технологии стиля жизни превышает естественные ограничения нашей среды обитания. Практиковать этот стиль жизни можно лишь за счет других живущих на Земле людей и за счет потомков» [71, с.9]. Эта мысль проводилась неоднократно [153, 161], однако не является в современной футурологии (за исключением идей Римского клуба [161]) явно принятой и социально-востребованной в качестве руководства к действию. Вместе с тем именно она является главной уязвимостью «бодрых раппортов» футурологов, а даже не ожидаемые социальные сдвиги – последних мы можем и не

---

⁴⁵ Мы подразумеваем, что «информационный» (кибер-, виртуальный, электронный и т.д.) фронт отнюдь не исчерпывается одним Интернетом, он протяжен через всю «удаленную» коммуникационную социальность. В создании единого агеографического пространства участвуют все средства мгновенной коммуникации, Интернет является лишь наиболее четко дефиницированным виртуальным фронтиром, это «зримый» феномен виртуальной социальности, в отличие от, например, телефонных переговоров. Кроме того, его пространство в большей степени стабилизировано.

дождаться в случае исполнения мрачных пророчеств Э. Пестеля, А. Печчеи и пр.

В той или иной степени мы можем отметить также такие черты грядущей социальности, как деформацию семьи и половозрастных отношений, девальвацию культуры, ее «усреднение», углубляющийся социальный раскол, проходящий как по цивилизационным линиям, так и внутри самих постиндустриальных стран.

2.3.11. «Новое средневековье» или рискованные исторические аналогии. Попытка удержать стабильное настоящее приводит к классической ситуации – поиску ретроспективных аналогий. Это создает рекурсивно-циклические модели истории: возвращающие в актуальное настоящее символическое осмысление предшествовавших эпох как родственных (даже скорее, «клонированных»). Классический пример такой модели – теории «мировой деревни», возникающей как следствие глобализации экономики и появления новых феодалов – ТНК; или теория «нового средневековья» У. Эко [199]. Отметим, что и в той и другой модели на лицо апелляция к феодальным вассально-ленным отношениям. В принципе, это не удивительно, Эко – медиевист и видит в настоящем и будущей перспективе образ знакомого средневековья. Несколько выходя за рамки перечисления основных концептов в описании будущего, отметим личное наблюдение. Современная социальная структура столь многомерна и неявна в своей иерархии, что ее трактовка как «нового старого» принципиально зависит только от исторических симпатий исследователя. Нарисуем простую сюрреалистическую картину – вместо средневековья построим картину афинского рабовладельческого полиса период классики.

Гражданами Российского полиса являются лица, официально обладающие гражданством, желательно – с внешностью либо русской, либо соответствующей региону проживания. Легальные

иммигранты – метеки, гражданских прав не имеют, однако же экономическую деятельность осуществляют. Нелегальные иммигранты – де-факто, рабы, роль кандалов здесь исполняет угроза высылки из страны, тюремного заключения и пр. Граждане действительно делятся на демы по доходам и суды, и ареопаг будут играть на руку аристократам (в данном случае – финансово-бюрократической природы). Роль агоры исполняет одновременно и любая площадь и интернет. Последние «цветные» события в Молдавии показали, что Интернет и сотовая связь обладают социально-детонирующим эффектом сродни восточному базару. Как выразилась журналистка Наталья Морарь, которую обвиняют в организации беспорядков в Молдавии «Шесть человек. 10 минут на креатив и принятие решения. Несколько часов распространения информации по сетям, facebook, блогам, смс друзьям и e-mail рассылкам. Вся организация - через интернет. На улицу вышло 15 тысяч молодежи!!!»⁴⁶. То есть и «революцию роз» в Грузии и «оранжевую революцию» в Украине вполне можно трактовать как проявления «прямой демократии» по-афински. «Киберпространство превратилось в глобальную электронную агору, где широчайший спектр общественного недовольства разражается какофонией всевозможных оттенков...» [124, с. 165]

Мы могли бы построить аналогичные картины для, по сути, любого этапа европейского развития, кроме разве что первобытности – и век Просвещения и век Возрождения, «новый» Индустринализм – все это легко вписывается в окружающую нас реальность. Предложенная ранее концепция киберфронтиса не вполне является исторической аналогией – поскольку социокультурная ситуация фронтиса оказалась универсально-повторяемой для определенного типа объективно существующего пространства, а не вызвана к жизни технологическим развитием, которое, в большинстве случаев, прогрессивно и неповторимо.

---

⁴⁶ Молдова: вся кровь на совести Морарь // URL : <http://www.politonline.ru/ventilyator/924.html>

Вместе с тем, у рекурсивно-циклической модели исторического «аналогизирования» как метода осмысления современности есть значительный иллюстративный плюс – она показывает, что осмыслить нынешнее социальное состояние одной генерализацией отношений невозможно – наше общество «мультиплицировано», разложено в пространстве различных эпох и традиций.

2.3.12. Промежуточный итог: Мульти-Эра информационно-постиндустриального мира. Подводя итог анализу футурологических концепций, мы считаем необходимым предложить новый вариант решения проблемы терминологической характеристики современности. Он исходит из того, что современный мир представляет собой сложный комплекс разнородных стадий развития общества, воплощенных в столь же разных организационных структурах. Значительный объем сервисного сектора в экономике Таиланда не делает Таиланд постиндустриальным обществом – это неиндустриальное общество услуг. Но и доминирование сферы информационных и управленческих услуг в общей структуре экономики не делает экономику постиндустриальной – эти услуги обслуживают индустриальные производственные процессы, индустриальное управление и становятся возможными лишь в условиях «неделимой глобальной экономики», которая по-прежнему разбалансирована в пользу аграрного и индустриального сектора.

Наличие тысячи компьютеров на тысячу человек не превращает общество в информационное – оно лишь открывает возможности информационно-развлекательного потребления, а общество знания появится лишь как результат становления культуры критичного к содержанию информационного потребления в условиях высокой скорости коммуникаций и социальных связей. Производится и тиражируется не знание, которое представляет собой коммерческую, промышленную, государственную, профессиональную и пр. тайну – а

информационный «трэш», чьи сравнительные объемы все более возрастают по мере освоения «киберфронта» государствами, бизнесом и потребителями актуальной социальности.

Наш мир оказался в ситуации одновременного сосуществования сразу нескольких эр, внешние социально-экономические и политические характеристики которых формально могут совпадать, принципиально разнясь по социокультурным критериям. Поэтому резонным выглядит предложение термина «мульти-эра», который указывает на уникальную и все более углубляющуюся разнородность современной цивилизации, множественность вариантов ее осмысления даже на основании идентичных критериев социального, экономического, политического, технологического и культурного развития.

Мульти-эра – это эпоха синкретичного соединения отдельных черт социальности из разных традиций и временных эпох даже в рамках одного социума. Такая характеристика объясняет, почему за более чем сорок лет развития, нацеленного на постиндустриализацию, социокультурной унификации на основе процессов глобализации не произошло, почему столь велика роль идеологических, религиозных, этнических и цивилизационных конфликтов в современном мульти-мире. Она позволяет отойти от бесперспективных попыток определить доминирующий фактор развития или сферу социальных отношений, исключить префиксный «пост»-подход к терминологическому определению.

Мы понимаем, что любой период развития человеческой цивилизации также является мульти-эрой, однако в современных условиях превращения Земли в замкнутую в силу процессов глобализации систему, разные «эры» контактируют и сталкиваются напрямую и с гораздо большей интенсивностью, нежели ранее. Тем более принципиально это различие в силу одновременного существования современного человека в виртуальной и актуальной социальности, где он также транслирует традицию своей «эры».

Сверхпередовой информационный «фронтир», постиндустриальный «средний запад», индустриальный центр, аграрная религиозно-традиционная окраина и каменный век, который лежит фактически за пределами «ойкумены» - таково схематичное, предельно-упрощенное отражение обществ мульти-эры. С появлением каждой новой «эры» в общечеловеческом социуме и сохранением предыдущих традиций эффект «мультипликации» традиций социальности возрастает. Сама же человеческая история непрерывно длится, ни мало не заботясь о периодическом дроблении, стадиях, переходных (транзитных) периодах и т.д. Вся наша история – это история транзита от животного состояния ко все более человеческому, поскольку только мы, вынужденно пребывая в собственной системе координат, можем определить понимание человеческого. И «нашего постчеловеческого будущего», пользуясь оборотом Ф. Фукуямы, быть не может – возможно лишь «ваше постчеловеческое будущее», будущее следующего поколения мульти-Эры, история которого отличается от нынешней как жизнь автора от жизненного пути Ф. Фукуямы.

Автор специально не пытается определить в этом разделе какие-либо инновационные черты предложенного понимания мульти-Эры: ведь и цель наша – не создать новое нерелевантное предсказание на базе очередной концепции, а установить, какой образ будущего существует в социокультурном пространстве, чем формируется (в рациональной своей компоненте), как состыкуется научное и творческое осмысление будущего.

Глава 3. Антиутопия как форма творческого осмысления вероятностной истории будущего

3.1. Утопия и антиутопия – в поисках жанрового терминатора⁴⁷

На протяжении большей части XX века роль «оракула», скорее, исполняла область художественного творчества⁴⁸; а в частном случае проектно-прогностические функции получил феномен утопизма. Собственно, сам термин утопия появляется в связи с произведением Томаса Мора «Утопия», вышедшим в 1516 г. [155]. И до романа Т. Мора и после него произведения – философские, научные или художественные, изображающие «счастливое» общество появлялись достаточно массово. Вообще, проследить феномен утопизма как специфической формы социально- и политико-философского мышления в ретроспективе достаточно сложно. Так, очевидное сходство с утопией прослеживается, например, в мифах о «Золотом веке» у Гесиода [3], легендах о «далеких землях» и легендах о герое-избавителе, что совершенно верно отмечает С.С. Романов [62, с. 8]. Утопические мотивы избавления очевидным образом можно проследить в буддийской философии, отнесенной в будущее религиозной утопией является понимание царства Божия в христианстве. Наоборот, отнесенная в прошлое утопия в христианстве – пребывание Адама и Евы в эдемских садах.

Аналогично, не только хронологически, но и «пространственно»⁴⁹ проследить проникновение утопизма и

---

⁴⁷ В астрономии «терминатор» - линия деления освещенной и темной сторон планеты, граница дня и ночи.

⁴⁸ Этот факт отмечает, например, и И.В. Бестужев-Лада в цикле лекций «Социальное прогнозирование» [81]

⁴⁹ Здесь под пространством мы будем понимать пространство культуры, весь континуум культурных феноменов и отношений

утопического мышления в область социальной реальности достаточно сложно. Так, Т.С. Стяжкина в диссертационном исследовании «Динамика утопического сознания...» отмечает, что утопические образы и идеи находятся и в «Робинзоне Крузо» Д. Дефо, и в рекламных роликах и даже глянцевого журналах развлекательного характера [65, с. 10-11]. Это явление, смысл которого, как кажется, заключается в поиске социального идеала, настолько рассредоточено во всем пространстве и истории человеческой культуре, что попытки найти точку зарождения, обречены на провал.

3.1.1. К критике некоторых определений жанра утопии. И все же дать удовлетворительное определение жанра утопии необходимо для нашего исследования. Мы не сможем оперировать понятием **антиутопия**, не зная четко, что же такое утопия. Проблема тем более сложна, что мы имеем дело с той областью реальности, которая является объектом действия и исследования обыденного сознания, художественного поиска, научных исследований – от философии до социогуманитарных дисциплин, филологии и искусствоведения. Эту сложность, отмечает, например, Л.А. Морщихина: «некоторые авторы вообще отказываются от определений понятия, так как считают невозможным свести все творческое многообразие утопических сюжетов и проектов к однозначной формуле» [56, с. 13].

Попробуем проследить основные подходы к определению «утопии» в научных исследованиях и определить достоинства и уязвимые места разных определений. Представим несколько основных позиций, которые мы вывели на основании анализа различных научных исследований феномена утопии:

1. «Утопия как литературный жанр предполагает описание общественной, государственной и частной жизни воображаемой страны, которая отличается идеальным политическим укладом и всеобщей социальной справедливостью» [164, с. 9]. Это

определение достаточно уязвимо для критики: во-первых, оно постулирует примат политического устройства, из которого уже вытекает всеобщая социальная справедливость. Во-вторых, оно сводит социальное конструирование утопии лишь к области воображаемого. Это является безусловно верным для автора... но не для читателя. Целый ряд художественных средств и приемов в утопии как художественном произведении нацелен на реалистичность повествования. Таков, например, мотив путешествия и использование повествования от лица путешественника, что отмечает и сама З.И. Плех [164, с. 9], дающая критикуемое нами определение. Утопия – скорее не просто воображаемая, но виртуальная модель общества, которая при этом претендует в целом ряде случаев на свою актуализацию в социальной действительности. Однако данное определение выводит нас на очень важный вопрос: что обладает приматом – социальное или политическое устройство? Означает ли идеальное политическое устройство всеобщую социальную справедливость? И наоборот, реализованный социум всеобщей справедливости означает ли идеальное устройство сферы политических отношений? Однако отметим, что социальная **справедливость** и политически-совершенное **управление** являются ключевыми понятиями такого понимания утопии.

2. «Утопия – это непреодолимая потребность людей создавать образ идеального общества, которое всем бы без исключения гарантировало бы счастливое существование» [56, с. 11]. Это определение находится в неявном противоречии с предыдущим. Здесь не справедливость и идеальное политическое устройство становятся ключевыми критериями утопичности, а счастье «всем без исключения». Мы подошли к первой дилемме, которую жанр утопии оказался не в состоянии разрешить, и эта дилемма стала одним из оснований появления жанра антиутопии. Гарантирует ли всеобщая справедливость всеобщее счастье? Вполне очевидным

представляется, что вовсе нет. И справедливость, и счастье, будучи **всеобщими**, оказываются как бы выведенными за скобки социального уравнения. Легко представить себе общество, в котором надчеловеческий фактор обеспечивает действие идеально-справедливого воздаяния членам этого социума, которые лично аморальны и безнравственны, нарушают строгие и **справедливые** законы. Общество преступников в ситуации идеальной справедливости не будет счастливым. Аналогично, легко представить общество, в котором все счастливы, однако о социальной, тем более всеобщей справедливости речи даже не идет [См., напр., 39].

Если исключить понятия социальной справедливости и всеобщего счастья, которые вступают в противоречие друг с другом без одного важного допущения, которого нет в первых определениях, то мы обнаруживаем аморфное ядро большинства подобных определений: утопия – это образ (как варианты – модель, проект, видение, «мечта о» и т.д.) идеального общества. На это аморфное, предельно лишенное конкретики ядро исследователи утопий надстраивают свои дефиниции. Классический пример полностью аморфного определения будет представлять собой попытка С.А. Шишулькина: «Все сочинения подобного рода [*утопии – примечание мое, И.Т.*] объединены стремлением порвать с противоречивой реальностью и перенестись в иной, совершенный мир, построенный на идеальных началах» [70, с. 3]. И хотя исследователь в дальнейшем указывает на целый ряд важных черт и критериев феномена антиутопии, однако в определение они не включены.

3. «Утопия всегда была не только средством критической оценки реальности, но и способом моделирования дополнительной позиции или точки зрения, с помощью которой можно было бы сконструировать образ лучшего общества» [69, с. 5]. Данное определение апеллирует к функциональной нагрузке утопии.

Подразумевается, что функции утопии – критическая оценка реальности и конструирование **лучшего** общества. Мы выделили слово **лучшее** не случайно. В такой конструкции оно означает не **наилучшее**, а лишь **сравнительно** лучшее общество. То есть спектр утопий, претендующих на моделирование социального **идеала** вообще отмечается автором. Сходное определение дает и Л. Сарджент: «Утопия – это подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного – как на уровне институтов, так и человеческих отношений – **совершеннее, чем то общество**, в котором живет автор» [цит. по 62, с. 11-12].

Кроме того, попытка функционального определения обречена на провал еще и потому, что функций утопии гораздо больше, чем две и спорить о «наиглавнейшей» функции – означает обречь себя на повторение спора о ключевом критерии утопического, только теперь с иной позиции. Однако у данного определения есть безусловное достоинство – оно указывает на социально-альтернативный смысл утопии. И этот критерий достаточно универсален – будь то утопия прошедшего «золотого века» или грядущего «светлого завтра», будь то «несуществующее место» или действительный социальный проект, однако любая утопия является альтернативой «здесь и сейчас». Исходя из этого важного положения, мы можем дать критику следующего определения:

4. «Утопия выступает явлением, задающим интеллектуально-духовную перспективу обществу, конструирует некий гармоничный и совершенный мир, который может быть воспринят как возможное будущее состояние общности» [49, с. 9]. После исключения не конкретизированного и аморфного ядра – «гармоничного и совершенного мира» – у нас остается довольно интересная конструкция. Утопия – это «явление, задающее интеллектуально-духовную перспективу обществу, <...> которая

может быть воспринята как возможное будущее состояние общности». М.А. Кярова страхует свое определение от обвинения в чистой футуристичности утопии, что как мы знаем, не соответствует действительности – утопия в ее понимании выступает лишь «**как возможное** будущее состояние общности». При этом исследователь допускает иную ошибку: М.А. Кярова приписывает утопии обязательную функцию социального смыслообразования и исторического целеполагания. Конечно, утопия **может** исполнять эту функцию, однако она отнюдь не обязательна. К тому же неявным образом функция поиска социальной альтернативы включает в себя и функцию возможного социально-исторического целеполагания («задавание интеллектуально-духовной перспективы»).

3.1.2. Конкретизация «аморфного ядра» - релятивизм феномена утопии. Приведенные нами определения, таким образом, включают в себя «аморфное ядро», которое не позволяет провести различие с мифами о «золотом веке», «далеких землях» и пр.; и дополнительные дефиниции ни одна из которых не является строго обязательной или универсально необходимой. К тому же некоторые дефиниции – например, справедливость и счастье – вступают между собой в противоречие. Так, трактат «Книга правителя области Шан» в китайской политической традиции решает проблему построения общества справедливости, он лег в традиции школы «законников» – «легистов» [7]. Однако человеку XX столетия трудно представить такое «счастливое» общество. Шан Ян в этом трактате подчеркивает, что один из критериев счастья и благополучия общества – невежество людей, его составляющих за исключением группы управляющих [7, с. 142].

Не претендуя на окончательность и строгую непротиворечивость, автор хотел бы попробовать дать столь необходимое для нашего исследования определение понятию утопия. *Утопия – это виртуальная модель (образ) общества,*

отвечающего критериям максимально представимой автору социальной справедливости и всеобщего счастья в условиях стремящейся к идеалу человеческой природы, которая альтернативна социальному настоящему и по замыслу автора должна выступать ориентиром будущего развития. Автор может предполагать реализуемость утопии и в таком случае утопия приобретает проектный характер; автор может создавать утопию как недостижимый идеальный образ и в таком случае утопия сохраняет свою чисто модельную природу. Утопия субъективно – для автора! – идеальное и совершенное общество – мы не можем, да и не стремимся исключить «аморфное ядро» из нашего определения, однако конкретизируем его, определяя идеальность общества лишь в видении автора. Сам же автор утопии стремится как при помощи непосредственно самой сути проекта, так и при помощи художественных средств и приемов сформировать представление об утопии как об универсальном идеале – не только для себя, но и для читателя.

Утопия подразумевает отрицание или неприятие существующей реальности. Только в том случае, если окружающая действительность объективно не устраивает индивида, требуется конструировать новую действительность.

Примечательно, что И.В. Фролова, не давая удовлетворительного определения утопии, тем не менее, выводит атрибутивные качества утопии, которые вполне отвечают введенному нами определению:

- критический анализ существующего порядка;
- создание альтернативной версии социального универсума
- ориентация на поиск/конструирование социального идеала
- принципиальная множественность социальных идеалов и «полисубъектность» утопии;
- формулировка субъектами утопии собственной концептуальной модели совершенного общества;

- регламентация жизни в целях разумного использования человеческой свободы;
- стремление воспитать нового человека
- обоснование системы истинных ценностей
- возможность оказывать преобразующее воздействие на социально-историческое бытие и сознание [69, с. 17].

Эти атрибутивные качества определяются функциями утопии, которые в целом верно отмечают многие авторы. Так, О. Ю. Максименко отмечает следующие функции утопии: нормативная, компенсаторная, прогностическая, критическая во взаимодействии соответствующими формами культуры: идеологией, социальным мифом, социальным сценарием, антиутопией; вербальная и адаптивная [53, с. 11-12]. Т. С. Стяжкина выделяет следующие функции утопического сознания (что для нас приемлемо сочетается): прогностическая, мировоззренческая, аксиологическая, нормативная, моделирующая, адаптивная, экспериментальная, гедонистическая, поисковая, эскапистская, компенсаторная и идеологическая [65, с. 14].

3.1.3. Утопия и будущее: проект, мечта или чистый вымысел? Здесь нам стоит отметить в перспективе очень важный момент, который объединяет утопии и антиутопии: оба этих жанра связаны с ориентацией на будущее. Так, уже цитировавшаяся нами Т.С. Стяжкина отмечает большое значение утопии для обыденного прогнозирования будущего на протяжении человеческой истории, более того утопия, с точки зрения российской исследовательницы является «одним из основных способов **моделирования** [*выделение мое – И.Т.*] будущего» [65, с.3]. А.В. Тимофеева отмечает генетическую связь утопии и **настоящего**, однако устремленность утопии при этом сориентирована на будущее [66, с. 7]. При этом автор отмечает, что утопия (!) исполняет роль предостережения. К этому вопросу нам придется вернуться еще не раз. Л.А. Морщихина отмечает, о чем уже говорилось выше, весьма важную особенность

– не просто соориентированность утопии в будущее, но и при этом многовариантную альтернативность этого будущего. Мы со своей стороны внесем небольшой комментарий – эта многовариантность мыслится лишь суммированием всех утопий; сама утопия будущего не предоставляет, как правило, альтернатив: она описывается как единственно возможный и правильный вариант будущего развития. Таковы, например, рассуждения о коммунистической утопии в «Часе быка» Ивана Ефремова [22]. М.А. Кярова подчеркивает проективный характер утопии [49, с. 9] (что является, как мы уже говорили, отнюдь не универсальным признаком). И.В. Фролова также отмечает, что утопия исполняет исторически не только задачу прогнозирования, но и проектирования будущего [69, с. 4].

Таким образом, мы отметим, что прогноз и проект становятся в отношении утопии практически неразделимыми понятиями. Причем – и это важное уточнение! – проектный характер утопия принимает по сознательной воле автора. В этом плане становится весьма целесообразным обратить внимание на замечание О.Ю. Максименко: «Утопическая идея в процессе рецепции социокультурной средой проходит следующие этапы: утопия-мечта (образ желаемого, но принципиально не реализуемого), утопия-видение (отчетливый образ лучшего будущего), утопия-проект (образ, выступающий, как достижимая и реализуемая цель)» [53, с. 11]. Причем, это три разных **функциональных** формы утопии – мечта, видение и проект. Будет ли это соответствовать формам антиутопии, которая, как и утопия в большинстве случаев сориентирована на будущее? Для этого нам необходимо разобраться с понятием антиутопии.

3.1.4. Попытки определения жанра антиутопии: замечания к литературоведческому прочтению термина. Как мы уже поняли, попытка дать четкое и непротиворечивое определение утопии вызывает достаточно большие сложности. Еще большую проблему представляет собой попытка определения произведения,

как антиутопического или дистопического. В научной и научно-публицистической литературе существует большое число минимально отличающихся друг от друга определений. Абсолютное большинство из них апеллирует к буквальному прочтению термина. Если «утопия» как жанр предполагает справедливое, совершенное и «счастливое» устройство человеческого общества, то антиутопия – не справедливое и «антисовершенное». Данный критерий оставляет вопросов больше, чем сам отвечает. Такая идея не выдерживает критики, хотя бы потому, что «утопия», основанная на рабстве, а такие примеры есть (например, фактически рабское положение военнопленных в «Городе Солнца» Томазо Кампанеллы), не выглядит **справедливым** устройством человеческого общества.

Как и утопия, антиутопия представляет собой *модель* общества. Это отмечает, например, Ли Сын Ок, исследуя антиутопию даже не в жанре романа или повести, а в драматургии [142, с. 211]. Однако есть несколько критериев, которые успешно отличают утопию от антиутопии. Эти критерии апеллируют к восприятию семантики литературного текста читателем.

Для начала мы дадим те критерии антиутопического, которые ввел в научный дискурс российский исследователь, один из немногих, специализирующихся на утопической и антиутопической литературе – Б. Ланин. Итак, антиутопия по Ланину строится вокруг (не «по», а именно «вокруг») следующих критериев:

- Спор или сатира на утопических проект
- Псевдокарнавальность реальности. В центр антиутопического произведения ставится не абсолютный смех, а абсолютный страх. Страх имеет «пульсирующую» природу – периодически он заменяется благоговением перед властью
- Карнавальные ритуалы, в первую очередь, шутовское «венчание короля» - главного героя.
- Эксцентричность героя, живущего по законам аттракциона

- Ритуализация жизни
- Регламентация жизни в моделируемом социуме
- Основная ось конфликта – это конфликт между социальной средой и личностью
- Аллегоричность
- Смесь действия и описания реальности. Действие-фабулла прерывается объяснительным или констатирующим описанием социума и обстоятельств, в которых пребывает главный герой [51].

Кроме вышеперечисленных автор называет и ряд второстепенных черт антиутопии: агиографию утопических «святых», интеграция в антиутопию иных жанров, большая близость антиутопии к реальному миру, чем к «мирам» научной фантастики, «ощущение застывшего времени», ограниченность пространства, внутренняя атмосфера страха⁵⁰, садомазохистская тема смерти, вытекающая из атмосферы страха.

В первую очередь, необходимо провести различие предмета понимания антиутопии как феномена. Б. Ланина в первую очередь интересуется определением антиутопии как литературного жанра. Нас же интересуется определение антиутопии как социокультурного феномена формирования и восприятия человеком образа будущего. Нас интересует не литературная механика создания антиутопического текста, как исследователя-филолога, а социокультурные и социально-философские критерии определения текста как социальной *антиутопической* модели. Оговорим сразу, что ниже под фразами «общество антиутопии», «антиутопический социум», «государство антиутопии» мы имеем в виду лишь модели, созданные авторами художественного произведения – романа, фильма, интерактивной компьютерной развлекательной программы

---

⁵⁰ Здесь не вполне понятно несоотнесение автором таких признаков как псевдокарнавальность страха, а не смеха и внутренней атмосферы страха

(игры). Попробуем определить основные критерии антиутопии как социокультурного феномена⁵¹.

3.1.5. Базовые критерии «антиутопизма»: и вновь субъективный релятивизм восприятия текста. Во-первых, это эмоциональная доминанта произведения – оно должно быть эмоционально-негативно, повествование должно иметь мрачный оттенок (этот критерий соотносится с карнавалом страха однако отнюдь им не исчерпывается).

Во-вторых, система ценностей конструируемого общества должна кардинально отличаться от привычной для нас зримой социальной картины. Подчеркнем еще раз – **видимой** и **привычной** социальной картины. Позднее мы столкнемся с феноменом того, что **де-факто**, некоторые черты антиутопических обществ существуют и в современном нам социуме, однако отторжения не вызывают. И это происходит в силу того, что наше мировоззрение базируется не только на реальном жизненном опыте, но и на теоретическом знании о том, как **должно быть**. Институты демократии, например, во многом скомпрометировали себя даже в США, однако такой общественный порядок – во многом, формальной выборности – не вызывает активного протеста, поскольку в процессе социализации мы получили знания о том, что так быть **должно**.

Иными словами – мы знаем о равноправии мужчин и женщин и картина этого неравноправия в «Утопии-14» К. Воннегута [17] или «451? по Ф» Р. Брэдли [14] вызывает у нас чувство ценностного и эмоционального отторжения. И это даже без учета того, что значительная часть вполне свободного населения планеты сегодня живет по схожим принципам разделения функций между мужчинами и женщинами. Мы спокойно воспринимаем сегрегацию

---

⁵¹ Здесь нам придется столкнуться с тем, что жанр антиутопического представлен и в литературе, в музыкальной культуре (см., например, композицию «Филипп Дик» группы «2h Company»), в кинематографе («Матрица», «Эквилибриум», «Гаттака», «Бегущий человек» и пр.), в компьютерных играх («Deus Ex», «Fallout», «Fahrenheit», «Код доступа: РАЙ», «Власть закона»), в комиксах (например, «Судья Дредд») и т.д.

по интеллектуальному принципу в школах, но система образования в «Утопии-14» К.Воннегута вызывает только негативную оценку.

В созданном авторским воображением обществе обязательно должна присутствовать группа «недовольных» таким порядком – тогда исполняется первое условие. Если описывать антиутопическое общество с точки зрения «счастливого» элемента – эмоционального отторжения не возникает. Так, первые главы романа «Мы» Е.Замятина, в которых повествование ведется от лица вполне счастливого персонажа Д-503, вызывают ощущение утопического общества [24]. Б.А. Ланин отмечает это как наличие (необходимость) конфликта между садо-мазохистской ориентацией социальных отношений антиутопии и героем [51, с. 27, 81].

Таким образом, эмоциональное неприятие и ценностная неприемлемость общества антиутопии при наличии «героического катализатора» - группы недовольных – это главные критерии определения жанра. Интересен тот факт, что по ряду наблюдений литературный талант автора, создающего ситуацию самоотождествления читателя с героем, противостоящим антиутопическому обществу, доминирует над изначальной ценностной неприемлемостью такого общества. То есть, чем больше читатель сопереживает герою, тем более отвратительным и антиутопическим ему кажется моделируемое автором общество.

Данные факторы приводят нас к формулировке определенной «литературно-предсказательной техники» - эмоциональный фон и ценностная неприемлемость, замкнутые на самоотождествление читателя с героем-борцом определяют восприятие моделируемой социальной системы как антиутопическое. Эта техника приводит нас к мысли, что «антиутопичность» социума – исключительно субъективная величина. На основании этого заключения можно высказать гипотезу о том, что использование такой техники позволяет изобразить современное – а не гипотетически будущее – состояние социума, как «антиутопическое». Данную гипотезу

достаточно легко проверить – достаточно даже одного произведения, чтобы обосновать ее истинность. Таковы роман И. Ефремова «Час быка» [22] и повесть бр. Стругацких «Хищные вещи века» [32]. Однако именно такой подход заводит нас в логический тупик – если «антиутопичность» моделируемого автором социума исключительно субъективная характеристика восприятия, то воспользоваться романом-антиутопией как «предупреждением» или «предостережением» становится фактически невозможным. Субъективность девальвирует любой, даже самый точный прогноз.

3.1.6. Дополнительные критерии «антиутопичности»: конкретизация образа будущего общества. Вторичными критериями будут являться общие характеристики политической системы и социальных отношений. Стоит отметить, что если политическая система описывается – во многих произведениях достаточно подробно, то система общественных отношений подается отдельными «штрихами»-замечаниями, которые достаточно сложно сложить в общую картину. Хотя, конечно, существуют исключения – так, например, в романе Р. Брэдбери «451? по F» [14] о политической системе не сказано ни слова, зато система социальных отношений рассмотрена достаточно подробно. Впрочем, *предупреждение* антиутопии Р. Брэдбери и заключалось, по-видимому, в акцентировке внимания на социуме, а не формальном устройстве политической системы.

Антиутопические произведения, как правило, имеют монофакторную природу – одна сторона социальности или комплекс связанных черт становятся доминантой произведения. Это может быть перенаселение [11], торжество тоталитарного государства, построенного на насилии [30], деградация культуры [14], потребительский апофеоз [25], неприятие чуждой этнически и культурно системы ценностей [41], социальный страх перед ядерной войной [19; 34], отчуждение человеческого в человеке [19;

12], исчезновение личностного компонента социального бытия [24], «машинизация» социальных отношений [17] и т.д. Эти черты-«доминанты» антиутопии становятся очевидными факторами формирования образа будущего, поэтому не нуждаются в дополнительном анализе. Важно, что большинство из них ведет либо к вне-человеческому состоянию человека, либо к утрате свободы как таковой – это основные гипотетические последствия продолжения текущих линий развития недавнего прошлого и современности с точки зрения антиутопистов.

К частным проявлениям перечисленных выше доминант антиутопичности мы относим: социальную стагнацию, негативные социально-политические формы (например, тоталитарный характер общества и государства), мутацию социальных институтов и деформацию социальных отношений (например, исчезновение института семьи, поощрение гомосексуальных связей не на культурно-философских или чисто-сексуальных основаниях, а в рамках демографической политики и т.д.), репрессивный характер социума (в явной тоталитарной форме – слежка, казни и т.д. – и в неявной форме – принудительная медикаментозная модуляция поведения; подавление личности тем или иным способом вообще), доминирование в социальной жизни политической идеологии и пр. Еще одно возможное условие – значительная разница между принципами жесткого ограничения человеческой свободы, пропагандируемой в государственной идеологии антиутопического социума и образом жизни элиты этого государства. Максимальный по силе эффект оказывала «начиненность» брандмейстера Битти из романа Р.Брэдбери «451° по Фаренгейту» цитатами из книг, которые он всю жизнь безжалостно уничтожал [14]. Или финальная сцена фильма «Эквилибриум», в которой выясняется, что элита Тетраграмматона никогда не исповедовала принцип отказа от эмоций, навязанный ей всему остальному обществу. Наконец, последнее дополнительное

условие – это отсутствие у читателя понимания «свободы» индивидов в описанном автором социуме.

Именно анализ подобных «вторичных» форм, которые не делают антиутопию антиутопией сущностно, а лишь придают внешнюю форму, позволяет конструировать интегральный образ будущего представленный этой традицией художественного творчества. Наше решение проблемы определения жанра антиутопии имеет весьма существенный недостаток – оно строится на индуктивной основе, как и большинство классификаций жанров в литературоведении [68, с. 6-7], а «в силу “естественности” происхождения жанров в их внешней реализации наблюдается большая или меньшая степень вариативности, что неизбежно осложняет задачу их идентификации и тождественности» [68, с. 7].

При этом сразу уточним и следующий принципиальный момент – свобода творчества писателя\сценариста\режиссера\гейм-дизайнера, которые создают художественную антиутопию, ограничиваются требованиями реалистичности и прогностичности. Иными словами, автор антиутопии\дистопии априори отказывается от идей, принципиально лежащих за границей ощущения «возможного» в своем и читательском представлении. То есть антиутопии склонна к тенденциальному прогнозированию, принимая во внимание основные – в восприятии автора! – феномены современной ему социальной жизни или технологического развития.

Существуют, конечно, и исключения из последнего правила, однако они чрезвычайно редки: например, реализация идей об «идеальном государстве» Платона на базе мистических обрядов, как это имеет место в романе Г.Л. Олди «Богадельня» [29] или социально-теологическая антиутопия Св. Логинова «Многорукый бог Далайна» [28], где анти-идеальность общества определяется специфическими условиями географического пространства его существования. Однако и такие общества будут, безусловно,

антиутопичными. Хотя бы потому, что реализацию первого варианта мы можем отметить и на вполне технологически-реалистической базе в романе О.Хаксли «О дивный новый мир» [35].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что восприятие человеком «образа будущего» - то есть «реальности второго порядка» - чисто субъективное явление. И, не взирая на явное соотношение с «реальностью первого порядка» - окружающим нас миром – линия аналогии не строится в случае отсутствия перечисленных нами критериев произведения как антиутопического. Из этого неумолимо следует вывод о том, что прогностическая и воспитательная функция утопической литературы (в общих границах жанра утопии\дистопии\антиутопии) исполняется минимально.

3.1.7. К вопросу о функциях антиутопии: гуманистический заряд провокационного «обезнадеживания». Возникает резонный вопрос: какие же функции несет в себе антиутопия? Отметим сперва декларируемые функции – они будут, в целом, вытекать из соответствующих функций утопии. Это критическая, мировоззренческая, аксиологическая, экспериментальная, идеологическая, моделирующая, прогностическая и воспитательная функции. Весь этот комплекс завязан на двух функциях – прогностически-предупреждающей и воспитательной. Однако они, как мы отметили выше, минимизированы. Поэтому с нашей точки зрения на первый план выходят те функции, которые не декларируются авторами.

Во-первых, мы бы предложили ввести понятие деспераритивной функции, то есть перспективно-исторического «обезнадеживания» читателя. Антиутопия отражает «катастрофический тип авторского сознания и мышления, проявляющийся в глобально-деструктивном настроении, перверсии ценностных ориентиров» [143, с. 67] и транслирует этот тип

мышления на читателя. Если фантастика отражает «неудовлетворенность культурой» [178, с. 3], то антиутопия активно отрицает будущую (даже лишь потенциально) и текущую (как исток будущего) социальность. Антиутопия как прогноз должна лишить читателя надежды на то, что «все будет в порядке, если оставить все как есть». Антиутопия дополняет позитивный образ будущего и конкурирует с ним, она указывает тот вариант, который необходимо предотвратить [172, с. 51]. И поскольку же значительная часть антиутопий представляет собой версии тенденциального прогноза для основных трендов развития цивилизации – то «обезнадеживание» является необходимым инструментом доведения до читателя мысли о необходимости изменения вектора развития. Однако наряду с прогностическим «обезнадеживанием» в антиутопиях имеет место и спекулятивный компонент. Так, очевидными спекуляциями, являются темы ядерной войны в «Обитаемом острове», особенно в «Метро-2033», где постъядерная экологическая катастрофа – не столько предупреждение, сколько метод создания «декораций»⁵². Спекулятивен каннибализм в «Вожделеющем семени» Э. Берджесса – это, скорее, ответ английского писателя на грустную шутку его соотечественника Дж. Свифта об «ирландских младенцах», подаваемых на завтрак британским джентльменам. Кроме этого, можно назвать и еще одну форму косвенной спекуляции – доведение до абсурда реальных прогностических опасений автора: такова, например, деперсонализация личности в «Мы» Е. Замятина [24], сжигание книг как символ деградации культуры в «451? по Ф» Р. Брэдбери [14] и пр.

В смысле такого обезнадеживания и спекуляции на общественных страхах, с одной стороны, и поиске социального

---

⁵² В современных компьютерных и настольных играх, включающих ролевые элементы, существует достаточно точный термин – «сеттинг» - концепт игрового мира, его основные черты, «механика» отношений людей и природы, основы общественно-политического устройства и пр. Постъядерные декорации – задают определенный тон «сеттингу»: это планета-пустыня в игре «Fallout», это руины довоенных мегаполисов за пределами Либрии в фильме «Эквилибриум» и пр.

идеала с другой стороны, утопия и антиутопия образуют устойчивую систему и фантастическое активно задействовано в обеих ситуациях, но либо в форме «проекции человеческих страхов», либо как проекция «желаний [призванных – И.Т.] компенсировать... недостатки, которые связаны с культурным принуждением...» [178, с. 3.]

Из этого резонно вытекает вторая важная функция, которая уже отмечалась для утопии, но игнорируется в антиутопиях – провокативная (причем приобретающая и значение провокационной). Провокативность антиутопии должна выступать средством предупреждения, однако по мере изменения систем ценностей от авторского времени к нашей современности и постсовременности, она, скорее, открыто провоцирует «передовых мыслителей» на попытку реализации когда-то антиутопической идеи. Дж. Оруэлл и Е. Замятин писали романы-предупреждения. *Стеклянные дома* [24] и *всевидение Большого Брата* [30] – это угроза привычной для них социальности и перверсия систем норм и ценностей, считавшихся «общечеловеческими». Однако жанр реалити-шоу, в современной классической форме начавшийся с показательной своим названием программы «*Большой брат*» завоевывает все большую популярность. Р. Брэдбери описал обесценивание театрального действия при примитивизации его содержания в бесконечный мыльный сериал для домохозяек, где возможность интерактивного участия и зрелищность, определяемая размерами экранов, становятся самоценными. Однако Э. Тоффлер восхищается этим гениальным предвидением Брэдбери и называет «теле-мыльных “Родственников”» «необычайно глубокой интерактивной драмой» [176, с. 256]. Сам Р. Брэдбери утверждал, что «фантасты не предсказывают будущее, они его область предотвращают» [цит. по 135, с. 299], но «область фантастики [*в том числе и антиутопической – И.Т.*] представляет многочисленные примеры сбывшихся в реальности

художественных предсказаний» [135, с. 299]. И это замечание А.Б. Косаревой о «сбываемости» художественных прогнозов тем более актуально именно применительно к Р. Брэдбери в 1953 году описавшему общество низшего класса «мультимедиа-потребителей», по У. Эко [198], погруженных в вечную дрему теле- и радиовещанием [14].

Функция предупреждения не срабатывает не только по отношению к футурологии, но и по отношению к родственному жанру научной фантастики, где до сих пор доминантными темами являются мечты «о приложении научных достижений к человеку, к **преобразованию** природы, общества и **самого человека** [выделение мое – И.Т.]» [181, с. 3].

Антиутопия, таким образом, лишает надежды на «самоисправление» ситуации того, кто проникся ее идеей, и провоцирует того, кто идею антиутопии не понял. Время идет, система ценностей меняется и ужас С. Лема перед медикаментозной модуляцией поведения [27] становится бодрым раппортом Фукуямы об успехах медицины в этом направлении [184].

Итак, на основе всего сказанного выше мы будем определять *антиутопию как художественное произведение (не обязательно литературное), в котором представлена ценностно- и эмоционально-неприемлемая для автора и читателя социальная модель, номинально несущая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов развития общества в будущем или на основе альтернативных социально-политических, экономических и культур-философских концепций.* Данное определение, в целом, симметрично нашему пониманию антиутопичности как его зеркальное отражение. Если утопия – модель максимально представимого автору общества счастья и справедливости в условиях стремящейся к идеалу человеческой природы, то антиутопия – модель общества, которое неприемлемо

для автора и читателя в силу трансляции негативных (с точки зрения воспринимающего субъекта) систем норм и ценностей. Если утопия – проект; то антиутопия – номинальное предупреждение такого проекта, поскольку обе они основаны на явлении социальной альтернативистске. Альтернативной, как правило, является даже ситуация тенденциального прогнозирования (поскольку выдаваемый антиутопистом прогноз весьма серьезно отличается от социально-одобряемых представлений о будущем).

Осмысление произведения как антиутопии может меняться в связи с изменением системы ценностей читателя. Для современного человека «Квота» Веркора и Коронеля уже не является антиутопией в силу синхронизации систем ценностей описываемого и реально-существующего социумов. В отличие от утопии антиутопия не имеет сознательно-проективного характера, она лишена компонента стремления автора к воплощению своей концепции в жизнь. В этом смысле антиутопия является стимулом к социальной деконструкции (если призывает в будущем изменить отмечаемую автором в настоящем тенденцию).

3.2. Антиутопическое общество – общие подходы к анализу феноменов социальности

При анализе образа будущего, который формируется художественными антиутопиями, мы будем иметь дело с той же проблемой, которая затрудняла попытки дать строгое определение жанра антиутопии, провести «демаркационные линии» между смежными жанрами социальной фантастики, утопии, дистопии и т.д. Субъективность восприятия текста читателем, которая является «детонатором» для возникновения устойчивого ощущения несправедливого социума» позволяет объединить очень разнородные произведения в общий метажанр антиутопии. Одновременно, критерии определения произведения как антиутопии будут сильно разниться от произведения к произведению. Мы будем иметь дело с живой, меняющейся, даже развивающейся системой. Индуктивная попытка интегрировать все критерии в общую **непротиворечивую** картину будет бесполезна.

Вместе с тем при анализе образа будущего в антиутопиях следует иметь в виду еще один небезынтесный психологический феномен. Автор лично сталкивался с этим феноменом во время работы со старшими школьниками и студентами. После прочтения первого для учащегося романа-антиутопии в достаточно большом числе случаев возникает вопрос: «А что еще можно прочитать подобного рода?». Собственно, даже первоначальный авторский, еще донаучный интерес к жанру антиутопии проистекал из подобного же вопроса. Естественное любопытство, интерес вызывают некоторое расширение круга чтения. Редкий читатель останавливается на романе Е. Замятина «Мы», хотя бы не попытавшись отыскать похожие произведения. Тем паче это будет влиять, когда писатель создал не одну, а несколько антиутопий \ дистопий, как, например, Дж. Оруэлл [30], А. и Б. Стругацкие

[32,33,34], Ф. К. Дик [20; 21] и т.д. Нам приходится принять тот факт, что антиутопический образ будущего будет результатом интеграции и смешения многих произведений-антиутопий, будет иметь компилятивный – подчас синкретически компилятивный – характер.

Однако это уже позволяет пойти нам весьма интересным путем. До сих пор в большинстве исследований, в том числе и диссертационных, анализ антиутопической действительности велся именно по произведениям, в которых автор исследования отмечал наиболее характерные признаки. Однако мы не сталкивались с исследованиями, которые – вслед за обыденной читательской логикой – пытались бы построить общую синкретически-компилятивную картину мира-антиутопии. Поэтому такая попытка будет весьма актуальной. Тем более в сравнении с аналогичной картиной будущей реальности, которую строит футурология.

В своем анализе картины мира-антиутопии мы пойдем по следующему пути, представляющемся весьма разумным:

- анализ непосредственно социальной действительности, специфики общества, государства и т.д.

- анализ образа человека в общем смысле, специфики фигуры главного героя \ героев

- анализ «исторического процесса» в мире-антиутопии, специфики восприятия социальной реальности в ее динамическом развитии: восприятие персонажами антиутопии прошлого, настоящего и будущего.

- анализ системы ценностей, морали, языка, мышления, идеологии, религии и пр.; того, что связывает в единую систему общность и индивида, служит внутренним регулятором действия

- анализ негативного инструментария управления

- анализ специфики положения главного героя в социальности антиутопии

Сложность здесь – как для читателя, так и для автора – заключается в необходимости восприятия одновременно социально-философских, социокультурных, исторических, политологических, социологических, искусствоведческих, текстологических и пр. суждений. Причем не просто восприятия, но и постепенного «увязывания» их в единую систему. Мы анализируем действительность одновременно социально-историческую и символическую. Применять здесь чисто социально-исторические методы, или, скажем, методы анализа художественного текста будет бесполезно.

Значительную проблему будет представлять собой проблема «леса, которого не увидишь за деревьями». Скажем, многие исследователи закономерно обращали внимание на сходство Океании с СССР, а АнгСоца с советским коммунизмом. Исходя из этого, делались выводы о предостерегающем характере антиутопии Джорджа Оруэлла, о памфлете на Советский Союз и пр. И мы согласимся и с идеей памфлета, и с идеей предостережения. Только не на СССР писался памфлет и не от Советского Союза предостерегал Оруэлл. И любовная линия – к которой также в некоторых случаях сводится смысл романа – играла свою роль строго до определенного момента. Однако обилие деталей, наличие ясно видимого сходства и пр. сыграла роль «деревьев» и лишь случайные «оговорки» Оруэлла в других произведениях и эссе, суммирование социально-философских и искусствоведческих выводов позволили «увидеть лес»: не в памфлете дело, а дело лишь в одном – читатель должен понять, что У. Смит не прав столь же сильно, сколь и О’Брайен. Их цели и средства – лишь две разновидности одного и того же зла, которое называется «насилие во благо», «цель оправдывает средства», «благими намерениями...» и т.д.

После такого – достаточно длинного вступления – мы достаточно подготовлены для попытки построения общей картины мира-антиутопии.

3.2.1. Общие черты социальной реальности мира-антиутопии. Для подавляющего большинства антиутопий характерны те черты, которые мы отмечали в качестве условных критериев: это всевластие государства, подавление личности, идеологизированность социального бытия, применение отрицательных инструментов управления человеческим социумом: насилия, лжи и пр.

Однако следует сразу указать, что это – лишь инструменты для... вопрос в том, для чего применяются эти инструменты, является, с нашей точки зрения, ключевым. Для большинства антиутопий можно построить такую, весьма условную, пирамиду целей:

Достижение некой идеальной цели

Обеспечение власти вождя | Обеспечение социальной стабильности

Идеальная цель может быть представлена по-разному: всеобщим счастьем, выживанием (например, в постъядерных антиутопиях) человеческого рода и пр. Однако в ранг идеальной цели может возводиться и социальная стабильность – тогда она отождествляется с всеобщим счастьем. В ранг идеальной цели может возводиться и всевластие вождя: **цель власти – власть; цель насилия - насилие** [30].

Поэтому триаду: «социальное счастье – социальная стабильность – власть вождя или численно ограниченной элиты» мы будем рассматривать как основной мотив социальной

реальности любой антиутопии. При этом отдельные элементы триады точно также могут выступать первичными инструментами достижения и сохранения главной цели. Так, в романе О. Хаксли «О дивный новый мир», всевластие Главноуправителей – инструмент для достижения социальной стабильности и всеобщего «счастья» [35]. Социальная стабильность весьма специфического рода в романе Дж. Оруэлла «1984» - инструмент обеспечения власти Большого Брата и элиты Внутренней Партии, представленной в романе лишь фигурой О’Брайена [30], к которой нам придется подробно обратиться несколько позднее.

Оговорим тот момент, что в силу постоянных метаморфоз этой триады целей действия общества и государства в антиутопиях выделять и анализировать проблему счастья как самостоятельную и самодостаточную не представляется возможным. Мы проанализируем по возможности автономно проблему социальной стабильности и проблему обеспечения власти вождя.

3.2.2. Социальная стабильность как цель и инструмент. В большинстве антиутопий социальная стабильность обладает безусловным, самодостаточным приматом среди прочих социальных ценностей и этот примат не нуждается в объяснении, доказательстве и пр. Современное общество также принимает стабильность и – главное! – неконфликтность в качестве одной из основных ценностей. И тут следует правильно расставить акценты. Современное общество все-таки предполагает торжество импульса к развитию. Он не всегда торжествует, и множество конкретных социумов демонстрируют достаточно длительные периоды застоя и стагнации. Однако этот импульс признается, по крайней мере, необходимым в большинстве развитых сообществ планеты. Однако развитие обладает дестабилизирующей функцией и, следовательно, чаще всего должно отрицаться в антиутопиях. Так, в «Утопии-14» Курта Воннегута инженеры – передовой инновационный класс общества утопической Америки – восторгаются тем, что их

машины работают на лампах, а не на полупроводниках, открытых на момент художественного «настоящего» уже довольно давно [17]. Отрицается технологическое развитие, как нарушающее социальную стабильность в романе О. Хаксли: «Во всей Ирландии ввели четырехчасовой рабочий день. И что же это дало в итоге? Непорядки и сильно возросшее потребление сомы – и больше ничего. Три с половиной лишние часа досуга не только не стали источником счастья, но даже пришлось людям глушить эту праздность сомой. Наше Бюро изобретений забито предложениями по экономии труда. Тысячами предложений! – Мунд широко взмахнул рукой. – Почему же мы не проводим их в жизнь? Да для блага самих же рабочих <...> Нам надо заботиться о стабильности. Мы не хотим перемен. Всякая перемена – угроза для стабильности» [35, с. 686].

Даже в идеологический «девиз» всепланетного государства Дивного Нового мира вынесена та же мысль: «"Общность. Одинаковость. Стабильность" - проскандировал он [*Директор Лондонского Инкубатория – примечание мое, И.Т.*] девиз планеты. Величественные слова» [35, с. 530]. По уже иным мотивам – как единственная возможность выжить под угрозой все возрастающей численности населения планеты – провозглашается стабильность одной из главных ценностей Союза Англоговорящих стран в «Вождеющем семени» Э. Берджесса: «Мы заботимся о человеческой жизни, - произнес доктор Ачесон строго. - Мы заботимся о стабильности. Мы заботимся о том, чтобы на земле не стало слишком тесно. Мы заботимся о том, чтобы вдоволь накормить всех» [11, с. 168].

Одновременно во всех этих романах стабильность понимается как инструмент. При этом этот инструмент неизменно связывается с ограничением не только прогресса как такового, но и с ограничением творческого, научного и пр. потенциалов человека: «Ведь как всем известно, если хочешь быть счастливым и

добродетелен, не обобщай, а держись узких частных; общие идеи являются неизбежным интеллектуальным злом. Не философы, а собиратели марок или выпиливатели рамок составляют становой хребет общества» [35, с. 528] - говорит Директор Инкубатория, подавая студентам общую идею их будущей работы: «Чтобы дать вам общую идею» - пояснял он цель обхода. Ибо, конечно, общую идею хоть какую-то дать надо – для того, чтобы делали дело с пониманием, – но дать лишь в минимальной дозе, иначе из них не выйдет хороших и счастливых членов общества» [35, с. 527-528]. В романе О. Хаксли это ограничение потенциалов человеческого развития находит свое выражение в биологической «штамповке» людей в инкубаториях по заданным параметрам. Не просто «собиратели марок», а люди, приспособленные только к собиранию марок, или только к работе лифтеров, или только к работе на шахтах, в инкубаториях и пр.

«-А ничто так не снижает умственно-телесный уровень как нехватка кислорода.

- А зачем нужно снижать уровень? – спросил наивный студент.

Длинная пауза.

- Осел! – произнес Директор. – Как это не сообразить, что эпсилон-зародыша должна быть не только наследственность эпсилона, но и питательная среда эпсилона.

Несообразительный студент был готов сквозь землю провалиться от стыда» [35, с. 536].

Из этой посылки о «становом хребте общества» и ограничении потенциалов роста вытекает конечный вывод – возврат к двуединой для романа проблеме счастья и стабильности: «- И в этом, - добавил назидательно Директор, - весь секрет счастья и добродетели: люби то, что тебе предначертано. Все воспитание тела и мозга как раз и имеет целью привить людям любовь к их неизбежной [выделение мое – И.Т.] социальной судьбе» [35, с. 538].

Социальная стабильность определяется не только ограничением потенциалов роста, но и унификацией членов общества. Эта одинаковость подчеркивается наиболее ярко в романе Е. Замятина [24], она отмечается и исследователями жанра антиутопии [142, с. 213].

Обратимся к последнему компоненту триады «счастье-стабильность-власть вождя» - фигуре вождя.

3.2.3. Фигура вождя в антиутопиях. «Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни встал, глаза тебя не отпускали. СТАРШИЙ БРАТ смотрит на тебя – гласила надпись» [30, с. 97].

Выражение «Старший Брат» (иногда – «Большой брат») стало сегодня почти таким же нарицательным обозначением всевидящего и всезнающего тоталитарного правителя, как выражения «фюрер», «отец народов» и пр.

Однако нам хотелось бы обратиться к одной очень важной детали. В некоторых переводах это выражение дается в следующем виде: «Большой брат видит тебя». Оставляя в стороне семантику англоязычного оригинала, которой мы не владеем в достаточной степени, чтобы вводить ее в дискурс нашего исследования, попытаемся проанализировать и сравнить русскоязычную семантику этих вариантов.

Сразу отставим в сторону достаточно неуклюжее выражение «Большой брат» - «Старший брат» передает идею отстраненного, но принимающего участие в жизни каждого «младшего брата» вождя лучше.

«Видит тебя» или «Смотрит на тебя»? – вот в чем вопрос. И здесь с нашей точки зрения точнее передает идею романа именно выражение «Смотрит на тебя». Выражение «Видит тебя» в контексте романа приобретает оттенок безотносительной угрозы. «Старший брат видит тебя», когда ты занимаешься предосудительной деятельностью, «Старший брат видит тебя», мыслепреступник и предатель Партии. Но «Старший брат смотрит

на тебя» - это и угроза и предупреждение мыслепреступнику, и благосклонное внимание Старшего Брата к «младшим братьям», отдающимся делу Партии всей душой, энергией и силой своего существования. Это – более нейтральное интонационно выражение обретает большую глубину и многозначность в контексте самого романа.

Схож с обликом Старшего Брата – мудрого, понимающего, *проникающего взором*, сурового и справедливого – и облик Благодетеля из «Мы» Е. Замятина [24], и облик Главноуправителя Монда из романа Хаксли [35].

Вождь – это персонифицированный символ. Он значим не столько как реальная живая фигура⁵³, сколько как олицетворения социального идеала \ социальной стабильности \ идеи государственности.

Итак, функция символизации социальной и политической действительности – это первая и главнейшая функция вождя в антиутопии. На втором уже месте стоит реальное управление, которое осуществляет, например, главноуправитель Монд в романе О. Хаксли [35]. Реальное, управление, очевидно, осуществляет и О'Брайен в романе Дж. Оруэлла «1984» [30]. И это повод и необходимость присмотреться к этой фигуре внимательней. «О'Брайен двигался с удивительным изяществом. Оно сказывалось даже в том, как он засовывал руку в карман, как держал сигарету. В нем чувствовалась сила, но еще больше – уверенность и пронизательный, ироничный ум. Держался он необычайно серьезно, но в нем не было и намека на узость, свойственную фанатикам. Когда он вел речь об убийствах, самоубийствах, венерических болезнях, ампутации конечностей, изменении лица, в голосе проскальзывали насмешливые нотки. «Это неизбежно, –

---

⁵³ Так, Старший Брат ни разу не фигурирует «вживую» в романе Оруэлла, в фильме «Эквилибриум» вице-консул Совета Тетраграмматона Дюпон говорит более откровенно: «Зачем Отцу быть более реальным, чем политический призрак-марионетка? Совет просто избрал меня, чтобы хранить его место» - в то время как по всей Либрии «Отец» продолжает вещать с тысяч экранов.

говорил его тон, – мы пойдем на это, не дрогнув. Но не этим мы будем заниматься, когда жизнь снова будет стоять того, чтобы люди жили». Уинстон почувствовал прилив восхищения, сейчас он почти преклонялся перед О’Брайеном» [30, с. 228]. Это описание дается Уинстоном в момент «вербовки» его в ряды противников Партии. Уинстон еще не знает, что такое комната 101. Он уже и еще верит О’Брайену, хотя кроме как на нескольких ничем не подтвержденных словах и его якобы причастности к Братству, это доверие основываться не может. Уинстон еще не читал книги Гольдштейна, однако уже как будто бы знает программу действий Братства. И эта программа воспринята им достаточно четко: убийства, распространение венерических заболеваний, наркотиков, проституции, подрывная деятельность, саботаж, диверсии, шпионаж и пр. – все то, чем точно также занимается Партия сегодня. Преклонение перед вождем – О’Браейном – возникает безотчетно, безосновательно и еще до начала подпольной деятельности. Оно имеет эмпатийную природу. И легко провести аналогичную линию относительно Старшего Брата – точно также когда-то чьи-то глаза смотрели на Старшего Брата с восхищением, соглашаясь на любую подлость во имя свержения буржуазии и установления АнгСоца. Так вождь – любого уровня – будь то Старший Брат, О’Брайен, брандмейстер Битти из романа Р. Брэдбери «451? по Фаренгейту» [14] служат также и принципам легитимации политических решений и инициаторами применения всего негативного инструментария управления человеческим обществом, который дан в антиутопиях. Более того, они же служат и их апологетами: «Это неизбежно, – говорил его тон, – мы пойдем на это, не дрогнув. Но не этим мы будем заниматься, когда жизнь снова будет стоять того, чтобы люди жили». – **как будто бы** говорит О’Брайен Уинстону Смигу. Долгий монолог-апологию социальному безумию дает брандмейстер Битти [14], долгую дискуссию-аполог ведет с дикарем Джоном Главноуправитель

Монд [35], выступают постоянными апологетами правящей элиты инженеров Байер и Кронер в «Утопии-14» К. Воннегута [17], апологетика насильственных методов социально-психологической инженерии находится у Э. Берджесса в романе «Заводной апельсин» - том редком случае, когда – возможно! – автор захотел отразить антиутопию в несостоявшемся ее становлении [12, с. 112-113].

Резонно возражение – апологетика эта условна, она дается автором романа только для того, чтобы дискредитировать доминантную идею антиутопии, чтобы читатель выслушал и... ужаснулся, а ужаснувшись – отказался. И это действительно может быть таковым. А теперь попробуем представить себе иную ситуацию – читатель выслушает и... согласится. Эта игра с огнем, попытка выступить адвокатом дьявола, играя так, чтобы заведомо проиграть, но и так, чтобы игра выглядела «чисто». Как представляется, авторы часто забывали о другой распространенной психологической особенности – внутренний диалог с героями книги порой продолжается долго после ее прочтения. И без направляющей руки социального драматурга-автора выводы могут стать непредсказуемыми. Наконец, еще более важный момент. Для его понимания надо обратить внимание не на сказанное, а на несказанное в романах. Для персонажей-апологетов роль апологета подразумевается как привычная. Не в первый раз им приходится убеждать людей в истинности своих суждений и справедливости данного социального порядка... и, очевидно, что отнюдь не всегда их апологетика неудачна. Так, главноуправитель Монд – сам в прошлом изрядный бунтарь против порядков Дивного Нового мира [35]! Брандмейстер Битти, судя по всему, когда-то стоял перед альтернативами пожарного Гая Монтэга, да и Монтэг – судя по тексту романа, не уникал [14].

Символическая функция персонификация государства, власти и идеологии, легитимация насильственного инструментария

управления, апологетика социального порядка – это главные функции фигуры вождя – Верховного как Старший Брат или главноуправитель Монд или относительно низкого ранга – как Битти, Кронер и пр.

Функция непосредственного управления государством освещена сравнительно мало и, очевидно, воспринималась авторами как второстепенная. В «Утопии-14» эта функция вообще была передана компьютеру ЭПИКАК-ХІV [17], в «451? по Фаренгейту» отсутствуют какие-либо развернутые упоминания о политической системе, да они и неважны. Управление в романе «1984» вообще имеет уникальную природу. Оно не требует главного критерия – результативности, поскольку не Старший Брат связан реальностью, а реальность определяется Старшим Братом. Так, очевидно, что раз нормы выдачи шоколада снизились – то управление неэффективно, однако Старший Брат говорит, что выдача шоколада будет повышена до 30 грамм, а не понижена как следует из реального знания Уинстона и реальность мгновенно – при помощи труда все того же Уинстона подстраивается под слова Большого Брата [30].

И если мы вернемся к триаде «счастье-стабильность-власть вождя», то заметим, что функций персонификации символического поля государственности, легитимации и апологетики – для вождя становится достаточно для достижения целей триады «счастье-стабильность-вождь» **при условии использования всего прочего инструментария достижения этих целей.**

А вот этот инструментарий чрезвычайно обширен и разнообразен. Кроме того, следует отметить еще одно его свойство: большинство инструментов социального управления в антиутопии – как впрочем, и в реальной жизни – многофункциональны и имеют многоцелевую природу своего использования. Скажем, религиозные мотивы поддерживают одновременно сакральность фигуры вождя, обеспечивают социальную стабильность,

формируют идеологию или участвуют в качестве равноправного элемента идеологической доктрины, влияют на сознание через язык (см., например, феномен Новояза [30]) и пр. Эта множественность, «перекрестность ссылок» создает значительные сложности при анализе инструментария социального управления антиутопии. Мы предлагаем пойти следующим путем: рассмотреть специфику социальной структуры, где ключевыми становятся феномены социальной разобщенности и отношения элиты и массы, перейти к идеологии и затем уже – к прямым методам управления – контролю, регламентации, насилию, пропаганде и пр., которые реализуются в ситуации социальной разобщенности масс, управляемых сплоченной элитой на базе развитой идеологии.

3.2.4. Идеальный человек идеального общества: антропологические концепции антиутопий. Очевидно, что социальная реальность должна быть подчинена все той же «триединой цели» - «счастью-стабильности-власти вождя». Для ее исследования нам придется обратиться к краткому анализу антропологических концепций антиутопии: каков социальный образ человека для государства и управленческой элиты антиутопии. Черты этого социального образа мы предлагаем анализировать комплексами, поскольку они столь же перекрестны, сколь и перекрестны инструменты управления этим человеком.

Первый комплекс антропологических черт можно условно назвать комплексом «управляемости»: «Парсонс работал вместе с Уинстоном в министерстве правды. Это был толстый, но деятельный человек, ошеломляюще глупый – сгусток слабоумного энтузиазма, один из тех преданных, невопрошающих работяг, которые подпирали собой партию надежнее, чем полиция мыслей» [30, с.113]. Глупость, подчеркнутая трижды: «ошеломляюще глупый», «сгусток слабоумного энтузиазма», «невопрошающий» – ключевая характеристика комплекса управляемости идеального гражданина. Преданность, переходящая в энтузиазм – вторая по

степени важности. Работоспособность или, скорее, трудолюбие – третья характеристика этого комплекса.

Собственно, последняя характеристика первого комплекса служит переходной для второго комплекса – «гражданин как экономическая единица» или комплекс экономической функциональности. «И вот сейчас эта маленькая петелька ферромагнитной ленты [с записью движений человека, управляющего станком] лежит в ящике перед глазами Пола, воплощение работы Руди, того самого Руди, который в тот вечер включал ток, устанавливал количество оборотов, присматривал за работой резца. В этом только и заключалась сущность Руди с точки зрения самой машины, с точки зрения экономики, с точки зрения военных усилий» [17, с. 13]. Впрочем, человек может восприниматься не только как трудовой ресурс, но как ресурс в самом прямом смысле. Так, в романе «Вождедеющее семя» каждый покойник – всего лишь небольшая порция двуокиси фосфора жизненно необходимого для удобрения и восстановления плодородности почвы: «Вот и все, - удовлетворенно произнес доктор Ачесон, толстый оскопленный англосакс. - Еще одна порция пятиокиси фосфора для нашей славной старой матушки-земли. Значительно меньше, чем полкило, я бы сказал. Ну что ж, всякая малость на пользу» [11, с. 166].

В этом комплексе гражданин не только ресурс, но и потребитель. Идея потребительства пронизывает антиутопии насквозь, причем иногда – будучи выраженной самым неожиданным образом. Потребительство - это и потребительское отношение к миру, природе, обществу и другим гражданам, и ориентация на примат удовлетворения материальных и наиболее примитивных духовных потребностей. «Господь наш Форд выпустил на автомобильный рынок первую модель Т. – при этих словах Директор перекрестил себе живот знаком Т, и все студенты набожно последовали примеру» [35, с. 544] - символика

потребительства здесь имеет два уровня – явный и неявный. Явный уровень связан с упоминанием Форда и модели Т – основы основ эры массового производства, породившей феномен общества массового потребления. Неявное указание на примат потребительской модели поведения – это сравнение христианского ритуала крещения с фордистским ритуалом Т-крещения. В случае христианского крещения – центром становится грудь и душа; в фордистском же Т-крещении подчеркнуто «перекрестил себе живот». Живот – символ накопительства, потребления, жадности и пр. в евроцентристской системе символов. Да, и апология Дивного Нового мира, которую пламенно произносит главноуправитель Мوند, уже совсем недвусмысленно называет потребительство одной из главных ценностей общества Дивного Нового мира [35].

В «Утопии-14» Курта Воннегута самодовольное перечисление потребляемых Америкой ресурсов и производимых благ является основой для апологии технократии инженеров: «у нас в тридцать один и семь десятых больше телевизоров, чем у всего остального населения земного шара вместе взятого <...> Семьдесят семь процентов мирового автомобильного парка! Семьдесят один и три десятых процента производства электроэнергии! Шестьдесят девять процентов производственных мощностей в лошадиных силах! Девяносто восемь и три десятых процента...» [17, с. 212]

Комплекс управляемости и комплекс экономической функциональности связаны между собой общим итогом:

«Нас всегда радовал прирост населения. Чем больше потребителей, тем больше товаров можно продать. Радовались мы и тогда, когда снижался уровень грамотности. Чем невежественнее население, тем легче всучить ему ненужный товар» [25, с. 254].

Глупый гражданин-винтик экономической и политической системы: как ресурс и как потребитель [25] - это реальный социальный идеал. Он деперсонифицируется, перестает быть индивидуальностью: «Каждое утро, с шестиколесной точностью, в

один и тот же час и в одну и ту же минуту, - мы, миллионы, встаем, как один. В один и тот же час, единомиллионно, начинаем работать – единомиллионно кончаем. И сливаясь в единое, миллионорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалью секунду, - мы подносим ложки ко рту, - и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тэйлоровских экзерсисов, отходим ко сну...» [24, с. 314]

Деиндивидуализация, управляемость, сведение роли человека к экономической единице ресурса и потребительской возможности, наконец – полная унификация человеческого рода – это одна сторона социальной реальности. Такая реальность идеальна для антиутопии и де-факто подверглась деструктуризации. Идеальная унификация как будто бы не требует социальной структуры. И такую картину в своем совершенстве демонстрирует роман «Мы», цитату из которого мы приводили несколько выше. На самом деле структура есть, и она базируется на минимально необходимом для ее существования принципе отношений – «масса – элита». И, наоборот, в романах, которые демонстрируют развитую структурированность, иерархичность общества, есть на самом деле и унифицированность людей, их стандартизация – только неявным образом.

3.3. Конец истории – рефлексия социально-исторического времени в антиутопиях

После всех разнообразных примеров и пафосных фраз о примате социальной стабильности в форме фактической стагнации среди прочих ценностей, что и говорить о смысле истории? Каков имманентный смысл существования объекта, который озадачен только продлением собственного существования, это ставит своей бесконечной целью?

Как ни парадоксально, однако антиутопии выдвигают весьма сложные концепции отношений со временем. Это базируется на нескольких концепциях, которые подчас взаимосвязаны. И здесь мы можем обнаружить также несколько весьма любопытных параллелей с другой стороной нашего исследования – футурологическими концептами будущего и исторического процесса в целом.

1. Концепция стабильно длящегося настоящего
2. Концепция изменяемого прошлого
3. Концепция конца история
4. Концепция циклического социально-исторического времени
5. Концепция линейного стадийного развития человеческого общества
6. Концепция моделируемого будущего.

Эти концепции могут быть связаны между собой не только логически, но и синкретически. Так, в «1984» концепция стабильно длящегося настоящего очевидным образом связана с изменяемым прошлым и моделируемым будущим [30, с. 122]. Это вечное настоящее означает и конец истории. Все связано в логичную систему воззрений, мы разберем ее чуть ниже. А вот в «Мы» Евгений Замятина стадийная концепция соседствует с

циклической и концепцией конца истории. Причем, если стадиальную концепцию и концепцию конца истории можно совместить, то циклическая концепция и концепция конца истории несовместимы – в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань.

3.3.1. Концепции стабильно длящегося настоящего и конца истории. Это единственное концептуальное осмысление исторического времени и смысла истории, которое полностью сопряжено с идеей социального стазиса антиутопии. Будущее в такой концепции воспринимается как естественное продолжение настоящего, неподверженное каким-либо кардинальным переменам. И.В. Головачева отмечает в своем анализе «О дивного нового мира» О. Хаксли: «вечная самообновляемая техническим прогрессом современность, комфорт, всеобщность и массовость – таковы константы Нового Мира» [96, с. 60]. Ироничным, пусть и косвенным свидетельством такой концепции служит фраза главного героя повести С. Корнבלата и Ф. Пола «Операция “Венера”» Митчелла Кортнея: «Перед концом рабочего дня мы проводили еще одно совещание. На нем обычно обсуждались перспективные проблемы, например включение продукции “Старзелиус” в экономику Венеры или определение доходов будущих колонистов и учет их оптимальной покупательной способности через двадцать лет...» [25, с. 209]. Особая ирония заключается в том, что эти «перспективные проблемы» обсуждают не экономисты – которым, быть может, это еще и было бы позволительно, а... рекламщики! Вот уж действительно, если рекламщик начинает обсуждать покупательную способность жителей еще даже не основанной на двадцатилетнюю перспективу, то настоящее вечно. Подразумевалось вечное настоящее в романе «Мы»: до известных событий в фабуле романа – протеста «мефи» против Благодетеля. «- А Завра... - она [*мефи I-330* – *примечание мое, И.Т.*] дышит жадно сквозь сжатые, сверкающе острые зубы. –

А завтра – неизвестно что. Ты понимаешь: ни я не знаю, никто не знает – неизвестно! Ты понимаешь, что все известное – кончилось? Новое, невероятное, невиданное...» [24, с. 404] Чуть позже, эхом, запись Д-503 в его дневнике: «Что будет завтра? Во что я обращусь завтра?...» Утрата ощущения завтрашнего дня как известного в течение романа означает, что до этого сюжетного хода настоящее было все-таки длящимся неопределенно долгий срок. Остановлена история и в «1984»: «История остановилась. Нет ничего, кроме нескончаемого настоящего, где партия всегда права. Я знаю, конечно, что прошлое подделывают, но ничем бы не смог это доказать – даже когда сам совершил подделку» [30, с. 213].

И вот тут следует развести понятия конца истории и остановки истории. Грань различения как всегда тонка и основана на некоторых нюансах субъективного восприятия. Для управляющего субъекта антиутопического социума история остановилась в момент своего объективного конца, ее результата. Для главного героя – история его современности может быть также конечной стадией, которая теперь будет длиться бесконечно, а может быть – лишь временной искусственной остановкой. И тогда ход истории можно восстановить. Причем главный персонаж в течение одного романа может легко совершить мыслительный кульбит от концепции естественного конца истории, ее итога, до концепции искусственной остановки-стагнации и обратно. Таков, например, путь осознания исторического времени Уинстоном Смитом в «1984».

Понимание исторического процесса как заверщенного отнюдь не всегда поддается явному осмыслению. Как и многие феномены социокультурной реальности антиутопического общества-модели, конец истории обнаруживается по случайной авторской оговорке, недоведенной до конца – случайно или специально мысли и пр. Вот Е. Замятин вводит в хронологическую реальность «Мы» линейную стадильную концепцию истории: «Ведь ясно: вся

человеческая история, сколько мы ее знаем, это история перехода от кочевых форм к все более оседлым. Разве не следует отсюда, что наиболее оседлая форма жизни (наша) – есть вместе с тем и наиболее совершенная (наша). И если люди метались по земле из конца в конец, так это только во времена доисторические, когда были нации, войны, торговли, открытия разных Америк. Но зачем, кому это теперь нужно?» [24, с. 313-314]. Ощущение конца истории здесь прослеживается совершенно четко. И проблема не столько в том, что Единое Государство – совершенное состояние общества – ведь за «открывшимся совершенством» может последовать упадок и деградация. Проблема в том, что всякое развитие остановлено и обесмыслено: «Но зачем, кому это теперь нужно?».

А вот ближе к концу романа автор проводит концепцию восприятия истории как «оконченной» более явно: «Я вскочил.

- Это невысказано! Это нелепо! Неужели тебе не ясно: то, что вы затеваете – это революция?

- Да, революция! Почему же это нелепо?

- Нелепо – потому что революции не может быть. Потому что наша – это не ты, а я говорю – наша революция была последней. И больше никаких революций быть не может. Это известно всякому...» [24, с. 423].

Окончена история в Дивном Новом мире, тем более что и само понятие истории как науки там отменено: «Все вы помните, - сказал Главноуправитель своим звучным басом, - все вы, я думаю, помните прекрасное... изречение Господа нашего Форда: “История – сплошная чушь”. История – повторил он не спеша, - сплошная чушь» [35, с. 551].

В марксистском смысле окончена история в «Часе быка» И. Ефремова. Продолжение озвученного выше диалога I-330 и Д-503 о «последней революции» звучит насмешкой над концепцией конца истории в любом переложении – тривиального понимания коммунизма К. Маркса, позиции Д-503, конца истории в «Часе

быка» и т.д. «Милый мой, ты – математик. Даже – больше: ты философ – от математики. Так вот: назови последнее число.

- То есть? Я... я не понимаю: какое – последнее?

- Ну – последнее, верхнее, самое большое.

- Но, I – это же нелепо. Раз число чисел – бесконечно, какое же ты хочешь последнее?

- А какую же ты хочешь последнюю революцию? Последней – нет, революции – бесконечны. Последняя – это для детей: детей бесконечность пугает, а необходимо – чтобы дети спокойно спали по ночам...» [24, с. 423]. Вот она прямая ссылка на связь между концом истории и социальной стабильностью, которую эта концепция обеспечивает: «чтобы дети спокойно спали по ночам...». Философски конец истории означает невозможность и ненужность поиска альтернативы, движение «дальше» вообще становится невозможным. От «прекрасного сегодня» не уйти ни «вперед», в будущее; ни «вбок» - на альтернативный путь развития. И история возвращается в лоно вечно длящегося настоящего. Однако, как ни странно, если линия будущего в таком случае равна 0 (будущее есть вечное настоящее, хронологический модуль настоящего равен 0), то вот модуляции прошлого подчас становятся жизненно необходимыми. Причем, как для длящегося настоящего, так и для завершенной истории.

3.3.2. Концепции изменчивого прошлого и моделируемого будущего. «Ежедневно и чуть ли не ежеминутно, прошлое подгонялось под настоящее» [30, с. 126], однако же «самым же кошмарным для него было то, что он никогда не понимал отчетливо, *какую цель* преследует это грандиозное надувательство. Сиюминутные выгоды от подделки прошлого очевидны, но конечная ее цель – загадка. Он снова взял ручку и написал: *Я понимаю КАК; не понимаю ЗАЧЕМ?* [выделение автора – И.Т.]» [30, с. 56-157]. Впрочем, ответ на этот вопрос Уинстон Смит получит. Обычно, для объяснения феномена изменчивого прошлого

приводят пример Советского Союза, периода сталинских репрессий, когда корректировка исторических сведений постоянно согласовывалась с текущей реальностью. Однако этого явно недостаточно для объяснения феномена постоянной коррекции прошлого. Коррекция прошлого – точно такой же инструмент стабилизации настоящего. Мы уже отмечали это ранее: слова Старшего Брата при помощи коррекции прошлого становились постоянно точно и неопровержимо соответствующими действительности, пластично менялись идеологические установки. Прошлое приводилось в соответствие с настоящим и настоящее не теряло устойчивости. Значение прошлого прекрасно осознает О’Брайен и его предстоит понять Уинстону Смигу после его «вербовки» в «Братство»:

«- Итак, за что же теперь? – сказал он с тем же легким оттенком иронии. – За посрамление полиции мыслей? За смерть Старшего Брата? За человечность? За будущее?»

- За прошлое, – сказал Уинстон.

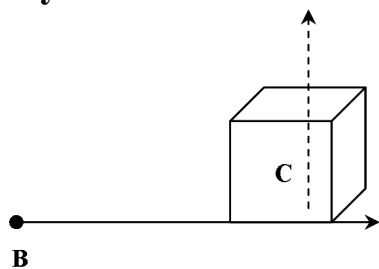
- Прошлое важнее. – веско подтвердил О’Брайен» [30, 229].

Быть может, «1984» горько иронизирующий по поводу советской действительности – явление уникальное? И больше ни в одной антиутопии мы не найдем свидетельств коррекции прошлого, поддержания таким образом стабильности настоящего? Отнюдь. Корректируется прошлое с коммерческими целями рекламы и пропаганды колонизации Венеры в повести С. Корнблата и Ф. Пола «Операция “Венера”» [25, с. 295]. И пусть масштабы самой коррекции и ее цели в сравнении с Океанией АнгСоца ничтожны – тем страшнее становится ощущение реальности. Корректируется прошлое – в форме подгонки наследуемого языка в романах «О дивный новый мир» О. Хаксли и «Мы» Е. Замятина. От реального прошлого просто ничего не остается. Это мягкая форма: прошлое не подделывают – о нем забывают, сохраняя отрывочные знания. И в этом смысле ни современная нам реальность, ни чистая утопия не

избегают этого. Так, выходец из утопического «мира Полдня» Максим Каммерер в «Обитаемом острове» братьев Стругацких сокрушается, что не знает ничего ни о диктатурах, ни о диктаторах, ни о методах их свержения [34].

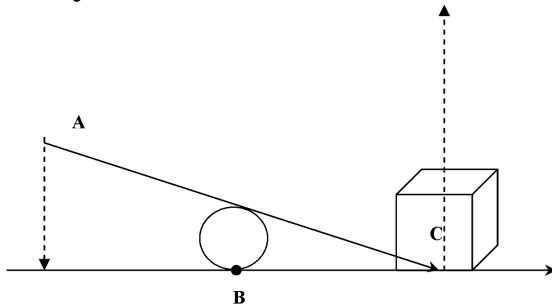
Но давайте вернемся к тем выводам, которые можно сделать из сознательной коррекции прошлого. «Кто управляет прошлым, – гласит партийный лозунг, – тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [30, с. 122]. Обратим внимание на следующую странность: кто управляет прошлым, тот управляет... будущим. «Пост-оруэлловское поколение» привыкло воспринимать этот тезис либо как истину, либо не придавать ему значения в принципе. Однако у тезиса есть вполне четкий смысл. Позволим себе провести две аналогии. Они интересны чисто в качестве умственного эксперимента и не претендуют в контексте нашего исследования на подлинно-научное осмысление феномена «изменчивого прошлого» и уж тем более – на обоснование его востребованности, актуальности и т.д.

Рисунок 2.

Мы находимся в некой точке В на временной кривой. В моменте будущего С – ситуация, которая становится критической для нашей Партии, Старшего Брата и АнгСоца. Изменить эту ситуацию – равнозначно поднятию груза. Рычаг в данном случае ВС, точка опоры – В. Сила для подъема груза С требуется колоссальная.

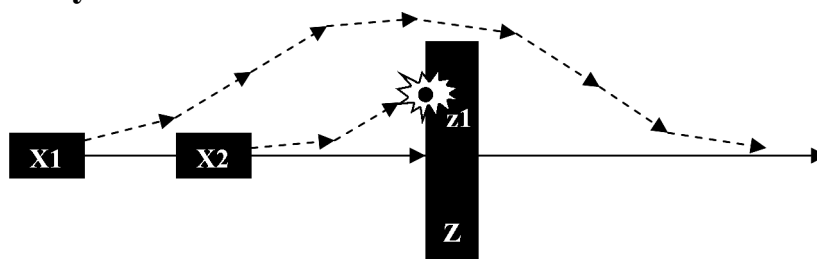
Рисунок 2.

Теперь применим другую технологию. Свой «рычаг» воздействия на будущее мы удаляем в прошлое – в точку А. Мы изменяем прошлое вплоть до точки настоящего – В и далее, до точки будущего – С. Поскольку плечо рычага $AB > 0$ (в то время как в первом случае плечо рычага $BB = 0$), то усилий придется приложить меньше. В настоящем (момент “В”) мы имеем точку опоры – всю мощь Партии по изменению прошлого.

Можно провести и вторую аналогию. Мы имеем два объекта X_1 и X_2 на высокой скорости приближающихся к препятствию Z. Возможности маневра у них ограничены. Поэтому X_2 , имеющий меньший запас времени в точке Z_1 столкнется с препятствием, а X_1 сумеет препятствие обогнуть.

Рисунок 3.

Предупреждая поток готовых полететь в автора камней, сразу оговоримся. Да, прошлое в нашем умственном эксперименте реально не меняется. Следовательно, объективный вектор движения социальной системы должен остаться тот же: и груз С не будет поднят, а хоть X_1 , хоть X_2 – все равно столкнутся с препятствием Z.

Однако будем иметь в виду – прошлого материально не существует и в этом плане оно неизменно, однако образ прошлого как ментальный феномен – достаточно пластичен. И на помощь Партии приходит феномен двоемыслия, который позволяет не только мгновенно и истово поверить в то, что ты только что отрицал, но и одновременно отрицать и верить, принимать и не верить, верить и не верить. Гибкая система двоемыслия (знание – невежество, незнание – сила, знание – слабость и т.д.) позволяет изменить ментальный образ прошлого, а, следовательно, все-таки и изменить вектор движения системы и поднять груз. Этот пример мы уже приводили выше: Старший Брат утверждал, что норма выдачи шоколада будет повышена, норма реально понизилась. Настоящее пришло в рассогласование с прошлым, власть Старшего Брата оказалась под угрозой разоблачения своей неэффективности. Однако мгновенно начинает работать Министерство Правды (миниправ, или миниправда – еще один перл новояза) и прошлое приводится в соответствие с настоящим, прогноз Старшего Брата на будущее становится реальным, власть его стабилизируется не только на момент настоящего, но и на весь неопределенный хронологически отрезок будущего, который будет разрешим таким образом. Так модуляция прошлого моделирует и будущее.

С намеками на концепцию моделируемого будущего (или управляемого развития) мы сталкиваемся и в «Часе Быка» Ивана Ефремова. «Готовя себя к самостоятельным действиям, девушки и юноши с особым интересом проходили обзор истории человечества Земли. Самым важным считалось изучение идейных ошибок и неверного направления социальной организации на тех ступенях развития общества, когда наука дала возможность управлять судьбой народов и стран сперва лишь в малой степени, а затем полностью» [22, с. 6].

Наконец, самый анекдотичный пример модуляции будущего приводит Станислав Лем в «Футурологическом конгрессе». Сперва

герой – Ийон Тихий, попав в будущее, сокрушается: «Впрочем, историю теперь мало кто изучает: в школе ее заменил новый предмет, бустория, то есть наука о будущем. “Как обрадовался бы профессор Троттельрайнер, если б узнал об этом!” - грустно подумал я» [27, с. 486]. Однако позднее ему приходится столкнуться с профессором, который действительно стал бусториком и узнать, что за словами «наука о будущем» кроется вовсе не футурология, разработавшая методы действительно научных высокоточных прогнозов. И вот между Ийоном Тихим и профессором Троттельрайнером происходит следующий диалог:

«- А я, если бы не основательное омоложение, не мог бы работать бусториком.

- Футурологом?

- Теперь это слово означает нечто иное. Футуролог готовит будильники, то есть прогнозы, а я занимаюсь теорией. Дело совершенно новое, в нашу с вами эпоху неизвестное. Что-то вроде языкового предсказания будущего – лингвистическая прогностика!

- Не слышал. И в чем же она состоит?

- Лингвистическая футурология изучает грядущее, исходя из трансформационных возможностей языка, - объяснил Троттельрайнер.

- Не понимаю.

- Человек в состоянии овладеть только тем, что может понять, а понять он может только то, что выражено словами. Невыраженное словами ему недоступно. Исследуя этапы будущей эволюции языка, мы узнаем, какие открытия, перевороты, изменения нравов язык сможет когда-нибудь отразить» [27, с. 499-500].

И мы вновь возвращаемся к соотношению реальности и языка, как отражения и средства выражения этой реальности. Профессор Троттельрайнер моделирует язык и, следовательно, в

концепции, предложенной С. Лемом, моделирует и саму реальность будущего.

И вот у нас осталось рассмотреть подробно только две концепции: концепцию линейного стадийного развития и концепцию циклического времени. Они, как будто, не связаны с концепциями конца истории, вечного настоящего, с концепциями корректируемого прошлого и моделируемого будущего. И это отсутствие явной связи побуждает нас заявить – единой концепции социально-исторического времени, смысла исторического процесса в антиутопиях нет! Есть только синкретическая мозаика разнородных рассуждений. Да, мы можем соотнести пару «вечное настоящее – конец истории» с парой «коррекция прошлого – модуляция будущего» как цель с инструментом ее достижения. Но стадийность или цикличность исторического развития?

3.3.3. Концепции линейной стадийной истории и циклического времени. В чистом виде мы уже сталкивались с концепцией циклического времени в антиутопии. Это вечный «вальс» пелфазы, интерфазы и гусфазы в «Вожделеющем семени» Э. Берджесса. В берджессовской Англии это работало на стабильность социума – повторяющийся цикл стабилен, неожиданностей и непредсказуемых результатов он не несет. В несколько ином виде представлена концепция цикла в романе Е. Замятина, где мы прослеживали линейную концепцию истории, завершившейся с началом бесконечной стагнацией («концом истории») Единого Государства. Однако наряду с линейной концепцией и концепцией «вечного настоящего» в романе присутствует и циклическое время! «Человеческая история идет вверх кругами – как аэро. Круги разные – золотые, кровавые, но все они одинаково разделены на 360 градусов. И вот от нуля – вперед: 10, 20, 200, 360 градусов – опять нуль. Да, мы вернулись к нулю, – да. Но для моего, математически-мыслящего ума ясно: нуль – совсем другой, новый. Мы пошли от нуля вправо – мы вернулись к

нулю слева и потому: вместо плюса нуль – у нас минус нуль. Понимаете?» [24, с. 384]. Этот пассаж, конечно, несет в себе и ироническую нагрузку – иронизирует здесь, по видимому, Замятин над марксистским пониманием истории в преломлении закона отрицания отрицания. Да, новый нуль, синтезис отрицания отрицания – это повторение старого нуля. Но следует отдать должное автору: быть может сам того не зная, но он очень успешно и очень по-марксистски соединил концепции линейной и циклической историй. Напомним, что линейная стадильная концепция в понимании его героя Д-503 – это развитие человечества от кочевых форм к все более оседлым. И завершается это рассуждение о линейной истории блестящим пассажем: «И если люди метались по земле из конца в конец, так это только во времена доисторические, когда были нации, войны, торговли, открытия разных Америк. Но зачем, кому это теперь нужно?» [24, с. 313-314]. А теперь соотнесем две разных концепции – концепцию открытого спирального цикла и концепцию линейного стадильного развития. Человеческая история – развитие от кочевой формы к совершенно-оседлой. Однако (!) фабула романа вертится вокруг подготовки к старту «Интеграла» - межпланетного корабля, который понесет «им [*жителям далеких планет – примечание мое, И.Т.*] математически-безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми...». Вот уж действительно – межпланетное «бремя белого человека», которое требуется нести и посылать лучших сыновей: ведь тот же Д-503 – образцовый, до поры до времени, гражданин Единого Государства.

Линия вроде бы замкнулась в цикл – от кочевий первобытных людей к «полукочевью» Великих Географических открытий «всяких Америк», к идеальной оседлости за Зеленой стеной и теперь к новому движению – движению межпланетному, к новым мирам и неизвестным «дикарям». На самом деле цикл разомкнут: чисто человеческая история развития от кочевья к оседлости

должна была завершиться исторически в момент старта «Интеграла» к другим мирам. С этого момента начинается уже межпланетная и «межвидовая» история – новая линия... или, если угодно, новый виток спирали. Тем не менее, история сохранила свою внутреннюю стабильность – Единое Государство по-прежнему бы торжествовало, Благодетель бы продолжал благодетельствовать, а нумера – трудиться по расписанию великой Часовой Скрижали.

Самое примечательное, что противники Единого Государства – мефи – также верят в развернутую линию истории и с этим мы сталкивались при анализе спора Д-503 и I-330 о «природе последней революции» [24, с.423-424].

Однако вернемся к проблеме будущего. Будущее опасно для антиутопии и старших братьев лично только в том смысле, что оно несет неизвестные, незапланированные последствия. Будущее опасно постольку, поскольку реализуем в авторских моделях общества «закон Мерфи». Поэтому, на самом деле концепция линейного стадиального времени превращается в антиутопиях либо в спиральный цикл, либо в жестко-детерминированную прямую. Тенденциальный прогноз был и остается одним из методов, что построения футурологической картины мира, что «предсказания-предостережения» автора антиутопии. В жестко-детерминированной модели исторического развития тенденциальный прогноз становится буфером безопасности против «закона Мерфи» и против хаоса незапланированных следствий. Цикл – безопасен сам по себе, если старшие братья готовы принять все пертурбации этого цикла. Линейная и циклическая концепции жестко-детерминированной истории, которая поддается тенденциальному прогнозу – не есть угроза для социального стазиса антиутопий. Тем более, если «кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Кто управляет настоящим – тот управляет прошлым» [30, с. 122].

«Прошлое важнее. – веско подтвердил О’Брайен» [30, с. 229], а как еще выяснится – он знал, о чем говорил.

Внешне синкретическая, противоречивая картина концепций времени и истории в антиутопиях сложилась в логичную картину, мы фактически построили логическое обоснование такой технологии управления социумом на базе операций с историческим временем и ментальными образами прошлого, настоящего и будущего. И теперь следует задать всего два вопроса. Да, прошлое, настоящее и будущее существуют для человека лишь как ментальные образы. Да, и в реальной жизни существуют феномены двоемыслия, пусть и не столь совершенно отточенные как в романе Джорджа Оруэлла: та же синкретичность обыденного сознания, диалектическое мышление, практика «двойных стандартов» и прочая, прочая. Могут ли антиутопии, меняющие ментальный образ будущего воздействовать на ментальные образы прошлого и настоящего? И если ментальный образ всей исторической линии меняется, то не сталкиваемся ли мы с рассредоточенным, а оттого все менее заметным «самореализующимся прогнозом»? Мы оставим этот вопрос открытым: это та ситуация, когда сама постановка вопроса важнее ответа, который может быть найден.

Анализ мира нашего изменчивого будущего, данного в литературных и иных фантазиях писателей, режиссеров, сценаристов, гейм-дизайнеров и пр. не будет завершен без значимого элемента. Мы узнали основы общественного устройства и социальной структуры антиутопического общества будущего, мы услышали идеологический хор воззрений на общество, человека, государство и даже смысл исторического процесса. Для полноты картины нам не хватает анализа того инструментария, который удерживает человеческую природу в этих жестких рамках.

По умолчанию подразумевается, что инструмент управления социумом антиутопий имеет ярко выраженную негативную окраску. Насилие, воплощенное государственными репрессиями,

постоянный тоталитарный контроль всех сфер общественной жизни, политические убийства, насаждение атмосферы страха, подчинение государственным и идеологизированным социальным интересам личной жизни вплоть до интимной сферы – это стереотипические представления об управлении социумом антиутопии. И против этого восстает главный герой – как правило, благородный борец, «мятежник» против несправедливости. Однако стереотипическое восприятие редко соответствует реальности. Таково ли на самом деле управление антиутопическим социумом мы попробуем разобраться.

Глава 4. Пессимистическая футурология антиутопий, или «сон разума рождает чудовищ»

4.1. Антиутопии: «портрет в социологических тонах»

4.1.1. Социальная структура как социальная разобщенность. Социальная структура становится, де-факто, социальной разобщенностью – принципом, который позволяет повысить управляемость, а, следовательно, – и стабильность общества. В романе Дж. Оруэлла «1984» социальная структура достаточно проста: пролы, внешняя Партия и Внутренняя Партия. «Пролы и животные свободные» [30, с. 151] – таким лозунгом изолируется Партия от единственной социальной силы, которая может свергнуть власть Старшего Брата: «Если есть надежда (писал Уинстон), то она в пролах» [30, с. 149]. Отвращение члена Партии от пролов доходит до своего апофеоза в размышлениях Уинстона Смита: «Но если есть надежда, то она – в пролах. За эту идею держаться. Когда выражаешь ее словами, она кажется здоровой; когда смотришь на тех, кто мимо тебя проходит, верить в нее – подвижничество» [30, с. 161]. Внутренняя Партия удерживается от союза с пролами или внешней Партии страхом потерять свои небольшие материальные преимущества [30].

В «Утопии-14» социальная структура менее явная, но более суровая. Основой для стратификации выступает «показатель интеллекта», который делит людей на высший и низший класс. Высший класс – инженеры, низший класс – рабочие Корпуса Ремонта и Реставрации («КРРахи»), солдаты армии, и безработные [17, с. 22]. Впрочем, статус безработности не подтвержден в тексте явным образом – известно лишь, что они зарабатывают себе на жизнь «фокусами». Так, например, один из персонажей зарабатывает на пари, которые он заключает с посетителями бара:

кто из них угадает название композиции, транслируемой по телевидению с выключенным звуком [17]. Такое положение дел обеспечивает постоянное рекрутирование управленческой элиты - инженеров [17], постоянный приток дешевой неквалифицированной рабочей силы, однако порождает другой дестабилизирующий социум фактор – зависть низших к высшим. Для того чтобы поддерживать социальную стабильность и удерживать классы от конфликтов – даже при сравнительно высоком уровне жизни даже низшего класса – требуются отдельные усилия. «Джимми, сынок мой, ПИ [*показатель интеллекта – примечание мое, И.Т.*] не сделает тебя счастливым и Святой Петр не устроит тебе испытание на ПИ, прежде чем пропустить тебя в ворота царства божьего. Говорю тебе, люди с высоким ПИ чаще всего оказываются и самыми несчастными... <...> С начала этой недели полнейшего безделья Пол обнаружил, что эта тема в различных вариантах является основной проблемой вечерних драматических постановок, приносящих помимо решение ее, еще и раздражение слуховых и зрительных нервов» [17, с. 252-253]. Этот конфликт между инженерами с высоким ПИ и КРРахми с низким ПИ выходит за пределы чисто классового и выходит на уровень семейных отношений. Причем, в силу некоторой гендерной односторонности антиутопий, о которой мы еще будем говорить ниже, принимает только одну форму: «Одна из программ постоянно черпала вдохновение, решая проблему: может ли женщина с низким ПИ удачно выйти замуж за мужчину с высоким ПИ? Ответ, кажется, давался неопределенный: и да, и нет» [17, с. 253].

В обществе романа «О дивный новый мир» смешение «классов» невозможно по психо-физиологическим причинам [35].

И вот мы видим странную картину: низшие и высшие классы разобщены, это может даже вызвать личные конфликты между ними – как между пролами и партийцами в «1984» [30], или между инженерами и КРРахми в «Утопии-14» К. Воннегута [17]. Однако

одновременно это же служит стабилизации социума в целом: выплескивается агрессия, предназначенная реально государству, а не представителю враждебного класса и заранее разрушается возможный альянс между силами, способными к изменению социального порядка. Апофеозом этого служит разделение кжи и джи в романе «Час быка» И. Ефремова [22, с. 256].

И если с ролью низшего класса все более или менее ясно, исходя из антропологических концепций антиутопий, которые мы анализировали выше и проанализированной концепции социальной разобщенности, то вот к элите антиутопического социума возникают определенные вопросы.

4.1.2. Социальная структура: элитоцентричность и судьба элиты антиутопии в исторической перспективе. Социумы антиутопий элитократичны по своей природе. Альфы в «О дивный новый мир» О. Хаксли [35], Внутренняя Партия в «1984» Дж. Оруэлла [30], инженеры в «Утопии-14» К. Воннегута [17], Неизвестные отцы и Гвардия в «Обитаемом острове» бр. Стругацких [34].

Однако природа элит каждый раз разная. Где-то эта природа не раскрывается вовсе. Например, в «Мы» Е. Замятина, не взирая на декларируемую унифицированность и полное равенство общества, Хранители очевидным образом «более равны», чем простые люди, Строитель «Интеграла» Д-503 имеет также несколько более привилегированное положение и т.д. [24].

Однако некоторые антиутопии позволяют проследить моделируемую авторами эволюцию элиты более точно. Пожалуй, самым показательным примером является «Утопия-14» К. Воннегута. Здесь мы наблюдаем очень интересный феномен: деградацию элиты при ее замкнутости и при явном или подразумеваемом наследовании элитарного положения. Этот феномен характерен не только для литературных моделей. Так, Курт Воннегут в судьбу одного из персонажей вкладывает явно

жизненное наблюдение. «Ему [верховному управляющему экономической системой утопической Америки – примечание мое, И.Т.] удалось обнаружить, что многие производственные фирмы находятся в руках у наследников третьего и четвертого поколений, которые по какому-то закону вырождения не имеют ни интересов, ни способностей основателей этих фирм» [17].

Это «усреднение» элиты, ее деградацию именно как элиты подмечает и бунтарь-инженер Эд Финнерти: «Меня бесит их чувство превосходства, их проклятая иерархия, которая определяет качество людей при помощи машин. Наверх всплывают очень серые люди...» [17, с. 85].

Процесс того, как это происходит, представлен сразу несколькими штрихами-эпизодами романа. Во-первых, фигурой самого главного героя Пола Протеуса – талантливого инженера, но человека, менее талантливого, чем его гениальный отец, которому, однако же, дается возможность дойти до самого верха иерархии просто в силу происхождения. Во-вторых, один из главных «врагов» Протеуса-мл., представитель младшего поколения инженеров дважды расписывается в собственной беспомощности: когда не способен обыграть доктора Протеуса без машины, изобретенной его отцом; и когда он оказывается не в состоянии починить эту машину. В-третьих, когда выясняется, что для прохождения проверки на ПИ – показатель интеллекта – инженерам делаются поблажки: «О, вы спрашиваете, выкарабкался ли он? У него сердце настоящего мужчины. Он хотел, чтобы все было хорошо, и он так зубрил предметы для этих экзаменов, как ни один другой парнишка в округе. Он сделал все, что в его силах.

- О, понимаю

- Ну вот, а теперь ему придется снова сдавать эти экзамены – только на этот раз по другим билетам. Он был немножко нездоров, когда сдавал их в первый раз, - последствия какого-то вирусного заболевания. Он совсем немного не добрал очков, а апелляционное

бюро в отношении его сделало специальную оговорку. Эту вторую попытку он предпримет завтра, а примерно к обеду аттестат будет у него в кармане» [17, с. 187].

4.1.3. Еще раз к вопросу о социальной разобщенности: дифференциация или сегрегация? «Толпо-элитарные» отношения, разобщенность социальных групп и прочие инструменты поддержания мертвой стабильности социальной структуры, очевидно, не новы. Однако в таком – доведенном до предела виде – они встречались в новейшей человеческой истории сравнительно редко. К тому же все это – лишь базис, театральные декорации для самого действия управления, которое разворачивается в антиутопии.

Предполагается, что дифференциация – элемент любого общества, кроме коммунистического и его литературных или философских аналогов. Сегрегация представляет собой более сложное явление. Она затрагивает понятие «ущемление в правах». Однако во многих антиутопиях так решить эту проблему невозможно – в связи отсутствием системы права в принципе

Решить данную проблему можно следующим образом: простейший способ сегрегации предполагает географическую локализацию группы-изолята. Это – гетто, национальные, профессиональные и прочие кварталы или районы. Гораздо более изощренный способ сегрегации – социокультурный и интеллектуальный. Он несколько сложнее для анализа, но позволяет точнее определить сам принцип функционирования общества

Итак, имеет место социальная дифференциация или же сегрегация?

При первичном анализе текстов большинства антиутопий может показаться, что мы имеем дело с дифференциацией социальных групп. Однако данный вывод неправомерен. Дифференциация – этически-нейтральный логический и

социальный процесс. Мы можем разделить людей на белых и черных, блондинов и рыжих, однако до тех пор, пока черных не переселяют в гетто, а блондинам не отказывают в приеме на работу – сам процесс выделения критериев внешнего или внутреннего раздела вещей нейтрален. Он может нести пользу, не принося вреда.

Следующий шаг – сегрегация. При анализе антиутопий становится ясно, что такая сегрегация не носит характер географической локализации разных социальных групп. А если и носит – то локализация – процесс либо вторичный, либо не имеющий значения в принципе.

В отдельных случаях важнее, когда социальная группа негативным образом изолируется в своем районе (отрицательная сегрегация – пролы в «1984» [30]); в иных случаях – когда доступ к географической зоне **открыт** только для определенной социальной группы (остров Дерева в «Утопии-14» [17]).

Наконец, возможны и менее агрессивные методы сегрегации – так, в «1984» посещение районов пролов для членов Партии всего лишь **не поощряется** [30].

То есть, мы имеем дело с двусторонним процессом – для группы-изолята посещение «престижных» районов недопустимо. Для привилегированного класса (Партия в «1984» или инженеры в «Утопии-14») оно нейтрально – не поощряется, но и не наказывается само по себе.

Встает резонный вопрос – почему мы имеем дело с обратной пропорцией? Ведь посещение района пролов наводит Уинстона в «1984» на новые крамольные мысли [30]. Да и зачем вообще отделять пролов от Партии, а обычных людей от инженеров. Ответ прост – **любой** район является районом-изолятом. Будь то район инженеров или обывателей, пролов или Партии. И как в любом районе-изоляте (гетто) в нем действует свой *закон*, отличный от декларируемого общего закона. Изоляция же и привилегированного

района также позволяет создать в нем сферу действия отдельного закона – большой ответственности, но и большего комфорта.

До крайности доведена система сегрегации социальных групп в романе О.Хаксли «О дивный новый мир!». Даже сегрегацией этот процесс назвать трудно – физические кондиции и поведение отдельных социальных групп полностью программируются от зародышевого состояния до зрелости организма [35, с. 536]. Созданная Хаксли модель общества во многом апеллирует к «идеальному государству» Платона.

Отдельная ситуация, которая имеет перекрестное значение – это одобрение обществом посещения района-изолята. Таковую картину мы, фактически, видим только в одной антиутопии – в Дивном Новом Мире. Здесь одобрение обществом периодического посещения мира дикарей имеет глубокий смысл. Смысл заключается именно в пропагандистском начале такой поездки [35]. Во-вторых, перед нами впервые встает проблема отношения между законом и традицией.

Общество антиутопии, судя по не вмешательству во внутреннюю жизнь резервации, ставит традицию выше закона. Даже чужую традицию – выше собственного закона. И здесь перед нами встает замечательная во всех отношениях проблема – проблема соотношения преступления против закона и нарушения традиции. Традиция, как известно, может выступать в качестве источника закона, однако имеет большую историческую глубину. Традиция же определяет отношения между полами в антиутопии и эти отношения также определяются понятиями «сегрегация» или, как вариант «социальная разобщенность».

4.1.4. Социальная структура: гендерные отношения. При анализе социума антиутопии крайне трудно определить – является ли та или иная ситуация отношений между полами в обществе и семье плодом сознательного конструирования, **результатом авторского логического анализа и прогнозирования**, или же

определялась **исключительно** его **внутренними** **предрасположенностями**.

Так, например, в «Утопии-14» женщины играют исключительно роль домохозяек и дорогих игрушек правящего класса инженеров: «Ведь единственная позиция, по которой она может встречаться с остальным миром – это высокий ранг ее мужа» [17, с. 132]. Семейная жизнь в этой ситуации сводится к определенной «механике» [17, с. 20]. И даже описание жены главного героя «Утопии-14» Пола Протеуса отражает такое приниженное, сводимое лишь к функциональности положение женщины: «Анита удачно совмещала в себе комбинацию секса, вкуса и ореола знания мужчин... Каким-то образом он передал ей свою мысль, которая вдруг всплыла в общем потоке ее мыслей: ее сила и манеры – это лишь отражение его собственной важности, отображение его мощи и самодовольства, которые должны быть присущи руководителю Заводов Айлиум» [17, с. 34]. Насколько Пол Протеус для Аниты является «пропуском» в мир красивой жизни, настолько и красота Аниты, ее «квалификация» хозяйки званого обеда или гостыи высокопоставленного чиновника – это символ высокого статуса Пола.

Аналогичная картина показана в романе «451? по Фаренгейту» [14]. Совсем иная ситуация – в фильме «Гаттака» или романе Дж. Оруэлла «1984» [30].

Половая группа может быть полноправной единицей общества. В этой ситуации ее члены разделяют и всю глубину ответственности за свое поведение. Такую картину мы наблюдаем, например, в романе Дж. Оруэлла. Половая группа может быть специализирована на выполнении определенных функций. В этом случае мы наблюдаем определенное «усекновение» ее функциональности. В таком случае, часть ответственности снимается. Именно так женщины в романе К.Воннегута «Утопия-14» минимально ответственны – их функциональная

специализированность исключает возможность серьезных нарушений норм общежития и «неписанных законов» социума, в который они включены [17]. Более того – функциональные ограничения накладывают и ограничения образовательные. Женщины-игрушки-домохозяйки не в состоянии совершить нечто социально-крамольное – они не обладают для этого ни достаточными знаниями, ни устремлениями. Вопрос о том, почему знание в социуме антиутопии является фактором катализа «мятежа», сейчас выходит за границы нашего анализа.

В абсолютном большинстве антиутопий мы сталкиваемся с социальной активностью мужчин – как направленной на сохранение стабильности социума, так и на его разрушение.

Итак, мужчины в антиутопиях исполняют ведущую роль – производительные функции, охранно-стабилизационные, управленческие – все это удел мужской части населения. Даже в случае полной общественной функциональности, образ мужчины в социуме антиутопии выглядит более значимым – большинство центральных персонажей мужчины.

В некоторых случаях не представляется возможным дать обоснованную характеристику – так, например, в фильме «Эквилибрум» всего 3 женских персонажа первого плана. Один из них – малолетняя дочь главного героя клирика («пастыря-лекаря») Джона Престона. Второй – жена главного героя, образ которой дан в 3 кратких эпизодах. Третий – возлюбленная главного героя. При этом фоновая картина фильма позволяет предположить, что женщины полнофункциональны, однако ни среди руководства государства («Тетраграмматона»), ни среди «клериков» женщин нет. Женщина-руководитель обнаруживается лишь среди руководства «Сопrotивления», что также достаточно символично.

В некоторых случаях отношения полов не несут какой-либо смысловой нагрузки и не участвуют в формировании образа социума.

Отдельный аспект в отношениях между полами представлен в романе Э. Берджесса «Вождедеющее семя». Фабула романа закручивается вокруг проблемы катастрофического перенаселения Земли. В аналогичной ситуации находится социум «Футурологического конгресса» С.Лемма. Однако решения этой проблемы и расстановка акцентов принципиально разные. В «Вождедеющем семени» как фактор решения этой проблемы предлагается государственное и социокультурное поощрение гомосексуальных отношений, кастрация и пр. Во второй половине романа человечество обретает «инструмент саморегуляции» численности населения – открывает для себя каннибализм. Пропаганда гомосексуализма дается автором весьма оригинально: и в форме открытия карьерных перспектив [11], и в форме собственно пропаганды: «Вся страна была залеплена кричащими плакатами Министерства бесплодия, изображавшими (по странной иронии, в ярких “детских” цветах) обнимающиеся парочки одного пола. Плакаты были снабжены надписью: “Быть Homo – Sapiens”. В Институте гомосексуализма даже работали вечерние курсы <...> Плакат на стене вестибюля изображал двух обнимающихся друзей мужского пола. Надпись гласила: “Возлюби ближнего своего”» [11, с. 170-171]. Станислав Лем в «Футурологическом конгрессе» иронически отмечает: «Научные конференции тоже пострадали от демографического взрыва; популяция футурологов растет столь же быстро, как и все человечество, так что конгрессы проходят в сутолоке и спешке» [27, с. 429]. Решения проблемы перенаселения, которые предлагает автор «Футурологического конгресса» и другой антиутопии – «Возвращения со звезд» столь же ироничны, сколь и весь текст повести: «После них слово взял Норман Юхас из США и предложил семь методов борьбы с демографическим взрывом: уговоры, судебные приговоры, деэротизация, принудительная целибатизация, онанизация, строгая изоляция, а для упорствующих – кастрация.

Хэйзлтон и Юхас предвидели появление новых профессий, как-то: матримониальный осведомитель, запретитель, разделитель и затыкатель; проект нового уголовного кодекса, в котором зачатие фигурировало в качестве тягчайшего из преступлений, был нам немедленно роздан» [27, с. 429].

Таким образом, функция секса, как репродукции человеческих существ, отсекается - акцент смещается на внутриполовые отношения.

В большинстве случаев, система отношений между мужчиной и женщиной в антиутопии строится на почве эмоционального конфликта – разлад семейных отношений («Утопия-14» [17]; «Мы» [24], «451? по Фаренгейту» [14]), реже – сопровождается позитивным эмоциональным конфликтом («Мы» [24], «1984» [30]). Правда во втором случае это неминуемо ведет к «преступлению» (в общем смысле этого слова), а следовательно, рассматривать данную ситуацию мы также будем отдельно.

Отношения между возрастными группами также вызывают в поле анализа сразу несколько проблем. Первейшая – традиционное деление на детство – зрелость – старость. Более мелкие единицы этой шкалы вычеркиваются. Юношество либо сводится к зрелости (указание на ошибки) либо к детству (списывание ошибок). Пожилой возраст претендует на статус единственно-зрелого. Иными словами – процесс старения, а, следовательно, и процесс геронтологического социального деления имеет фрагментарную цифровую природу. Очевидно, это объясняется также и тем, что ни одна из антиутопий не породила эпическую, сколько-нибудь длительную хронологически повествовательную линию. В пределах повествования герои не успевают шагнуть из одного возраста в другой (биологически, поскольку хронологически-повествовательно такой переход обеспечивался, например, в «1984», где Уинстон Смит вспоминал свое детство [30]).

Возникает и резонное замечание о том, что хронологическая краткость антиутопии не позволяет давать полную картину гендерных отношений. Хотя в некоторых случаях мы имеем дело с второстепенными флэшбеками персонажей, они не позволяют в полной мере оценить гендерное развитие персонажа. А изображению вторичных гендерных групп (детей и стариков), как правило, не уделяется много внимания.

Интересно, что в большинстве случаев старшее поколение, шагнувшее на порог старости, служит также одним из косвенных «катализаторов» мятежа главного героя против государственной и социально системы. В «1984» [30], «Утопии-14» [17], «Мы» [24] персонажи преклонных лет служат для связи между «до-антиутопичным» общественным устройством и желанием героя изменить современность. Старость служит источником знаний о том, как раньше было устроено общество. Однако в некоторых случаях («1984» Дж. Оруэлла) она, скорее, поднимает вопросы, чем дает ответы [30]. Подобная позиция консерватизма по отношению к «славным прежним дням» реально обосновывается психологически и, видимо, представляет собой одновременно результат жизненного опыта автора и необходимости повествования. В самом деле – вся картина несправедливости общественного устройства начинает вызывать сомнения, если человек, заставший иные социальные отношения, свято убежден в справедливости нынешнего состояния.

Дети в рамках повествования могут исполнять противоположные функции – как катализатор «мятежа» и как иллюстрация к тенденциальному прогнозу. Кларисса Макгеллан в «451? по Фаренгейту» Р. Брэдбери в буквальном смысле вынуждает главного героя осознать уродливые стороны собственного бытия [14]. Одновременно, развлекающиеся на скоростной машине дети в конце романа едва не лишают его жизни ради развлечения [14].

В большинстве случаев мы сталкиваемся с тем, что воспитание детей принимает на себя государство, однако о

проблеме функционирования института семьи необходимо говорить отдельно.

В связи с вопросом отношений между полами и возрастными группами всплывает и его закономерное продолжение. Это проблема функционирования институтов семьи в социуме антиутопий. Как социальный институт и феномен человеческого общежития, семья является значимой ценностью. Следовательно, деформация этого института не может не вызвать ценностного отторжения читателя. Из этого также вытекает формирование образа антиутопичности описываемого общества.

4.1.5. Социальная структура: институт семьи. Попробуем проследить, каким именно деформациям подвергается институт семьи в социально-политических антиутопий. Исходить здесь необходимо из того набора функций, которые исполняет семья в современном нам обществе.

«Семья – это средоточение крайне важных человеческих потребностей (в первую очередь сексуальных, детородных, хозяйственно-потребительских, эмоционально-нравственных, эстетических, психологических), которые она способна удовлетворить в избирательном, устойчивом, повторяющемся плане”...» [170, с. 17]

Итак, функции семьи, исходя из вышеприведенного отрывка следующие:

1. удовлетворение сексуальных потребностей зрелого поколения
2. репродукция человеческого рода
3. совместное ведение домашнего хозяйства
4. эмоционально-психологическая поддержка и защита
5. передача социального опыта новым поколениям

Возникает резонный вопрос о том, почему эти функции должны подвергаться деформации. Здесь мы уже подразумеваем необходимость первого порядка. Это проистекает из того, что

авторы антиутопий первичным своим стремлением видели не только и не столько вызвать отвращение и неприятие читателем описываемого ими социального устройства. Целью большинства таких произведений служило предостережение человечества от возможных и реалистичных версий исторического развития. Или прогноз такого вероятного развития, доводимый до абсурдистского преувеличения. Такого рода модель должна быть логичной и последовательной. Институт семьи на протяжении всего исторического развития человеческого общества проходил цепь изменений, которые перспективно воспринимались как деформации, разрушение семейных традиционных ценностей и т.д.

В различных антиутопиях акцентируются разные же деформации института семьи – все зависит от сопутствующих деформаций человеческого социума.

Анализ этих деформаций мы предлагаем начать с определения доминантной функции семьи в различных антиутопиях.

Очевидно, с механистической точки зрения репродукция человеческого рода представляет собой наиболее актуальную проблему. Если решается эта проблема, то и удовлетворение сексуальных потребностей взрослого поколения можно также исключить из функций семьи – отдельные индивиды вполне могут удовлетворять эти потребности максимально свободным и комфортным образом на базе «свободной любви», феномена, уже имевшего место в истории человечества.

По такому пути прошел социум, созданный воображением О.Хаксли в романе «О дивный новый мир!». Сопутствующие социальные деформации – полное удовлетворение потребностей материального потребления и массовое «духовное» потребление, уничтожили функцию семьи, заключающуюся в обеспечении быта (ведение домашнего хозяйства). Коллективное гипнотическое воспитание, массовые церемонии «Единения с Фордом» [35]

решили еще одну проблему, которую сегодня решает семья – эмоционально-психологическую поддержку и защиту членов одной семьи.

Наконец, коллективное общественное воспитание, поставленное «научно» и «на поток» решает функцию социализации индивида. Интересен и тот факт, что формы коллективного воспитания полностью вне семьи также существовали в истории человечества, например, в спартанском обществе. Также можно отметить и тот факт, что по мере роста общего объема человеческих знаний, их все большей специализации все большее число социальных и государственных институтов принимают на себя обязанности социализации новых поколений. Соответственно, послышки О.Хаксли выглядят абсолютно логичными и закономерными, образуя «нефантастичную» цепочку умозаключений. При условии, конечно, принятии первой посылки о искусственном «разведении» узкоспециализированных физиологически и интеллектуально людей.

Таким образом, институт семьи оказался не просто деформирован, а полностью уничтожен, с точки зрения современного его понимания. Впрочем, с точки зрения представителей самого общества «Дивного нового мира» «семья» существует. Причем гораздо более многочисленная, чем прежде – это «группы Бокановского» [35] у низших каст. И «фордовы группы» у высших каст общества.

Вместе с тем, «Дивный новый мир» является, пожалуй, тем произведением, где деформация института семьи доведена до своего логического завершения - отсутствия семьи, поощрения хаотически-частых сексуальных связей, отрицание живорождения [35].

Наш анализ был бы неполон, если бы мы не упомянули о других формах, целях и методах «семейной деформации».

В отдельной группе произведений мы можем выделить феномен, которому дадим условное название «линии нисходящей функциональности». Это те произведения, в которых институт семьи получил не совершенное уничтожение, а «притупление» своей функциональности. Таково существование семьи в романе Дж. Оруэлла «1984» [30], романе Р. Брэдбери «451? по Фаренгейту» [14], К.Воннегута «Утопия-14» [17]. Здесь семья продолжает функционировать, однако члены ее исполняют свои функции механистично, не придавая им смысла необходимости или обязательности, не обременяя себя ритуальной стороной процесса. Сакральность или ритуальность и возводит семью из разряда группы размножающихся и наследующих друг другу индивидов, в группу единства.

Наконец, отдельно мы вынесли роман Е.Замятина «Мы». Формально, институт семьи не существует в социуме, изображенном этим автором. Однако процесс его «разложения» имел несколько иную природу.

Мы можем лишь попробовать воспроизвести ту гипотетическую цепочку логических построений, которую, очевидно, проделал автор за своих «персонажей». Точнее – за столь же виртуальных «владык», созданного авторским воображением мира.

Жизнь общества, описанного в романе «Мы» подчиняется «Великой Часовой скрижали» [24, с. 313-314] - хронологической таблице, полностью регламентирующей жизнь людей. Это – один из ключевых способов лишения человека индивидуальности, его унификации со всеми остальными индивидами. Среди всех функций семьи именно функция сексуального удовлетворения оказывается наиболее хаотичной, индивидуальной и, одновременно, эпизодичной. Следовательно, регламентации подлежит в первую очередь сексуальная свобода индивида. Одновременно с этим ставится вопрос и о свободе деторождения.

Эта свобода также ограничивается в связи с фактором перенаселения [24, с. 320], необходимостью рождения максимально здоровых генетически людей (что минимизирует расходы на массовое здравоохранение). Также регламентация деторождения связывает и остальные функции семьи – социализаторскую, эмоционально-психологическую. Великая скрижаль одновременно служит и устранению функции ведения домашнего хозяйства.

В обществе Единого Государства секс приобретает удивительное состояние – «свободной любви, регламентированной государством». Так рождаются отношения между главным героем Д-503, его первоначальной подругой О и их общим другом и также 2 сексуальным партнером О – R. Сам Д-503 этот любовный треугольник, трагичный в большинстве современных социумов нежно именуется семьей [24, с. 336]. И опять невозможно обойти вниманием исторический факт, который еще не застал автор романа «Мы» - возросшую распространенность «шведских семей». Этот «счастливый треугольник» разрушается вторжением I-330 [24, с. 337].

Итак, мы можем сделать вывод о том, что «нисходящая линия функциональности» в совокупности с прочими социально-политическими и техническими обстоятельствами, приводит в социумах антиутопий к деформации и разрушению института семьи. Разумеется, в нашем понимании этого термина. Крайние проявления этой ситуации мы наблюдаем в романах «Мы» и «О дивный новый мир!».

Очевидные параллели с некоторыми историческими ситуациями и опять же пока редкими феноменами современного социума, все же позволяют нам сделать некоторые выводы. Прежде всего, хотелось бы отметить тот факт, что «уродство» семьи в социуме антиутопий выглядит таковым только в качестве «перспективной картины» - относя эту картину в будущее, но примеряя ее на современную систему ценностей. Ретроспективный

анализ показывает, что ничего «уродливого» **относительно принятой в данном обществе системы ценностей** в таких формах нет. Единственное возможное мерило – это возможность дальнейшей эволюции, а не тупика. Это достаточно важный вывод, поскольку именно он становится объективным, а не субъективным критерием измерения «антиутопичности». **Тупиковость общественного развития, возможность бесконечного сохранения статус-кво является тем компонентом антиутопичности, который до сих пор мы не могли установить. Наличие этого компонента «объективизирует» антиутопию, частично освобождает ее от необходимости вызвать самоотождествления читателя и протагониста для эмоционально-ценностного отторжения первым описываемой модели.** Специфика модели человека, восприятия в социуме природы человеческого делает возможным при бесконечной ретрансляции этих качеств, ценностей и норм поведения столь же бесконечное существование антиутопии. Личность поддерживает социальный порядок, социальный порядок позволяет выжить только той личности, которая его поддерживает – так образуется, по выражению эллинов, «дурная бесконечность» логического и социально-исторического кольца.

4.2. Общество всемогущего знака: идеология и ее суррогаты в антиутопии

4.2.1. Роль идеологии в социуме антиутопии. Если социальная структура и социальные отношения – на всех возможных уровнях являются условной сценой, на которой разворачиваются действия, то идеология играет роль древнегреческого хора, это тот музыкальный «фон» на который укладываются затем действия главного героя. Он же для читателя \ зрителя определяет общее восприятие общества антиутопии.

Конечно, идеология тесно связана с системой ценностей общества, однако следует провести различие между **декларируемой** идеологией и идеями и **реально проводимой в жизнь** идеологией. Это отличие метко подмечено в романе «1984»: «Партийный идеал – это нечто исполинское, грозное, сверкающее: мир стали и бетона, чудовищных машин и жуткого оружия, страна воинов и фанатиков, которые шагают в едином строю, думают одну мысль, кричат один лозунг, неустанно трудятся, сражаются, торжествуют, карают – триста миллионов человек – и все на одно лицо. В жизни же – города-трущобы, где снуют несытые люди в худых башмаках, ветхие дома девятнадцатого века, где всегда пахнет капустой и нужником» [30, с. 152].

Столь же тесно, как и с системой ценностей, идеология связана – вернее, она обнаруживает себя в специфике сознания и восприятия мира человеком. Скажем, основа основ партийной идеологии АнгСоца – это *двоемыслие*. И лучше всего двоемыслие, которое, в первую очередь, являет собой определенную систему мышления, обнаруживает себя в партийных лозунгах: «Из своего окна Уинстон мог прочесть на белом фасаде написанные элегантным шрифтом три партийных лозунга: ВОЙНА – ЭТО МИР. СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО. НЕЗНАНИЕ – СИЛА» [30, с. 99].

Уделим некоторое внимание этим лозунгам. Они, как и большинство деталей антиутопии, не являются чем-либо исторически исключительными, не имеющими под собой основы. Скажем, единство войны и мира как разных состояний бесконечно-длющегося конфликта можно было бы обнаружить в трактате «Искусство войны» Сунь Цзы [8, глава 3]. Можно обнаружить в этих лозунгах и иронию Оруэлла по отношению к примитивно-понимаемым законам диалектики, в частности закону единства и борьбы противоположностей. Нас же больше интересует соотношение между первыми двумя лозунгами и последним. Первые два: «война – это мир», «свобода – это рабство» - являются прямыми отрицаниями левой части. Война противоположна миру, свобода – рабству. А вот последний лозунг оказывается шире. Мы не можем утверждать, что Оруэлл вкладывал в этот лозунг именно такую трактовку, однако она оказалась возможной для прочтения и, следовательно, оказывающей свое влияние на проницательного читателя. Попробуем построить третье, выбивающееся из ряда высказывание по принципу первых двух: изначальная фраза была «знание – сила». Следуя принципу первых двух высказываний, мы получаем: «знание – это незнание», ну или более благозвучно по-русски: «знание – это невежество». Однако если незнание – сила, то знание – слабость. Одна формулировка неявным образом включила в себя, по меньшей мере, 3 различных принципа восприятия мира.

Любопытно и то, что двоемыслие партии, уравнивающее войну и мир, и свободу и рабство, нигде и никогда не указывает на возможность обратного логического хода. Мир – вовсе не обязательно война, рабство – вовсе не обязательно свобода. По крайней мере, такие ходы открывали бы пространство для любопытных игр с социальной реальностью, но их нет. Рабство свободой не является, с точки зрения партии, поскольку само понятие свободы условно и имеет временную природу: «Откуда взяться лозунгу «Свобода – это рабство», если упразднено само

понятие свободы? *Атмосфера* мышления станет иной. Мышления в нашем современном значении вообще не будет. Правоверный не мыслит – не нуждается в мышлении. Правоверность – состояние бессознательное» [30, с. 136-137]. Только свобода является рабством, следовательно, и весь прочий спектр социальных состояний также сводим к рабству. А вот рабство не сводимо ни к чему. Оно есть просто наивысшее социальное состояние.

Мы уже говорили о том, что идеология точно также определяет социально-политическое и духовное пространство романа «О дивный новый мир» О. Хаксли [35, с. 527-528]. Однако здесь идеология основана не на понимании, а не безусловном восприятии, которое индивид получает, проходя гипнотическое обучение: «Нравственное-то воспитание никогда, ни в коем случае не должно основываться на понимании...» [35, с. 545]. Главные догматы идеологии Дивного нового мира – социальная стабильность, общественное спокойствие... буквально, общественная стагнация. «И в этом, - добавил назидательно Директор, - весь секрет счастья и добродетели: люби то, что тебе предначертано. Все воспитание тела и мозга как раз и имеет целью привить людям любовь к их неизбежной социальной судьбе» [35, с. 538].

Идеология «Утопии-14» вроде бы основана на непрерывном развитии, в том числе и личностном, по крайней мере, это следует из клятвы инженеров: «Я клянусь,... что... буду выполнять на благо народа мудрые приказы моих вождей. Я буду трудиться и сражаться за лучший мир, не зная ни страха, ни усталости. Я никогда не скажу, что работа закончена» [17, с. 217]. Однако на деле это оказывается не так: усовершенствования носят ярко выраженный технологический характер и, очевидно, что с каждым новым усовершенствованием число людей, задействованных в инженерной творческой деятельности уменьшается, а число КРРахов растет [17, с. 74-77]. То есть общество все больше и

больше скатывается на уровень стагнации. Однако **идеологически** – общество твердой поступью движется вперед, уровень жизни постоянно растет, соразмерно числу потребляемых мировых ресурсов.

Особую картину представляет собой идеология Единого Государства в романе «Мы». Эта достаточно развернутая идеологическая картина, которая не просто заслоняет понятие свободы понятиями «стабильность», «уровень жизни», «комфортность», «уверенность в завтрашнем дне» и пр. Само понятие свободы отрицается в принципе. Это следует из изящных логических рассуждений главного героя. Причем, это рассуждения рассредоточено по тексту и слагается минимум из трех фрагментов,... каждый из которых служит дополнением предыдущим: «Я вдруг увидел всю красоту этого грандиозного машинного балета, залитого легким голубым солнцем. И дальше – сам с собою: почему – красиво? Почему танец – красив? Ответ: потому что это не свободное [*выделение автора – И.Т.*] движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной эстетической подчиненности, идеальной несвободе. И если верно, что наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни (религиозные мистерии, военные парады), то это значит только одно: инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку, и мы, в теперешней нашей жизни – только сознательно...» [24, с. 309] Таким образом, изначально идея несвободы, подчиненности частности общему обосновывается эстетически, через аналогию с танцем. Затем, Д-503 переходит к логическому обоснованию: «Свобода и преступление так же неразрывно связаны между собой как... ну как движение аэро и его скорость: скорость аэро = 0, и он не движется: свобода человека = 0, и он не совершает преступлений. Это ясно. Единственное средство избавить человека от преступлений – это избавить его от свободы. И вот едва мы от этого избавились (в

космическом масштабе века – это, конечно, «едва), как вдруг какие-то жалкие недоумки...» [24, с. 330]. Так, идея несвободы обосновывается логически. И вот, эта идея несвободы – пока еще не рабства, а именно не-свободы, рождает идею полного бесправия единичного члена общества по отношению к обществу в целом: «У меня по отношению к Единому Государству есть это право – понести кару, и этого права я не уступлю. Никто из нас, нумеров, не смеет отказаться от этого единственного своего – и тем ценнейшего права. <...> Так вот – если капнуть [*кислоты – примечание мое, И.Т.*] на идею «права». Даже у древних – наиболее взрослые знали: источник права – сила, право – функция от силы. И вот – две чашки весов: на одной грамм, на другой – тонна, на одной – «я», на другой – «Мы», Единое Государство. Не ясно ли – допускать, что у «я» могут быть какие-то «права» по отношению к Государству, и допускать, что грамм может уравновесить тонну – это совершенно одно и то же. Отсюда – распределение: тонне – права, грамму – обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты – грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны...» [24, с. 383].

Идеологическое пространство антиутопий более-менее универсально – это идея социальной стабильности, переходящая в торжество стагнации; и идея всевластия государства.

Более частные случаи положения идеологии могут расширить эту картину, но особых изменений в нее не приносят. Так, например, непременным условием идеологической обработки личности в Океании Джорджа Оруэлла является установка на ментальность «осажденной крепости»: это хорошо раскрывается во втором романе-в-романе – книге Э. Гольдштейна: «Это социальная атмосфера осажденного города, где разница между богатством и нищетой заключается в обладании куском конины <...> Другими словами, его [*члена партии – примечание мое, И.Т.*] ментальность должно соответствовать состоянию войны...» [30, с. 241]. Причем

проблема заключается именно в том, что насаждаемая идеология настойчиво требует своей реализации: «Уинстон не мог отчетливо припомнить такое время, когда бы страна не воевала...» [30, с. 121]. Эта идеология насаждается и при помощи классического метода – например, кино [30, с. 102]; так и при помощи оруэлловских «изобретений» - «минут ненависти» [30, с.103-108].

Еще один возможный мотив идеологического марша – это мотив преобразования мира. Причем не просто социальной реальности, а именно физического мира, природы. Пожалуй, наиболее ярко это выразил Е. Замятин: «Так же смешно и нелепо, как то, что море у древних круглые сутки тупо билось о берег, и заключенные в волнах миллионы килограммометров – уходили только на подогревание чувств у влюбленных. Мы из влюбленного шепота волн – добыли электричество, из брызжущего бешеной пеной зверя – мы сделали домашнее животное» [24, с. 352].

Самая сложная идеологическая картина – в романе Энтони Берджесса «Вождеющее семя». При этом идеология Союза Англоговорящих стран тесно связана с пониманием исторического развития общества, смысла истории и пр. Впрочем, эта связь есть везде, просто не везде ее удастся проследить столь явным образом. Развитие общества берджессовской Англии связывается с оппозицией Пелагий – Августин, что тождественно диадам «либерализм – консерватизм», «свобода – реакция» и пр. Пелагий связывается с концепцией изначальной чистоты и непорочности человека. Он – идеолог либерализма, идеолог ненасильственных действий. Поэтому время доминирования пелагианства и либерализма получает название **пелфазы**. Августин Аврелий – идеолог порочности человеческой природы. С ним связан консерватизм, одновременно – частное предпринимательство, которое предполагает торжество жадности и т.д. Это **гусфаза**, от имени Августин. Между пелфазой и гусфазой – фаза перехода государства от либерализма к консерватизму – фаза насилия,

репрессий и пр. «Пелфаза, Интерфаза, Гусфаза; Пелфаза, Интерфаза, Гусфаза и так далее, и так далее - всегда, вечно. Что-то вроде непрерывного вальса» [11, с. 179]. Так мы сталкиваемся в антиутопии с циклической моделью социального и исторического времени. Об уникальности такой ситуации нам еще придется говорить ниже.

О насаждаемой идеологической установки модели сытого потребительства мы уже говорили выше, поэтому повторяться не будем. Однако есть прямая необходимость связать потребительскую модель... с религией.

4.2.2. Мутации религиозных идей в антиутопиях. Мы уже упоминали о том, что Форд в Дивном новом мире О. Хаксли стал «синтетическим заменителем божества». Следовало бы, конечно, добавить, что фигура «божества» синкретически сочетала в себе черты двух человек – промышленника и ученого – Форда и... Фрейда: «Господь наш Форд – или Фрейд, как по неисповедимой некой причине именовал себя, трактуя о психологических проблемах...» [35, с. 554]. И Фрейд явно был выбран Хаксли не только за некое фонетическое сходство фамилий, но и в силу синкретической общности той идеологии, которую несут в романе конвейер и психоанализ. Одно лишает человека человеческой природы биологически. Другое – лишает его опоры в культуре, того, что делает человека человеком социально. В конце концов, гипнообучение малышей – торжество бессознательного над сознательным, прорывы которого Хаксли неоднократно показывает по тексту романа.

Двуединая фигура Форда-Фрейда олицетворяет собой не только фордистско-фрейдистский контроль над человеческой природой, но и символ потребления. Как уже отмечалось выше, директор, осеняя себя Т-знаменем, крестит именно живот, «биологически сгусток» потребительства. Религиозные мотивы проскальзывают явно и неявно в тексте романа. Иногда, это просто

язвительная ирония Хаксли: как титулы «Его Фордейшество» [35, с. 550], выражения «Ей-форду!» [35, с. 548] и пр. Иногда, эта ирония приобретает грустный оттенок. Люди Дивного нового мира «рождались» в инкубаториях, проделав долгий, и для четырех низших каст⁵⁴ мучительный путь по конвейеру (вот и дружеский привет от Олдоса Хаксли Генри Форду): «Величаво, медленно, под тихий гул машин, продвигались конвейеры – на тридцать три сантиметра в час. Мерцали в красном сумраке бесчисленные рубины» [35].

Де-факто, социум антиутопии создает новое божество, новую веру, новые догматы. Это может ирреальный Старший Брат или ставшие мифическими фигурами и слившиеся в двуединый образ Форд и Фрейд [35], мистическая, но вполне реальная фигура Благодетеля.

Иногда этот процесс «теотворчества» связан буквально с вывертом наизнанку христианства. Так, в «Вожделеющем семени» Э. Берджесса фигуру творца именуют Гоб [11, с. 167], буквально Бог наоборот. Затем выясняется, что полное его имя – мистер Лайвгоб, Бог стал карикатурный персонажем, демиургом-неудачником, творцом ненужных людей... которого сдерживает положительный герой повелитель Гомо [11, с. 175]. Объяснение этому факту, не столько теологическое или даже идеологическое, сколько обывательское дает Дерек Фокс, брат главного персонажа: «Инстинкты говорят нам одно, а разум другое. Если бы мы позволили этой раздвоенности овладеть нами, могла бы случиться трагедия. Лучше смотреть на это, как на комическое недоразумение. Мы были правы, выбросив Бога и водрузив на его

---

⁵⁴ В романе упоминается всего о пяти кастах:

Альфы – высший персонал, управляющие и пр.

Беты – обслуживающий персонал, квалифицированные техники

Гаммы – низший технический персонал

Дельты – низший обслуживающий персонал

Эпсилон – низший персонал, работающий в условиях наиболее тяжелого труда – шахты и рудники и пр.

Альфы имели привилегированное положение.

место мистера Лайвгоба. Бог - трагическая концепция...» [11, с. 203].

Да, бог – концепция трагическая, однако связь между заповедью «плодитесь и размножайтесь» и тезисом о том, что именно мистер Лайвгоб – «автор» перенаселения на земле [11, с. 175], которая воспринимается как комическое недоразумение, выглядит как пир во время чумы. И этот трагикомический разлад продолжается в третьей части романа. Она отягощена двумя религиозными мотивами-конфликтами. Во-первых, люди отказались размножаться, и отказалась плодиться земля. Как следствие, люди испытали голод и «открыли» для себя каннибализм. И тут всплывает вопрос примитивного понимания обряда Евхаристии, разделения крови и плоти Христовой. Дети весьма набожного католика Шони, у которого нашла приют незаконно беременная супруга главного героя, не понимают ужаса каннибализма: «Но если вы едите этого парня, который Бог, так почему же это [*каннибализм – примечание мое, И.Т.*] ужасно? - осмелев, спросил Ллуэлин. - Если Бога есть можно, то почему нельзя есть Джима Уиттла, что в этом ужасного?» [11, с. 276-277]. Так христианство, лишённое сакрально-мистической оболочки становится апологией каннибализма.

Все эти религиозные концепции, очевидно, приводятся авторами точно также, чтобы вызвать неприятие системы ценностей антиутопии. Безотносительно религиозной истины и внутренней своей веры читатель должен воскликнуть, что боги антиутопии – лже-боги. Напрямую это выражается в романе «Утопия-14» Курта Воннегута. В романе присутствует две сюжетных линии – основная и дополнительная. Основная – инженер Пол Протеус отказывается от своего призвания и становится зиц-председателем, а затем и реальным лидером движения сопротивления машинной власти сверхиндустриальной экономики в Америке. Вторая – по Америке с экскурсией

путешествует некий абстрактный шах, который подумывает о принятии американской экономической и консультативной помощи и реформах в собственной стране. Шах играет роль голоса от автора; он искренне недоумевает: в чем разница между гражданами-КРРахами и рабами. В конце концов, он решает эту проблему для себя, устанавливая мнимую «синонимичность» понятий гражданин и такару-раб [17, с. 22-24]. И вот шах сталкивается с «верховой властью» США в романе – машиной ЭПИКАК-ХІV. «Баку» - называет шах ЭПИКАК, когда ЭПИКАК не может дать ответ на религиозную загадку шаха. Баку – это ложное божество, объясняет переводчик американской стороне и добавляет, что у них было племя, поклонявшееся баку, но они «”...вымерли от холеры прошлой весной. - И минуту спустя он еще добавил: - Конечно.” И пожал плечами, как бы недоумевая, чего собственно еще можно было ожидать. “Баку”» [170, с. 120].

Это приговор религиозной концепции антиутопии и антиутопии вообще. И пусть этот приговор может не быть приведен в исполнении в виртуальной реальности художественного произведения никогда, однако читатель, вынесший этот приговор вслед за автором, успокаивается – уж он-то, читатель, обладает настоящей верой. Даже если он атеист.

Подобные этому моменты, упоминавшиеся выше монологи-апологии и некоторые другие эпизоды – это элементы авторской игры в «суд» над антиутопией, где автор предстает одновременно в роли и обвинителя и адвоката дьявола и верховного судьи, читатель же – суд присяжных, над решением суда, в данной ситуации власти не имеющий. Его задача – лишь прийти к тому же выводу, что и predetermined решение суда-автора. Антиутопия – антиутопична. О возможных пагубных последствиях такой игры нам еще не раз предстоит говорить.

Наконец, последний вариант религиозных концепций, который мы считаем необходимым отметить – это концепция

обожествления самого человечества. Наиболее ярко она прослеживается в романе Е. Замятина «Мы». «Наши боги – здесь, внизу, с нами – в Бюро, в кухне, в мастерской, в уборной; боги стали, как мы: эрго – мы стали, как боги. И к вам, неведомые мои планетные читатели, к вам мы придем, чтобы сделать вашу жизнь божественно-разумной и точной как наша» [24, с. 352]. Здесь обожещается человечество, хотя мы уже упоминали, что поистине божественная фигура в романе лишь одна – Благодетель. Однако обожещается весьма специфическим образом: не люди восходят до божественного состояния, а боги – нисходят до людского. Обратная концепция технократического торжества человеческого представлена в романе-эпопее Сергея Снегова «Люди как боги» [31], который является определенным образом галактической коммунистической утопией, хотя слово коммунизм и не прозвучит там ни разу.

Новая идеология, новая религия – все это и причина и следствие появления двух весьма интересных феноменов: новояза и двоемыслия. О них мы и поведем речь дальше.

4.2.3. Новояз и двоемыслие. О новоязе писалось уже довольно много. Он называется Б. Ланиным в качестве одного из критериев антиутоического жанра и пр. Однако нам хотелось бы отвлечь внимание исследователей этой проблемы от чисто художественного пласта. Да, новояз любого автора – и не только Оруэлла – звучит хлестко, красиво, если угодно, придает миру-антиутопии объем и фактуру. Но дело не в художественных красотах или эстетическом уродстве фразы «минусминус изложен наказ» [30, с. 125]. Дело еще и в том, что язык является носителем картины мира и новояз как язык, конструируемый искусственно, сам является конструирующим, а не конструируемым фактором по отношению к этой картине, естественной по своей природе. Условимся о том, что под новоязом мы будем понимать специальную терминологию, созданную автором, семантически

измененную терминологию современного мира, которая в антиутопии обретает новое значение и языковые концепции антиутопического языка.

Мы не можем провести полноценный анализ символических систем различных вариантов новояза. Однако отметить некоторые важные моменты должны. Анализ этот будет тем более поверхностным, поскольку автор лингвистом не является. Однако и такой – поверхностный и неполный анализ необходим.

Мы уже невольно отметили все три из четырех возможных вариантов формирования новояза:

1. изменение семантической нагрузки знакомых слов. Так, слово «партия» в варианте Партия приобретает семантическую нагрузку государства, системы управления и подавления и персонификацию Старшего Брата. «Мы говорим Партия, а подразумеваем Ленин», говорим Старший Брат – а подразумеваем Партия, Океания и АнгСоц.

2. создание новых слов. Таковы, например, «Его Фордейшество», «КРРах» и т.д. Обычно словоконструирование в антиутопии связано либо с отражением технического прогресса, либо с выражением антиутопической социальной реальности; либо, наконец, с идеологической стороной жизни мира-антиутопии. Реже словоконструирование становится самодостаточной игрой, обычно в ироническом смысле. Особенно показателен в этом плане пример «Футурологического конгресса» Станислава Лема. Такие шедевры как ногизм, мывь - коллективная реальность, бустория (история будущего), живальня (квартира) [27, с. 499-500] и пр. в комментариях не нуждаются.

3. создание новой языковой концепции. В этом плане показателен собственно оруэлловский новояз и некоторые комментарии коммунистически-прогрессивных жителей Земли относительно языка отсталой планеты Торманс. Оруэлловский новояз шел по пути последовательного упрощения. Причем Оруэлл

– едва ли не единственный автор антиутопий, кто открыто осмелился связать социальную реальность с языком, который формируется картиной мира и ее же формирует. Мы уже приводили пример того, как коллега Уинстона Смита рассуждал о невозможности в будущем мыслепреступления, поскольку понятия «свобода» вообще не будет в человеческом словаре и, следовательно, в картине мира [30, с. 136].

Отмечает общую антиутопическую тенденцию к упрощению языка и Иван Ефремов в «Часе быка»: «Оно [*расхождение между орфографией и фонетикой – примечание мое, И.Т.*] наблюдалось и у нас во времена до мирового языка и до рационализации разноречья, которую заставило произвести появление переводных машин. С ускорением развития общества язык стал меняться и обогащаться, а правописание оставалось на прежнем уровне. Даже хуже: упорно упрощали орфографию, облегчая язык для ленивых или тупых людей, в то время как общественное развитие требовало все большего усложнения...» [22, с. 57]. Косвенную связь социальной реальности и языка в антиутопии можно проследить в следующем диалоге:

«- Всему причиной сексуальная невоспитанность, порождающая Стрелу Аримана. Кстати, я слыхала про вашу лекцию об эротике Земли. Вы потерпели неудачу даже с врачами, а они должны были быть образованны в этом отношении.

- Да, жаль, - погрустнула Эвиза, - мне хотелось показать им власть над желанием, не приводящую к утрате сексуальных ощущений, а, наоборот, к высотам страсти. Насколько она ярче и сильнее, если не волочиться на ее поводке. Но что можно сделать, если у них, как говорила мне Чеди, всего одно слово для любви - для физического соединения и еще десяток слов, считающихся бранью. И это о любви, для которой в языке Земли множество слов, не знаю сколько.

- Более пятисот, - ответила, не задумываясь, Родис, - триста - отмечающих оттенки страсти, и около полутора тысяч - описывающих человеческую красоту. А здесь, в книгах Торманса, я не нашла ничего, кроме убогих попыток описать, например, прекрасную любимую их бедным языком. Все получаются похожими, утрачивается поэзия, ощущение тупится монотонными повторениями...» [22, с. 333].

Конечно, здесь ведется диалог о связи духовной бедности носителя языка и бедности самого языка. Однако упрощение новояза для примитивизации мышления и исключения из него нежелательных концепций и является концепцией взаимного духовного и культурного обеднения языка и его носителя. Эпитафией новоязу звучит фраза футуролога-бусторика профессора Троттельрайнера из «Футурологического конгресса»: «Возможности языка, господин Тихий, колоссальны, хотя и небезграничны. Например, “утопиться”: представив, что это слово восходит к “утопии”, вы поймете, почему так много футурологов-пессимистов!» [27, с. 502].

4.3. «Общество под колпаком» - контролитаризм антиутопий

4.3.1. Об инструментарии управления обществом в антиутопиях. Вообще, принято считать, что инструмент сам по себе лишен моральных качеств. Булыжник успешно может стать и «орудием пролетариата» и лечь в фундамент прекрасного здания. Ланцет в руках хирурга – инструмент спасения человеческой жизни, в руках же преступника или психически больного человека – становится орудием лишения человека жизни. Спор об инструментарии управления, о том – этично ли управление вообще, охватывает самые неожиданные области научного и обыденного знания. И вновь вторгаться в эту область для нас пока смысла нет, поскольку у нас в руках есть «золотой ключик», позволяющий избежать, хотя бы временно, ловушки этического вопрошания. Антиутопия – несовершенное общество всеобщей несправедливости. Причем степень этой несправедливости и несовершенства такова, что многие авторы попадали в вербальную ловушку и давали определение антиутопии как **идеально несовершенного** общества. И если это общество торжествующей несправедливости, то любой инструмент управления в нем однозначно приобретает негативный этический окрас. Позитивного или положительного этически инструментария несправедливости быть не может.

Поэтому название «негативный инструментарий» условно. Антиутопический социум по отношению к индивиду применяет отнюдь не только кнут, но и весьма вкусные пряники. Соблазнение личности комфортом, властью, достатком – это соблазнение позитивными инструментами управления.

Поэтому мы попробуем восстановить **всю** систему управления, все инструменты, не взирая на их имманентный

характер как негативные – ибо таковыми они, априори, и являются в социуме антиутопии.

4.3.2. Управление социумом антиутопии как энергоемкий процесс. Управление предполагает сбор и анализ информации (1), целеполагание деятельности (2), выбор метода управления (3) и прогноз развития ситуации (4), внедрение выбранного метода управления (5) и оценка эффективности (контроль) (6).

В ситуации антиутопического социума вопрос о целеполагании деятельности (2) не ставится как таковой. Общая цель любой деятельности определяется идеологией – и это сохранение социального стазиса. Функция прогноза (4) – если и осуществляется, то фигурой вождя или же ему приписывается. Относительно выбора метода управления остается добавить, что этот этап не играет существенной роли, поскольку в каждой антиутопии – собственно, инструментарий – набор методов – определяется фантазией автора и его личными предпочтениями \ опасениями. Наиболее трудоемкий и «уязвимый» момент управления антиутопией, таким образом, - это (1) и (6). И здесь целесообразно обратить внимание на то, что в контексте социального управления эти пункты, де-факто, идентичны. Оценка эффективности и контроль исполнения управленческого решения № 1 становятся базисом для сбора и анализа информации управленческого решения № 2. Реальная управленческая деятельность, таким образом, сводится к постоянному контролю (сбору информации) и к коррекции линий поведения людей, которые нарушают состояние стазиса.

Следует провести еще одну линию разграничения антиутопических моделей: по их «энергетическому состоянию». Социум «Возвращения со звезд» пребывает в состоянии «энергетического гомеостаза» - любое напряжение человеческой энергии – психической, физической и пр. – исключено [26]. Даже творчество ограничено этими барьерами. Социум Океании в романе

Оруэлл перенасыщен энергией – она выплескивается в виде дикой агрессии двухминутки ненависти, парадов, публичных казней, гиперактивности детей, которые следят за всеми, включая собственных родителей и т.д. Не даром Джулия говорила Уинстону Смиту: «Партийный идеал – это нечто исполинское, грозное, сверкающее: мир стали и бетона, чудовищных машин и жуткого оружия, страна воинов и фанатиков, которые шагают в едином строю, думают одну мысль, кричат один лозунг, неустанно трудятся, сражаются, торжествуют, карают – триста миллионов человек – и все на одно лицо» [30, с. 152]. Да, партийный идеал не соответствует реальности, однако лишь в силу того, что организация социальной энергии несовершенна, о чем будет «говорить» в «своей» книге Гольдштейн [30, с. 240-243; 25-255].

Аналогично перенасыщен энергией социум Единого Государства в романе «Мы». Наоборот, в состоянии уравновешенности находится социум «Утопии-14» Курта Воннегута. Малочисленная, но высокоорганизованная группа инженеров, технически оснащенных и укрепивших свою мощь машинами – от простейших механизмов до управленческих компьютеров уравновешивает потенциал косной массы КРРахов, гораздо большей по численности. Потребуется вмешательство Эдда Финнерти и, более того, присоединение Пола Протеуса [17, с. 278-283], чтобы КРРахи обнаружили свой социально-энергетический потенциал. В этом последнем случае система тоже перенасыщена энергией, однако состояние уравновешенности не обнаруживает «разность потенциалов», до тех пор, пока вмешательство Протеуса и Финнерти это равновесие не нарушают. Мы примем наиболее часто встречающееся энергонасыщенное состояние антиутопической социальной модели как «синергетически-напряженное», а вариант энергетического «гомеостаза» как энтропийную модель.

Все эти размышления не были абстрактными и не пытались конъюнктурно привлечь синергетическую парадигму и теорию хаоса «для пущей убедительности». Они очень четко работают на понимание двух принципиально разных моделей управления в антиутопиях.

Попробуем распределить анализируемые нами антиутопические модели по группам предложенной нами периодизации

Гомеостатическая модель: «Возвращение со звезд», «Футурологический конгресс», «Цивилизация Статуса» (общество Земли), «Мечтают ли андроиды об электроовцах», «Мы», «Хищные вещи века», «Билет на планету Транай», «Вождедеющее семя» (период пелфазы), «Гаттака» (фильм).

Напряженная модель: «1984», «Цивилизация Статуса» (общество Омеги), «Утопия-14», «Час быка», «Вождедеющее семя» (периоды интерфазы и гусфазы), «Операция “Венера”», «Мечеть Парижской богоматери», «Обитаемый остров», «Заводной апельсин», «Макроскоп», «Эквилибриум» (фильм)

Очевидно, антиутопии тяготеют к «напряженной» модели и это обоснованно – наибольший негативный отклик читателя, очевидно, вызывают именно такие произведения. Причем, если выше мы упоминали слово «напряженный» относительно социально-энергетической насыщенности антиутопии, то теперь – и эти понимания соотнесены друг с другом – мы говорим о напряженности, как о напряженности психологической, напряженности восприятия читателем. Гораздо большее впечатление производит насыщенный насилием, жестокостью, мрачным торжеством всевластия государства «1984» Оруэлла [30], чем спокойное, но от того не менее антиутопичное «Возвращение со звезд» Станислава Лемма [26]. Естественно, что «жизнь богаче любой схемы» - не все антиутопии можно однозначно соотнести с таким принципом. Например, мы затрудняемся однозначно

определить место в такой схематизации романа Замятина «Мы» [24]. Однако дело здесь, скорее, не в недостатках принципа типологизации, а в особенностях самого художественного произведения. Какими-то деталями автор пренебрегает, что-то сам не захотел отразить, ибо не счел нужным или не вписывающимся в концепт своей социальной модели и т.д. Не всегда «напряженная» модель антиутопии сопряжена с открытым насилием и жестокостью государства. Так, «напряженность» социума в повести «Операция “Венера”» заключается, скорее, в социальных отношениях, вызванных высочайшей плотностью населения: «Только потом стюардесса сказала мне, что под упавшим контейнером погибло пять пассажиров и дело, кажется, получит огласку. Но это я узнал, уже подлетая к Нью-Йорку. А пока только одно запечатлелось в моей памяти - выражение горечи и гнева на фарфоровом личике Джека и слова, которые он то и дело повторял: - Слишком много людей, Митч. Слишком тесно. Я с вами, Митч, нам нужна Венера, нам нужен космос... » [25, с. 187]. В «Утопии-14», как мы уже говорили, социальное напряжение находится в состоянии хрупкого неустойчивого равновесия. В «Цивилизации Статуса» Роберта Шекли антиутопическое представлено двумя противоположными мирами: миром преступников, находящимся в состоянии сверхнапряжения, и сытой, благоустроенной гомеостатической Землей [40]. Однако и рай, и ад земной цивилизации являются мирами **статуса**, который либо нагнетает напряжение, либо приводит к сытому и сонному спокойствию и утрате витальности. На Земле романа Филиппа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» («Бегущий по лезвию бритвы») мир пришел в состояние социально-энергетического гомеостаза, однако отголоски бывшего сверхнапряжения еще ощущаются, указанием на это служит хотя бы постъядерный сюжет повествования [20]. Общество псивилизации в повести «Футурологический конгресс», вероятно, напряжено, но авторская

ирония Лема маскирует это напряжение, не позволяет обнаружить его. К тому же антиутопическое управление этой модели обладает определенной спецификой, которая практически исключает аккумуляцию социального напряжения [27, с. 524]. Гомеостатическая, энтропийная модель антиутопии – скорее, исключение, чем правило

4.3.3. Гомеостатическая модель управления. Попробуем довольно кратко выделить общие моменты гомеостатического состояния социума антиутопии и те механизмы управления им, которые приводят к формированию этой модели.

Самую простую группу анализа составляет «трио» «Футурологический конгресс», «Цивилизация статуса» (в своем земном варианте) и «Возвращение со звезд». В псевдоцивилизации будущего «Футурологического конгресса» химиократия подавляет (!) все агрессивные устремления при помощи химических препаратов, модулирующих человеческое поведение и восприятие реальности – подавление искусственной компенсацией [27, с. 472-473]. Неустрашимые же агрессивные стремления сублимируются путем психимического галлюцинирования. В «Цивилизации статуса» в программу школьного обучения входит гипнопедический курс, который формирует в психике будущего гражданина законопослушность. В случае же, если гражданин нарушает закон, запускается вторичная психологическая программа, которая принуждает его к добровольному признанию и вынесению приговора самому себе (судя по всему, приговор один – высылка с планеты) [40]. В «Возвращении со Звезд» на протяжении нескольких поколений производится операция «беритризации» [26]. Это биохимическое воздействие на организм, которое исключает физиологическую возможность агрессивного поведения для человека. Правда, косвенным следствием становится то, что человек отказывается и от любых спортивных состязаний и пр., что связано с риском, травмоопасностью [26, с. 261-272].

Весьма условно причисляемая к антиутопиям повесть братьев Стругацких «Хищные вещи века» не нуждается как таковая в специфической модели управления: ее антиутопичность заключается уже в том, что утопическая цивилизация, разрешив проблему материальных благ и достигнув высот технического прогресса, порождает не только потребительскую модель поведения, но и поиск недоступных ощущений. Новый «наркотик», буквально сжигающий людей, на проверку оказывается всего лишь радиоэлектронной деталью и солью для купания [32].

Цивилизация «Билета на планету Транай» Роберта Шекли [39] пошла по иному пути. Эту ситуацию следует проанализировать особенно. Часто упускается из виду тот момент, что произведения утопического-антиутопического метажанра редко создаются «просто так». Даже постъядерные «страшилки» также отражают собственный страх автора перед ядерным конфликтом (что, кстати, является одной из важных черт социума «напряженных» антиутопий и мы еще будем об этом говорить). Ироническое произведение Р. Шекли «Билет на планету Транай», как будто бы принадлежит к числу утопии-ради-утопии, насмешки над самой утопической идеей. Попробуем разобраться, так ли это. Большинство характерных черт социального устройства и системы управления Траная Шекли дает в достаточно кратком вступительном диалоге путешественника-идеалиста Гудмэна («Хорошего человека»?) и представителя «миграционной службы» Траная: «- Я слышал, что на Транае **не было войн** [*здесь и далее выделение мое – И.Т.*] уже в течение четырехсот лет.

- Шестисот лет, - поправил его Мелит. – Нет, и не предвидится.

- Кто-то мне сказал, что на Транае **нет преступности**.

- Верно.

- И поэтому здесь **нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных**

следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

- Мы в них просто не нуждаемся, - объяснил Мелит, - потому что у нас не совершается преступлений.

- Я слышал, - сказал Гудмэн, - что на Тране **нет нищеты.**

- О нищете и я не слыхивал, - сказал весело Мелит. – Вы уверены, что не хотите сигару?

- Нет, спасибо. - Гудмэн в возбуждении наклонился вперед.

- Я так понимаю, что вы создали **стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.**

- Совершенно верно, - сказал Мелит.

- То есть ваше общество является **обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.**

Мелит кивнул.

- В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

- Верно ли, что вы открыли **способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов - способ, основанный только на индивидуальном желании?** - настойчиво интересовался Гудмэн.

- Да, конечно.

- Правда ли, что правительство Тране **не знает коррупции?**

- Никакой, - сказал Мелит, - видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

- Значит, капитан Сэвидж был прав! - воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. - Вот она, Утопия!

- Нам здесь нравится, - сказал Мелит...» [39, с. 10-11].

Любопытно отметить, что хотя все – по законам иронического жанра – окажется не так, как подразумевал Гудмэн, все же Мелит

не соврал ему ни в одном слове. И только один-единственный раз Мелит – даже не соврал, а уклонился от ответа, сказал не всю правду. Это самый конец приведенного отрывка:

«- Вот она, **Утопия!**

- **Нам здесь нравится,** - сказал Мелит.»

Гудмэн подразумевает идеальное общество – и оно выглядит таковым, судя по его вопросам и ответам Мелита. Однако Мелит прекрасно знает, с чем Гудмэну предстоит столкнуться на самом деле, и отвечает честно, не сообщая при этом всей правды: «Нам здесь нравится». «Это не утопия, но ... “нам здесь нравится”» - вот так должен был бы выглядеть идеально – утопически! – честный и полный ответ Мелита.

Разберемся, где скрывается подвох? Почему спустя непродолжительное время Гудмэн улетел спешно домой, на Землю, хотя проделал длительное и опасное путешествие через всю галактику и такое же путешествие ему предстоит по дороге домой [39, с. 8, 44].

Преступлений действительно нет, поскольку убивший один раз считается только потенциальным убийцей (и так вплоть до 10 убийств, впрочем, судя по действиям Мелита, реальным убийцей редко кто становится в силу полностью развязанных в этом плане рук у представителей власти). Ограбление тоже не является преступлением – это средство взимания налогов государственными чиновниками, и способ «распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов - способ, основанный только на индивидуальном желании» [39, с. 22-23]. Нищеты нет, поскольку: 1) нищенством официально занимаются люди пенсионного возраста, при этом вполне обеспеченные [39, с. 28-29]; 2) есть группа, которая поддерживается государством на грани нищеты, но «когда приближаешься к этому состоянию, особой разницы не замечаешь» [39, с. 25]. Следует отметить, что коррупции, мошенничества и прочей «нечистой игры» со стороны

правительственных чиновников не может быть, поскольку любой гражданин имеет право дать команду на самоуничтожение медальону, символизирующему государственную власть и постоянно висящему на шее у всех, вплоть до президента Траная [39, с. 39-40].

Общество Траная саморегулируется на основе всеобщего права на любые действия по отношению к другому человеку. Насилие процветает, но общество счастливо. И иронический тон Роберта Шекли мешает восприятию этого общества как однозначно антиутопического. Но снова мы сталкиваемся с «апологией» антиутопии:

«- Но это несправедливо! - закричал Гудмэн.

- А кто сказал, что справедливо? - заорал, в свою очередь, Мелит. - **Какое отношение справедливость имеет к Утопии** [выделение мое – И.Т.]?

- Прямое! - усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. - Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

- Громкие слова, - сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. - Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой природы, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения» [39, с. 38].

Кстати, семейные отношения тоже постигла весьма интересная участь: женщин держат в некоем дерсин-поле, время для них останавливается. Несколько раз в неделю – отдохнувший, свободный от дел и забот муж отключает поле, развлекается с

женой и снова помещает ее в дерсин-поле. Женское рабство? Возможно, но у истории есть неожиданное продолжение. Время идет, муж стареет, а жена за это время стареет едва ли на несколько месяцев. И вот – богатая, обеспеченная, молодая и все еще красивая вдова вполне может позволить себе любой отдых и любое путешествие. При этом замужество ее прошло рядом с любящим человеком, который – субъективно для женщины – всегда рядом, всегда чуток и внимателен (что для мужчины два раза в неделю несложно, - иронизирует Шекли) [39, с. 41-43].

Итак, над чем же в целом иронизирует Шекли? Есть ли у его утопии реальное основание, или это насмешка над собственной фантазией? Какая идеология предполагает расширительное толкование прав человека, вплоть до непризнания человека виновным до тех пор, пока его вина не доказана? – абсолютно справедливый и верный принцип права, только возведите его в полную степень и получите... Транай. Шекли иронизирует над либертарианскими воззрениями, достаточно популярными в США в определенный период времени. И его утопия-антиутопия – насмешка над попыткой построить идеально-либертарианскую модель общества. Общество Траная гоместатично, энтропия вседозволенности рассеяла всякую социальную энергию несогласия.

Нам стоит завершить анализ этого произведения. Отметим лишь еще то, что, когда Гудмэн вернулся к себе домой, на Землю, он «осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикирской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому. <...> Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикирскую лигу за лишение женщин избирательных

прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?» [39, с. 44-45].

Гомеостатические антиутопии балансируют на тонкой грани: сложно воспринять их антиутопичность, еще больше, чем в «напряженных» моделях, она зависит от субъективного восприятия человека. В конце концов, найдется хотя бы несколько читателей, возжелавших жить на Транае, или лемовской беритризированной Земле. И это служит еще одним кирпичиком для доказательства тезиса о том, что утопичность и антиутопичность модели зависят не от ее объективной социальной реальности, а от субъективного восприятия читателя.

Вернемся к «напряженным» моделям – тут система управления должна цвести пышным цветом: сбор информации, контроль, принуждение, манипуляции, прямое насилие, пропаганда – всему этому найдется место в антиутопиях этого рода.

4.3.4. «Напряженные» модели: перманентный контроль. Сферу управления «напряженных» антиутопий можно разделить на три части: «самоуправление», основанное на строгой и четкой регламентации поведения; сферу наблюдения и контроля; сферу прямого управления (как правило, насильственными методами). Собственно, «самоуправление», или точнее регламентация повседневности, исключая неподчинение, эффективно только при развитых механизмах контроля.

Начнем наш анализ с методов постоянного контроля социума и отдельных индивидов. «Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни встал, глаза тебя не отпускали. СТАРШИЙ БРАТ смотрит на тебя – гласила надпись <...> С каждого заметного угла смотрело лицо черноусого. С дома напротив – тоже. СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ - говорила подпись и темные глаза глядели в глаза Уинстону...» [30, с. 97-98].

Это было действительно так – Старший Брат смотрел постоянно, при помощи устройства, которое Оруэлл новаторски

назвал телекраном: «Телекран работал на прием и на передачу. Он ловил каждое слово, если его произносили не слишком тихим шепотом; мало того, покуда Уинстон оставался в поле зрения мутной пластины, он был не только слышен, но и виден. Конечно, никто не знал, наблюдают за ним в данную минуту или нет. Часто ли и по какому расписанию подключается к твоему кабелю полиция мыслей – об этом можно было только гадать. Не исключено, что следили за каждым и круглые сутки» [30, с. 98].

Этот контроль играет в романе значительную роль. Отсутствие телекрана становится основанием доверия, даже если других оснований нет, как мы уже отмечали относительно непонятого доверия Уинстона Смита О'Брайену. Да, Уинстон Смит поверил, потому что что-то в облике О'Брайена вызывало симпатию [30, с. 98], однако окончательно ситуация безусловного доверия сформировалась, когда О'Брайен выключил телекран. Да и выбор места тайных свиданий с Джулией был обоснован отсутствием в этой комнате телекрана [30, с. 98]. Но контроль и провокация идут рука об руку друг с другом – как выяснилось, телекран в этой комнате был [30, с. 265-267].

Контроль и репрессии (в случае обнаружения мыслепреступников) осуществляет Полиция Мыслей и Министерство Любви [30]. Более того, даже дети исполняют делаторативные⁵⁵ функции – Уинстон Смит замечает, что дети его коллеги Парсонса однажды, вероятно, донесут и на своего отца [30, с. 143-144]. Доносят друг на друга и простые партийцы – так, Уинстон в начале романа опасался доноса со стороны Джулии [30, с. 143]. Этот многомерный контроль пронизывает общество насквозь, он выходит даже за пределы городского ландшафта в загородную рекреационную зону [30, с. 185].

---

⁵⁵ От латинского *delator* - доносчик о преступлениях, влекших за собой имущественное взыскание. Бессовестные люди во времена римских императоров занимались такими доносами как доходным ремеслом, т.к. они получали определенную часть взыскиваемой с виновного пени

Непрерывно контролируется социум в романе Курта Воннегута «Утопия-14». Однако там контроль имеет иную природу. Каждая личность проходит тестирование на «показатель интеллекта» и, очевидно, другие критерии личностного развития. Эта учетная карточка служит основанием для постоянного контроля: «И машины безуданно перебирают колоды своих карточек, пытаюсь снова и снова обнаружить бездельников или просто упущения...» [17, 73]. Причем контроль этот, видимо, имеет более многогранную природу – выясняется, что ведется и учет потенциальным «саботажникам» [17, с. 254-257] (тем, кто может протестовать против власти машин и механизации экономики), а, следовательно, машины приняли и функции полицейского контроля. Очевидно и то, что функции контроля (в том числе и их составную часть - доносительство) берет на себя в утопической Америке и элита этого общества. В клятву инженеров входит следующая формулировка: «Я буду выискивать врагов народа, врагов лучшего мира для будущего всех детей и стану безжалостен к ним» [17, с. 217].

Контролируется социум Единого Государства в романе Евгения Замятина. Там эти функции осуществляет Бюро Хранителей. Им посвящены поэмы, их «тяжелая и трудная служба» пропагандируется детям. Так, Д-503 вспоминает стихи, которые они проходили в школе и поэму «Шипы», посвященную Хранителям: «Хранители – шипы на розе, охраняющие нежный государственный цветок от грубых касаний... Чье каменное сердце останется равнодушным при виде невинных детских уст, лепечущих как молитву: “Злой мальчик розу хватить рукой. Но шип стальной кольнул иглой, шалун – ой, ой – бежит домой” и так далее?» [24, с. 352].

Однако постоянным присутствием хранителя S-4711 (и другие Хранители «незримо присутствуют среди нас» [24, с. 319, 352]) не исчерпывается «методология» социального контроля в Едином

Государстве. Точно также социальный контроль исполняется добровольцами-делателями. Причем к доносительству, очевидно, есть прямое правовое указание. I-330 склоняет Д-503 «к пособничеству ей», угрожая:

«- А ведь вы не были в Бюро Хранителей?

- Я был... Я не мог: я был болен.

- Да. Ну я так и думала: что-нибудь вам должно помешать – все равно что (– острые зубы, улыбка). Но зато теперь вы – в моих руках. Вы помните: «Всякий номер, в течение 48 часов не заявивший Бюро, считается...» [24, с. 341].

Доносит на Д-503 другой персонаж женского пола – Ю, причем это единственный персонаж, относительно которого главный герой сообщает, что не хочет называть ее цифр, ибо боится написать о ней что-нибудь плохое [24, с.339].

Наконец, привлечены для социального контроля чисто технические изобретения. Так, Д-503 упоминает, что вычислял кривизну уличной мембраны «нового типа», и из его слов следует, что Бюро Хранителей посредством этой мембраны прослушивает уличные разговоры [24, с. 342].

Следует заметить, что всеобщему и взаимному контролю способствует и сама специфика... архитектуры Единого Государства в романе. «А так среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха стен – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий руд Хранителей. Иначе мало ли бы что могло быть» [24, с. 319].

Контролируется социум в романе Рэя Брэдбери «451? по Фаренгейту». Причем не только и не столько пожарными. Контроль здесь, судя по всему, имеет чисто делаторативную природу: пожарные выезжают на сожжение запрещенной литературы по вызовам соседей [14, с. 36].

Мы не будем разбирать подробно, упомянем лишь, что доносительство и социальный контроль, осуществляемый особыми органами так или иначе фигурируют в романах Ф.К. Дика «Человек в высоком замке» [21], Е.Чудиновой «Мечеть Парижской богородицы» [41], С. Корнблата и Ф. Пола Операция «Венера» [25] и т.д.

Дивный Новый мир, созданный Олдосом Хаксли, не нуждается в системе контроля – по своей сути, это даже не гомеостатическая, а гармоническая антиутопия. Любопытно лишь то, что Хаксли – при всех ужасах торжества технократии и фрейдистско-бихеовиористской концепции воспитания – оказывается гораздо более гуманным к своим героям, за исключением Дикаря. И Бернард Маркс и Уотсон Гельмгольц⁵⁶ высылаются главноуправителем Мондом на Исландию – одну из «территорий изоляции» для не вписывающихся в социум личностей [35, с. 687-690].

Закончить анализ системы социального контроля в антиутопиях мы хотели бы кратким обзором этого сегмента сферы управления в двух отечественных произведениях – «Обитаемом острове» и «Часе быка».

Эти произведения вынесены нами отдельно по простой причине: оба романа демонстрируют, в целом, уникальную ситуацию – человек из утопии (причем в обоих случаях – де-факто, коммунистической) попадает в антиутопию. И в обоих случаях, присутствуют намеки на то, что развитая система социального контроля присутствует не только в антиутопическом социуме, но и в утопическом. Сарракш «Обитаемого острова» связан с миром Полдня, и социальный контроль в этом мире вполне развит, но несет, естественно, позитивный смысл. На самом Сарракше

---

⁵⁶ Именам романа «О дивный новый мир» посвящено уже довольно много внимания в критической и научной литературе, поэтому мы не будем заострять внимание на этой детали. Хотелось бы добавить, что своего исследователя ждет не просто проблема переноса Хаксли имен деятелей науки и культуры, политических деятелей и т.д. на своих персонажей, а принцип отбора «прототипов» и принцип комбинирования имен разных прототипов в одном персонаже.

функции социального контроля исполняет Гвардия, точно также развиты делаторативные институты, есть, по-видимому, и органы государственной безопасности, тем более что Страна Отцов находится во враждебном внешнеполитическом окружении [34]. Кроме того, территорию Страны Отцов накрывает сеть Башен «противобаллистической защиты». Башни ПБЗ, как в итоге выясняется, ретранслируют на всю страну излучение, лишаящее большую часть людей способности к критическому осмыслению реальности. Меньшая часть людей либо уничтожается, или отправляется в лагеря, либо рекрутируется в правительство (которое, разумеется, должно быть способно к адекватной оценке окружающего мира) [34].

Другое дело – Земля и Торманс в «Часе быка» Ивана Ефремова. На Тормансе, охваченном всепланетной олигархической диктатурой, – разветвленная система шпионажа, поощрение доносительства [22] (тем более – в условиях того социального разделения на долго- и короткоживущих, которое мы уже упоминали выше). Однако и утопическая коммунистическая Земля не избежала некоего контроля – разумеется, также положительного свойства. Мы считаем целесообразным привести эту достаточно длинную цитату полностью, чтобы читатель мог самостоятельно оценить и определить для себя степень пронизанности общества коммунистической Земли социальным контролем. «Молодая исследовательница человека и общества устыдилась, вспомнив, как на далекой Земле она не раз подвергала сомнению необходимость сложных охранительных систем коммунистического общества. Люди Земли из поколения в поколение затрачивали на них огромные материальные средства и силы. Теперь Чеди знала, что, несмотря на неизбежное возрастание доброты, сострадания и нежности, от суммы пережитых миллионов лет inferнальных страданий, накопленных в генной памяти, всегда возможно появление людей с архаическим пониманием доблести, с диким

стремлением к власти над людьми, возвышению себя через унижение других. Одна бешеная собака может искусать и подвергнуть смертельной опасности сотни людей. Так и человек с искривленной психологией в силах причинить в добром, ничего не подозревающем окружении ужасные бедствия, пока мир, давно забывший о прежних социальных опасностях, сумеет изолировать и трансформировать его.

Вот почему так сложна организация ПНОИ - психологического надзора, работающего вместе с РТИ - решетчатой трансформацией индивида - и непрерывно совершенствуемая Советом Чести и Права. Полная аналогия с ОЭС - охраной электронных связей космического корабля, только еще сложнее, многообразнее» [22, с. 104].

Сложные охранительные системы коммунистического общества, да еще и на которые «люди Земли из поколения в поколение затрачивали <...> огромные материальные средства и силы...». Это не примитивные «змееносцы» Чойо Чогаса, которые подсматривают, подслушивают и подглядывают, пусть и с использованием развитой по-тормансианским меркам технологии.

Итак, мы можем установить несколько основных форм контроля:

1. Специальные органы (функции которых, де-факто, соответствуют функциям политической полиции или тайного сыска, органам внутренней и государственной безопасности и т.д.)
2. Делаторативная активность населения – обязательная или добровольная
3. Технологический контроль: использование новейших достижений для осуществления дистанционного контроля. Это телекраны в «1984», уличные мембраны в «Мы», машинный перебор карточек в «Утопии-14».

4. Психологический контроль (характерен также для гомеостатических антиутопий и для коммунистических утопий Ефремова и, видимо, братьев Стругацких).

Контроль как сбор информации – в том числе и личной и даже более того – вроде бы недоступной ни для кого кроме самого индивида – становится базисом осуществления социального управления и диагностикой социальной стабильности. Общества антиутопий – это общества контроля, по логике Жюль Делеза, однако они же – одновременно – в большинстве своем, представляют собой классические пространства заключения [107].

В данной ситуации «базис определяет надстройку» - формы и глубина социального контроля определяют формы и методы социального управления. Насилие: физическое и психологическое, устрашение и т.д. – становятся главными методами управления там, где «сбоит» «самоуправление». Попробуем разобраться в том, как, при каких условиях и на каких основаниях в социуме антиутопии легитимизировано государственное насилие.

4.3.5. Преступление: закон против традиции. «Уинстон не знал, из-за чего попал в немилость Уидерс. Может быть, за разложение или плохую работу. Может быть, Старший Брат решил избавиться от подчиненного, который стал слишком популярен. Может быть, Уидерс или кто-нибудь из его окружения заподозрен в уклоне. А может быть, – и вероятнее всего, - случилось это просто потому, что чистки и распыления были необходимой частью государственной механики» [30, с. 131]. Уинстон Смит не совсем прав, дело не только в том, что «чистки и расселения были необходимой частью государственной механики», хотя и это, безусловно, соответствовало действительности, тем более, что ближе к концу романа О'Брайен косвенно подтвердит его мысль: «Цель власти – власть. Цель насилия - насилие». Однако дело еще и в том, что у антиутопического совершенно особенные отношения

между законом и традицией. В Океании образца антиутопического 1984 года не закон имел верховенство, и даже не традиция определяла закон. Традиция, причем не догматизированная и ритуализированная, формальная традиция, и была законом. Когда Уинстон Смит открывает тетрадь в мраморной обложке, чтобы начать свои дневниковые записи, то отношения между традицией и законом устанавливаются совершенно ясно: «Это не было противозаконным поступком (противозаконного вообще ничего не существовало, поскольку не существовало больше самих законов), но если дневник обнаружат, Уинстона ожидает смерть или в лучшем случае двадцать пять лет каторжного лагеря» [30, с. 101].

Схожую ситуацию мы обнаруживаем в романе «Утопия-14». «- Белые [*одна из четырех команд молодых перспективных инженеров, собираемых со всей Америки для личного развития, определения карьерных перспектив и т.д. в специальном «лагере» - на Лужке – примечание мое, И.Т.*] победят! – выкрикнул низкорослый щуплый юнец с большими зубами.

Пожилые взглянули на него с грустным и печальным неодобрением. Сейчас не время для подобных шалостей. Сейчас наступил момент, когда этого делать не полагалось. Это явное проявление дурного тона отравит юнцу все его двухнедельное пребывание здесь, а возможно, и всю последующую карьеру. В одно мгновение он превратился в «мальчишку, который завопил во время мемориальной службы». Этого будет достаточно, никому не придет в голову заниматься им дальше. Разве что он вдруг окажется великолепным спортсменом... Нет его тщедушие и бледная кожа указывали на то, что и эта дорога к прощению для него закрыта

Пол посмотрел на юнца с сочувствием. Ему вспомнились подобные же неудачи, свидетелем которых он был раньше. Человек этот, страшно одинокий, начнет теперь пить, и его никогда больше не пригласят вновь» [17, с. 193].

Итак, возможности карьерного роста для молодого человека закрывает нарушение традиции, причем следствием этого, как думает Пол Протеус, станет то, что «человек этот, **страшно одинокий, начнет теперь пить...**». Нарушение традиции – причем неписанной традиции – становится причиной социального ostracism.

Вообще же, «Утопия-14» в этом плане – царство абсурда и идеальная иллюстрация. Некий инженер Гарт решил отомстить коллегам за неудачи собственного сына, не сумевшего пройти отбор по показателю интеллекта на обучение в инженерном колледже. Он срезает кору с Дуба, являющегося на Лужке символом социальной корпорации инженеров. «Гарта заперли в здание совета под стражей обозленных дюжих инженеров и управляющих. Ему мрачно посулили, что влепят на полную катушку – он попадет на многие годы в тюрьму, да к тому же ему придется уплатить такой штраф, что это просто сотрет его с лица земли.

Когда полиция прибыла на остров, чтобы увезти его, полицейские, заразившись этим всеобщим настроением, обращались с Гартом как с самым опасным преступником века

“И только когда мы уже прибыли сюда и встал вопрос о предъявлении мне обвинения, они, наконец, спохватились”, - простучал он.

Пол – и сам охваченный благоговейным ужасом перед преступлением Гарта – не сразу понял, в чем дело.

“Как это?” - простучал он.

“Ха, - простучал Гарт. – А в чем состоит мое преступление?”

Пол недоумевающее усмехнулся.

“Убийство дерева?” - выстучал он.

“Покушение на убийство дерева, - выстучал Гарт. - Эта штука все еще жива, хотя, по-видимому, никогда больше не будет приносить желудей”» [17, с. 298-299].

И проблема не в том, что Гарт нарушил юридически установленное течение сбора младших и талантливейших инженеров. Проблема в том, что он – едва не послужил причиной гибели олицетворения Традиции: «- Таков наш обычай, - говорил Кронер, - обычай, установившийся здесь на Лужке, - **наш обычай на нашем Лужке** [*выделение мое – И.Т.*] – встречаться под нашим деревом, нашим символом силы корней, ствола и ветвей, нашим символом мужества, единства, стойкости и красоты» [17, с. 193-194].

Источником репрессивных методов в антиутопии является, таким образом, некая Традиция, а вовсе не закон. Это выглядит вполне обоснованным хотя бы и потому, что закон связывает не только преступника, но и правоохранителя. Правоохранитель должен и вынужден действовать в рамках собственных законов, ни один же «старший брат» не согласится так ограничить свои действия. «Великий стратег был более чем стратегом. Стратег всегда крутится в рамках своей стратегии. Великий стратег отказался от всяких рамок. Стратегия была лишь ничтожным элементом его игры, она была для него так же случайна, как для Андрея – какой-нибудь случайный, по прихоти сделанный ход. Великий стратег стал великим именно потому, что понял (а может быть, знал от рождения): выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет отказаться в нужный момент от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а когда понадобится – отказаться и от них...» [33].

Впрочем, следует отметить, что есть еще два источника инициации репрессий. Во-первых, это, собственно, маниакальная жестокость («жестокость ради жестокости» О'Брайена). Во-вторых, предельно-рациональное, прагматичное отношение к людям, которое для инициации репрессий не нуждается ни в Законе, ни в Традиции.

В систему «традиция-репрессия» необходимо тогда добавить два элемента: актора-субъекта и индивида-объекта насилия. Их отношения можно охарактеризовать словосочетанием «полное бесправие» объекта по отношению к субъекту. Апологию этого бесправия личности по отношению к обществу и государству мы находим у Е. Замятина: «У меня по отношению к Единому Государству есть это право – понести кару, и этого права я не уступлю. Никто из нас, нумеров, не смеет отказаться от этого единственного своего – и тем ценнейшего права. <...> Так вот – если капнуть [*кислоты на лакмусовую бумажку – реактива на индикатор – примечание мое, И.Т.*] на идею «права». Даже у древних – наиболее взрослые знали: источник права – сила, право – функция от силы. И вот – две чашки весов: на одной грамм, на другой – тонна, на одной – «я», на другой – «Мы», Единое Государство. Не ясно ли – допускать, что у «я» могут быть какие-то «права» по отношению к Государству, и допускать, что грамм может уравновесить тонну – это совершенно одно и то же. Отсюда – распределение: тонне – права, грамму – обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты – грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны» [24, с. 383].

В ситуации торжества недогматизированной, неоформленной Традиции над законом, при полном бесправии личности пытаться изучать содержательную специфику преступления бесполезно. Любые преступления должны соотноситься с «триединой целью» существования всего государственного аппарата антиутопии. Мешают ли действия индивида всеобщему счастью? Нарушают ли они общественную стабильность? Покушается ли индивид на власть вождя и иерархический принцип социальной структуры? Ответ «да» на любой из этих вопросов запускает сложный механизм репрессий. «- Вот уж Комиссар-то действительно виноват, - проговорил капитан. - Он предал не только брата. Он предал Государство и свое высокое положение в этом Государстве.

Он совершил самое отвратительное и самое глупое из преступлений, понимаете ли» [11, с. 238-239].

Однако если содержательно рассматривать преступления в антиутопии невозможно, рассматривать методы репрессивной политики как частности также не имеет смысла, то вполне резонной представляется попытка генерализации функций репрессивного аппарата в системе антиутопий.

4.3.6. Функции аппарата репрессий. Репрессивный аппарат принимает на себя длинный перечень функций:

- тотальная слежка (для чего тщательно культивируется состояние всеобщего доносительства – «1984», «451? по Фаренгейту», отслеживание массовых настроений, провокации – «451? по Фаренгейту», «1984», «Мы», «Утопия-14», технологическая аппаратура – «1984», «451? по Фаренгейту», «Мы», «Утопия-14», провоцирование внешнеполитическими силами – «1984»)

- поиск и поимка преступника (массовая мобилизация – «451? по Фаренгейту», технологические средства – «1984», использование полиции или спецслужб – практически все антиутопии «напряженной модели»)

- подавление масштабных выступлений насилием – армия,

- физическое уничтожение преступника

- перевоспитание преступника (насилием, пытками – «1984», прямым психологическим воздействием на личность – «Мы», «1984»).

Следует иметь в виду, что развитый репрессивный аппарат представлен в большинстве случаев в «напряженных» моделях. При этом парадоксален факт того, что в большинстве случаев аппарат подавления предельно централизован, однако не предпринимает попыток получить власть в свои руки. За исключением тех случаев, когда он создавался как органичный симбионт непосредственно исполнительной власти («1984»). В редких случаях правительство и

основы государственного устройства остаются за кадром («451? по Фаренгейту»), а внимание концентрируется на социокультурных проблемах и самом аппарате подавления как частной и автономной единицы.

В плане репрессивной политики, редко какая антиутопия «напряженного» типа моделирует феномены, не имевшие аналогов в человеческой истории. Практически весь спектр репрессивных методов дается Гольдштейном в мифической книге мифического «Братства» Океании: «И в соответствии с общим ужесточением взглядов, обозначившимся примерно к 1930 году, возродились давно (иногда сотни лет назад) оставленные обычаи – тюремное заключение без суда, рабский труд военнопленных, публичные казни, пытки, чтобы добиться признания, взятие заложников, выселение целых народов; мало того: их терпели и даже оправдывали люди, считавшие себя просвещенными и прогрессивными» [30, с. 252].

От лица Гольдштейна Оруэлл проводит собственную мысль, которая определяет смысл романа. Попробуем проследить эту мысль и обосновать следующий тезис, который многим читателям, возможно, покажется кощунственным: Оруэлл не любил Уинстона Смита как персонажа и считал его столь же неправым, сколь неправ с точки зрения читателя О'Брайен. Эти персонажи – симметричные близнецы... только О'Брайен честнее.

4.3.7. «Близнецы» Смит и О'Брайен: торжество принципа «цель оправдывает средства». Мы уже знаем, что О'Брайен вызывал симпатическое преклонение Смита перед ним. Смит поверил О'Брайену еще до того, как тот – якобы! – оказался членом Братства. Смита ожидала тяжелая судьба – арест, пытки комнаты 101, полная перестройка мышления и, фактически, разрушение личности, предательство Джулии, в конце концов – смерть. Все это, как будто, говорит нам о том, что глубинный смысл романа Оруэлла – заключается в безысходности власти Партии, в его

мнении о вечности тоталитарного режима, который однажды охватит всю планету.

Но давайте попробуем приглядеться внимательнее к Уинстону Смиту. Что известно нам об этом человеке? В детстве он послужил, вероятно, косвенной причиной смерти матери и сестры (последнюю, возможно, отправили в сиротскую партийную школу) – так он признается Джулии сам [30, с. 217-219]. Это боящийся всего и вся старик, отчаявшийся человек, ненависть которого вызывает, как ни странно, не власть партии. Его мотивы – и он пишет об этом совершенно ясно – иного свойства: «Всегда ли так неприятно было твоему желудку и коже, всегда ли было это ощущение, что ты обокраден, обделен? Правда, за всю свою жизнь он не мог припомнить ничего существенно иного. Сколько он себя помнил, еды никогда не было вдоволь, никогда не было целых носков и белья, мебель всегда была обшарпанной и шаткой, комнаты нетопленными, поезда в метро – переполненными, дома – обветшалыми, хлеб – темным, кофе – гнусным, чай – редкостью, сигареты – считанными, ничего дешевого и в достатке, кроме синтетического джина. Конечно, тело старится, и все для него становится не так, но, если тошно тебе от неудобного, грязного, скудного житья, от нескончаемых зим, заскорузлых носков, вечно неисправных лифтов, от ледяной воды, шершавого мыла, от сигареты, распадающейся в пальцах, от страшного и мерзкого вкуса пищи, не означает ли это, что такой уклад жизни ненормален? Если он кажется непереносимым – неужели это родовая память нашептывает тебе, что когда-то жили иначе?» [30, с. 99, 142].

Власть Партии для него – не безнадежное рабство. В конце концов, до попадания в комнату 101 Уинстон Смит считает, что свобода: 1. состоит в свободе мышления и торжестве – по крайней мере, внутреннем и индивидуальном – здравого смысла [30, с. 158]; 2. не может быть в форме внутренней свободы отторгнута партией [30, с. 157-158]. То есть рабом себя Уинстон Смит не считает, а

органически не приемлет власть АнгСоца из-за плохих условий жизни, правда, и это нам тоже известно – родился Уинстон Смит до установления власти АнгСоца, но «за всю свою жизнь он не мог припомнить ничего существенно иного». И его отчаянные попытки выяснить лучше или хуже жилось до установления власти Партии [30, с. 142] только говорят нам о том, что не борцом с Партией за Здравый Смысл считает себя этот человек. Уинстону Смицу плохо, ему не нравятся условия жизни. По крайней мере, нам известен мотив – пытаться вынести ему нравственную оценку бессмысленно: беспросветность всеобщей нищеты служит оправданием такой позиции Смита. Но мы установили мотив – исходя из слов самого автора – теперь же нас интересует «состав преступления», из-за которого Уинстона Смита Оруэлл обрек на комнату 101 и смерть.

Для этого нам придется обратиться к иному отрывку – беседе Смита, Джулии и О'Брайена во время «вербовки» влюбленных героев в «Братство».

«Секунды шли одна за другой, огромные. Уинстон с трудом смотрел в глаза О'Брайену. Вдруг угрюмое лицо хозяина смягчилось как бы обещанием улыбки. Характерным жестом он поправил очки на носу.

- Мне сказать или вы скажете? – начал он.

- Я скажу, – живо отозвался Уинстон. – Он в самом деле выключен?

- Да, все выключено. Мы одни.

- Мы пришли сюда потому, что...

Уинстон споткнулся, **только теперь поняв, насколько смутные привели его сюда побуждения**. Он сам не знал, какой помощи ждет от О'Брайена, и объяснить, зачем он пришел, было нелегко. Тем не менее, он продолжал, чувствуя, что слова его звучат неубедительно и претенциозно:

- Мы думаем, что существует заговор, какая-то тайная организация борется с партией, и вы в ней участвуете. Мы хотим в

нее вступить и для нее работать. Мы враги партии. Мы не верим в принципы ангсоца. Мы мыслепреступники. Кроме того, мы развратники. Говорю это потому, что мы предаем себя вашей власти. Если хотите, чтобы мы сознались еще в каких-то преступлениях, мы готовы» [30, с. 224].

Итак, Уинстон Смит понимает, что верить О'Брайену у него оснований нет, но надо отдать должное его смелости: он дает четкое и добровольное признание в своем преступлении – он не верит во власть Партии и Старшего Брата. Оруэлл застал знаменитое изречение прокурора Вышинского: «добровольное признание обвиняемого – царица доказательств». Причем признание Смита было действительно добровольным.

Но дальше ситуация начинает развиваться по нарастающей.

«- Как вы понимаете, для начала я должен задать вам несколько вопросов. В общем и целом, что вы готовы делать?»

- Все, что в наших силах, – ответил Уинстон.

О'Брайен слегка повернулся на стуле – лицом к Уинстону. Он почти не обращался к Джулии, полагая, видимо, что Уинстон говорит и за нее. Прикрыл на секунду глаза. Потом стал задавать вопросы – тихо, без выражения, как будто это было что-то заученное, катехизис, и ответы он знал заранее» [30, с. 226].

Итак, в паре Уинстон – Джулия «политические решения» принимает Уинстон. Это важное замечание и к нему мы вернемся на следующих страницах.

Обратим внимание читателя на то, что «ответы он знал заранее» - и это действительно так. По-видимому, опытный провокатор О'Брайен успел уже не раз слушать подобные же ответы.

«- Вы готовы пожертвовать жизнью?»

- Да.

- Вы готовы совершить убийство?»

- Да.

- Совершить вредительство, которое будет стоить жизням сотням ни в чем неповинных людей?

- Да.

- Изменить родине и служить иностранным державам?

- Да.

- Вы готовы обманывать, совершать подлоги, шантажировать, растлевать детские умы, распространять наркотики, способствовать проституции, разносить венерические болезни – делать все, что могло бы деморализовать население и ослабить могущество партию?

- Да.

- Если, например, для наших целей потребуется плеснуть серной кислотой в лицо ребенку – вы готовы это сделать?

- Да.

- Вы готовы подвергнуться полному превращению и до конца дней быть официантом или портовым рабочим?

- Да.

- Вы готовы покончить с собой по нашему приказу?

- Да» [30, с. 226].

И вот, на одной странице перед нами весь неписанный уголовный кодекс Океании, да и закон о государственной измене тоже. Уинстон Смит не только **готов пойти на любое преступление, в том числе и «плеснуть ребенку в лицо серной кислотой»**, он также и втягивает в это другого человека (решения принимает не Джулия, а Смит!), причем его истинный личный мотив – не свержение власти Старшего Брата, а отсутствие жизненных удобств, нищета и пр.

Теперь обратимся к ситуации с точки зрения О’Брайена. Во-первых, как функционер Министерства Любви – репрессивного аппарата Океании – он является образцом двоемыслия. И с этой точки зрения для него помысел о преступлении является совершенным преступлением. Более того, ему представляется

уникальная возможность профилактической санации общества. Какое решение вынес бы суд присяжных Андрею Чикатило, если бы имел заранее неопровержимые доказательства его будущих преступлений? С точки зрения О'Брайена Уинстон Смит и Джулия виновны. Он не знает еще мотивов Смита, но даже допустим, что предполагает в том некоторое благородство: считает, что с властью Старшего Брата Уинстон Смит борется из идейных побуждений, за счастье и свободу всего человечества.

Конец этого диалога – скачкообразно нарастающий апофеоз:

«- Готовы ли вы – оба – расстаться и больше никогда не видеть друг друга?

- Нет! – вмешалась Джулия» [30, с. 226].

Итак, Смит и Джулия готовы даже не убийство – причем особо жестокое – ребенка, однако расстаться друг с другом они не готовы. Это слишком большая жертва для «идейных борцов» - свои собственные человеческие чувства Джулия поставила выше политической борьбы без всяких сомнений, мгновенно и жестко. И за это последнее проявление человечности судьба Джулии будет несколько милосерднее.

Итак, кроме добровольного признания в несовершенных еще преступлениях у О'Брайена появляется первое отягчающее обстоятельство. И тут же появляется и второе – если Джулия решительно не готова поставить идеи выше чувств, то Уинстон... «А Уинстону показалось, что, прежде чем он ответил, прошло очень много времени. Он как будто лишился дара речи. Язык шевелился беззвучно, прилаживаясь к началу то одного слова, то другого, опять и опять. И покуда Уинстон не произнес ответ, он сам не знал, что скажет.

- Нет. – выдавил он наконец» [30, с. 226].

Итак, романтический герой оказывается неспособным сделать самый главный выбор – выбор между политикой и чувствами. Он готов на любую подлость по отношению к другим людям, но даже

собственные чувства для него – не безусловный модулятор поведения.

С точки зрения О'Брайена, Джулия менее виновна, чем Уинстон Смит. Означает ли это, что с точки зрения самого Оруэлла прав О'Брайен? Его образ дан весьма лестными характеристиками, он вызывает доверие. Более того, в отличие от Уинстона Смита, который, терзаясь телесно, ищет оправдания своего бунта в духовной сфере, О'Брайен честно сознается: его интересует власть и насилие сами по себе, а не как средства, инструменты. У О'Брайена нет идеализма Уинстона Смита (который приписал О'Брайену мысли и образ героя: «Держался он необычайно серьезно, но в нем не было и намека на узость, свойственную фанатикам. Когда он вел речь об убийствах, самоубийствах, венерических болезнях, ампутации конечностей, изменении лица, в голосе проскальзывали насмешливые нотки. «Это неизбежно, – говорил его тон, – мы пойдем на это не дрогнув. Но не этим мы будем заниматься, когда жизнь снова будет стоять того, чтобы люди жили». Уинстон почувствовал прилив восхищения, сейчас он почти преклонялся перед О'Брайеном» [30, с. 228]).

Вместо того, чтобы оправдывать или обвинять О'Брайена мы бы хотели привлечь внимание читателя к совершенно иной ситуации и совершенно иным рассуждениям, которые по мнению автора позволяют расставить точки над *i* – кто прав, кто виноват и в чем назидательный смысл романа. Собственно, это позволит нам ответить и на вопрос, который мы уже ставили – предупреждением о чем был роман и памфлет на что или кого он собой представляет.

Во время свидания Уинстона и Джулии происходит следующая сцена.

«Под окном кто-то пел. Уинстон выглянул, укрывшись за муслиновой занавеской. Июньское солнце еще стояло высоко, а на освещенном дворе топала взад-вперед между корытом и бельевой веревкой громадная, мощная, как норманнский столб, женщина с

красными мускулистыми руками и развешивала красные квадратные тряпочки, в которых Уинстон угадал детские пеленки. Когда ее рот освобождался от прищепок, она запевала сильным контральто:

Давно уж нет мечтаний, сердцу милых
Они прошли как первый день весны
Но позабыть я и теперь не в силах
Тем голосом навеянные сны.

<...>

Но женщина пела так мелодично, что эта страшная дребедень почти радовала слух. Уинстон слышал и ее песню, и шарканье ее туфель по каменным плитам и детские выкрики на улице, и отдаленный гул транспорта, но при всем этом в комнате стояла удивительная тишина: тут не было телекрана

<...>

Уинстон праздно глядел на двор из-за муслиновой занавески. Женщина с красными руками все еще расхаживала между корытом и веревкой. Она вынула изо рта две прищепки и с особым чувством запела:

Пусть говорят мне: время все излечит,
Пусть говорят: страдания забудь.
Но музыка давно забытой речи
Мне и сегодня разрывает грудь.

Всю эту идиотскую песенку она, кажется, знала наизусть. Голос плыл в нежном летнем воздухе, очень мелодичный, полный какой-то счастливой меланхолии. Казалось, что она будет вполне довольна, если никогда не кончится этот летний вечер, не иссякнут запасы белья, и готова хоть тысячу лет развешивать тут пеленки и петь всякую чушь. Уинстон с удивлением подумал, что ни разу не видел партийца, поющего в одиночку и для себя. Это сочли бы даже вольнодумством, опасным чудачеством, вроде привычки

разговаривать с собой вслух. Может быть, людям только тогда и есть о чем петь, когда они на грани голода...» [30, с. 199-203].

В этом достаточно длинном фрагменте есть ответы на практически все интересующие нас вопросы. Во-первых, следует обратить внимание, что «нормальную», человеческую жизнь Уинстон Смит наблюдает, спрятавшись за занавеской – это подчеркивается дважды. Идеальный борец, он исключен из сферы нормальных человеческих отношений. Он не может знать простого человеческого счастья, поскольку своей борьбой и приматом идей над жизнью сам исключил себя из ее пределов: «Уинстон с удивлением подумал, что ни разу не видел партийца, поющего в одиночку и для себя».

Апофеозом этого момента служит суждение, которое Уинстон выносит из своего наблюдения: «Пролы, вдруг сообразил он, в этом состоянии так и остались. Они верны не партии, не стране, не идее, а друг другу. Впервые в жизни он подумал о них без презрения – не как о косной силе, которая однажды пробудится и возродит мир. Пролы остались людьми. Они не зачерствели внутри. Они сохранили простейшие чувства, которым ему пришлось учиться сознательно. Подумав об этом, он вспомнил – вроде бы и не к месту, – как несколько недель назад увидел на тротуаре оторванную руку и пинком отшвырнул в канаву, словно это была капустаная кочерыжка.

- Пролы – люди, – сказал он вслух. – Мы – не люди» [30, с. 220-221].

Прав не Уинстон Смит и не Джулия, прав не О'Брайен и партия. – говорит Оруэлл. Это не люди, они сами поставили политику, утопию, идею выше своей человеческой природы. Правы – пролы, которые продолжают просто жить – будь то власть «буржуа в цилиндрах», Старшего Брата или Гольдштейна. Они не строят вселенского счастья и не борются против вселенской же несправедливости. Они поют сами для себя, развешивают пеленки.

И даже партия признает их свободу, пусть и в уничижительном смысле.

Зная, кто прав (пролы!), мы можем вернуться к вопросу: на кого памфлет и отчего предостережение. Думаю, теперь уже можно ограничиться одной цитатой, которую мы уже приводили: «И в соответствии с общим ужесточением взглядов, обозначившимся примерно к 1930 году, возродились давно (иногда сотни лет назад) оставленные обычаи – тюремное заключение без суда, рабский труд военнопленных, публичные казни, пытки, чтобы добиться признания, взятие заложников, выселение целых народов; мало того: их терпели и даже оправдывали люди, считавшие себя просвещенными и прогрессивными» [30, с. 252]. Роман – памфлет на английское же социалистическое (да и любое другое политическое движение, ставящее целью достижение всеобщего счастья), предостережение от того, к чему может привести готовность вроде бы неплохого человека Уинстона бороться за идеалы любыми методами. И предостережение это не в апофеозе насилия, который разворачивается в Океании. Это предостережение заключается ни много, ни мало в потере таким человеком самой человеческой природы. Английские социалисты рукоплескали завоеваниям Советского Союза, не обращая внимания на цену, которую пришлось заплатить Советам за рывок индустриализации. Апология этого в приписанных Уинстоном О’Брайену мыслях: «Но не этим мы будем заниматься, когда жизнь снова будет стоить того, чтобы люди жили» [30, с. 228]. Приговор этому – в приговоре О’Брайена Уинстону Смигу.

На этом мы завершим размышления относительно репрессивного аппарата в антиутопиях. Нас ждет не менее важная сфера управления – регламентация повседневной жизни и «саморегуляция» антиутопического социума на этой основе.

4.3.8. Регламентация повседневности: исключить возможность преступления. Пожалуй, один из наиболее сложных

вопросов – это регламентация системы быта, повседневной жизни людей и т.д. Данный аспект антиутопического социума вызывает, как правило, наибольший негативный отклик читателя, а, следовательно, активно участвует в формировании «образа антиутопичности».

Отметим основные формы регламентации повседневного поведения:

- **насильственный** (за счет системы слежения и контроля). Такая форма представлена в романе Дж.Оруэлла «1984» [30].

- **поощряемый** (за счет создания системы предпочтений или условного «социального заказа» на те или иные поведенческие формы). Такая форма представлена, например, в романе «451? по Фаренгейту» Р. Брэдбери [14]. В данной ситуации контроль над социальным поведением индивида осуществляется мягче – он достигается за счет возможности социальной изоляции индивида, который ведет себя «не как все». Пожарники играют в бридж потому, что так принято. Свободный вечер человек должен проводить в телевизионной гостиной с «родственниками», поскольку так принято.

К данному типу социальной регламентации также можно отнести роман Э. Берджесса «Вождедеющее семя» [11]. В силу доминантного фактора антиутопичности – колоссального перенаселения планеты, социально-поощряемы гомосексуальные связи, бездетные или малодетные семьи (одна семья – один ребенок!) и т.д.

- **смешанный тип**. Он представлен, например, в романе «Утопия-14» К.Воннегута [17]. Класс инженеров следует нормам поведения не под угрозой социальной изоляции, а под угрозой понижения социального статуса (или наоборот – не активного понижения, а «закрытия» возможностей карьерного роста). Однако и в этом случае, можно отметить, что у индивида формируются определенные предпочтения. Наконец, определенные вещи в таком

социуме строго навязываются – как например поездка на Лужайку раз в год является строго обязательной для инженеров

- **программированный** (за счет технических, психологических или иных аспектов). Такой способ регламентации представлен в романах «Мы» Е. Замятина [24] и «О Дивный Новый мир!» О. Хаксли [35]. Автор первого из упомянутых романов не уточняет за счет чего достигается программирование личности, упоминая только литературно-воспитательное воздействие (см. например эпизод о трагедии «Опоздавший на работу»). О. Хаксли, напротив, подробнейшим образом в самом начале своего романа упоминает о технических и психологических средствах такого программирования. Можно отметить несомненное сходство образовательной доктрины «Дивного Нового мира» О. Хаксли и психологической концепции бихевиоризма [96]. За счет этого основные формы социального поведения усваиваются членом общества фактически на уровне безусловных рефлексов. Кроме этого, необходимо отметить и тот факт, что общество, описанное Хаксли, существует на неявных экономических основаниях. Оно предоставляет своим гражданам явное материальное изобилие, взамен требуя от них подчинения. В том числе и подчинения в вопросе использования максимального числа благ такого изобилия (например, в этом обществе приняты игры, которые требуют наиболее дорогостоящего спортивного инвентаря). Однако сразу следует отметить, что экономический стимул, здесь не причина, а следствие.

Схожим образом программируется поведение индивида в повести «Торговцы Космосом» (в русском переводе более известна как «Операция “Венера”») [25]. Однако там программирование не носит государственного характера, если не учитывать тот факт, что несколько мегакорпораций фактически подменили собой государственную систему управления; осуществляется за счет рекламы, а не стимульно-реактивной функции, принятой в

бихевиоризме. Кроме этого – система программирования подвижна. Человек может – судя по тексту повести – перейти в «область рекламно-поведенческого контроля» иной мегакорпорации.

Аналогично представлено решение проблемы программирования индивида в условно-дистопическом произведении Э. Берджесса «Заводной апельсин» [12]. Доминанта антиутопичности в начале романа – общество, где уровень уличной подростковой преступности превышает все мыслимые пределы. В конце романа доминанта антиутопичности смещается на иную проблему – возможность программирования поведения отдельного индивида по государственному заказу (тут и появляется выражение «заводной апельсин»). Э. Берджессу удалось добиться потрясающего по силе психологического диссонанса за счет сочетания в главном герое любви к классической музыке (доходящей при этом до сексуального экстаза) и столь же патологической страсти к насилию. Запрограммированная психически и медикаментозно по заказу государства дальнейшая неприемлемость насилия для главного героя, одновременно означает и непереносимость его к классической музыке. При этом сам главный герой последовательно превращается в жертву насилия со стороны своих прошлых жертв. Однако сочетание любви к музыке и нового образа «невинного страдальца» меняет и психологическое восприятие читателя – теперь читатель на стороне того, кого он недавно считал «чудовищем». Берджесс играет в очень опасную игру на контрастах и, очевидно желая этого, также программирует реакции читателя. Однако данный слой романа критикой был воспринят не в полном объеме, хотя именно служил основным предостережением – методы психологического программирования поведения проще, нежели то представляет антиутопическая прогностика.

- **экономический.** Редкое проявление в чистом виде встретилось в антиутопическом и дистопическом жанре всего

однажды – в романе «Квота, или сторонники потребления». Однако и там в основу положено психологическое программирование людей на необходимость покупки и только после принятия такого первичного постулата включается полномасштабный механизм экономической стимуляции. Ключевым вопросом регламентации становится не столько регуляция быта, сколько регуляция возникновения и удовлетворения человеческих потребностей.

К данному типу также условно можно отнести механизм «управляемого дефицита», изображенный Дж. Оруэллом в романе «1984» [30, с. 142]. В начале романа откровенно упоминается, что политика партии заключалась в периодическом сокращении производства или распределения вещей, необходимых в быту – пуговиц, шнурков, швейных игл, бритвенных лезвий и т.д. Начало действия романа приходится как раз на период нехватки лезвий для бритья. Только на протяжении нескольких глав все персонажи-мужчины первым делом при встрече спрашивают друг у друга лезвия. Получив же отказ, несколько более холодно и насторожено относятся к собеседнику.

Итак, мы выявили основные механизмы регламентации и социального управления повседневной жизнью индивида в антиутопическом обществе.

Необходимо также отметить и основные стороны повседневной жизни, которые подвергаются регламентации. В первую очередь, это частный и гражданский (как правило, профессиональный) распорядок дня от подъема до отхода ко сну. Во-вторых, это семейные отношения и сексуальная жизнь индивида. В-третьих – круг его общения и основные обсуждаемые проблемы, а также формы досуга. В-четвертых – основные потребляемые им продукты и предметы, необходимые индивиду в быту.

Основные концепции сводятся либо к насильственному (под угрозой наказания), либо к поощрительному (опять-таки под

угрозой наказания, оборотной стороной которого является поощрение за правильные действия), либо к программированному регламентированию социального поведения. Следует отметить также, что в чистом виде данные способы регламентации социального и частного поведения индивидов практически ни в одной антиутопии не встречаются, однако доминируют черты какого-либо одного типа.

Итак, контроль, репрессии и саморегуляция на основе регламентации повседневности, личного и социального поведения индивида – это основные инструменты управления антиутопическим социумом.

Мы рассмотрели социальное пространство, смоделированное в произведениях-антиутопиях. Однако, как мы уже отмечали в разделе, посвященном критериям утопии-дистопии-антиутопии как метажанра, проблема не только и не столько в модели как таковой, сколько в субъективном восприятии текста антиутопии читателем. Один из главнейших механизмов инициации восприятия социума как антиутопического – сопереживание (вплоть до самоотождествления) главному герою.

Образ главного героя антиутопии романтизирован как образ «благородного мятежника» \ «борца с несправедливостью» как в публицистике, критических статьях, посвященных антиутопиям, так и в серьезных научных исследованиях. Основным мотивом конфликта между героем-протагонистом и обществом Б. А. Ланин называет отказ героя подчиняться садо-мазохистскому импульсу государственного управления в антиутопиях [51]. Однако даже поверхностный анализ образа главного героя в некоторых антиутопиях вызывает определенные сомнения в справедливости этого тезиса: вполне счастлив социальной жизнью в начале романа «Мы» Д-503 и его «бунт» - результат целенаправленного процесса «соблазнения» I-330. Не является благородно-героическим образ трусоватого, погрязшего в проблемах бытовой необустроенности

Уинстона Смита в «1984», тем более что об истинных мотивах его «мятежа» мы уже упоминали. Не являются героями и Бернанд Маркс, и Уотсон Гельмгольц в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» - один добивается признания, удовольствий, женщин и пр.; другому – тесно в определенных ему главноуправителями социальных рамках. Да, Дикарь Джон вполне подходит под образ бунтующего благородного трагического героя, но Джон пришелец извне в Дивном Новом Мире и его ситуация не является типической именно для антиутопии.

Поэтому нам представляется вполне целесообразным подробно разобрать проблему причинности конфликта героя и общества в антиутопиях; понять, почему симпатии читателя на стороне героя и почему столь упорно мы именуем антиутопию жанром «субъективного восприятия».

4.4. «Герой нашего времени»: протагонист-нонконформист и социум.

4.4.1. Причины противостояния героя и социума антиутопии. Именно активные действия и пассивное психоэмоциональное состояние такого персонажа, его размышления о несправедливости или уродливости общественного устройства, переводят произведение в жанр антиутопии.

Так, в произведении Е. Чудиновой «Мечеть Парижской богородицы» [41] описанное исламское общество вовсе не является неприемлемым для толерантного читателя. Ровно настолько, насколько приемлемо для него сосуществование с современными исламскими обществами. Однако антиисламское сопротивление в романе и отождествление читателя с сегрегированным католическим или православным населением автоматически переводит роман в жанр антиутопии, или, по меньшей мере, дистопии. Вообще, «Мечеть Парижской богородицы» - случай особый. Роман написан именно как социально-политическое предупреждение и, видимо, автору стоило бы аплодировать автору за отказ от про-исламского или, наоборот, про-католического политеза, если бы не откровенный национализм и подразумевающееся оскорбление иных народов [41]⁵⁷. Ксенофобия – не та черта психики, которую следует воспитывать, тем более, с прицелом на будущее, как это делают романы-антиутопии.

Итак, процесс самоотождествления с героем делает читателя сопереживателем описываемых событий. При этом авторы подобного рода произведений в абсолютном большинстве случаев

---

⁵⁷ Показателен следующий диалог: «– Раны Христовы... Они сами открываются и кровоточат. У святых у некоторых, у праведников. Валери – юродивая. Она все знает обо всех, ее нельзя обмануть.

– Почему она говорит «задницы»? [*о мусульманах – примечание мое, И.Т.*]

– Ты намаз когда-нибудь видел?

– Ну...

– А еще спрашиваешь. Что у них видней всего? Эжен-Оливье фыркнул. – Ну вот... Она же маленькая. Что видит, то и говорит.»

предлагают именно «игру от лица» мятежника, это отмечал, например, и Б.А. Ланин [51].

Необходимо отметить тот факт, что противостояние государственной системе отдельного человека – отнюдь не художественное изобретение антиутопий. Данная проблема имеет длительную социологическую, политическую и философскую историю.

Достаточно обратиться к примеру... Американской Войны за Независимость (которую долгое время в СССР предпочитали называть Американской Революцией). «Сложилось так, что свобода всегда идет на уступки, а государство всегда наступает...» - Т. Джефферсон, один из отцов-основателей США, дал в 18 веке простой и категоричный ответ на вопрос, поставленный в XX веке антиутопистами. «Мы можем передоверить правительству множество своих прав. Но есть одно право, которое никак нельзя доверить правительству, и на которое все правительства всегда покушались... это право мыслить свободно...» [4].

В художественной культуре современного общества, в исторической ретроспективе и социально-политической мысли – повсюду мы обнаруживаем следы этой проблемы. Очевидно, столь же легко ассоциируется эта проблема и у читателя с его естественными жизненными коллизиями. Тем более почитается герой-одиночка, противостоящий Всеобъемлющему Государству, чем чаще читатель в своей жизни сталкивался с бюрократизмом, коррумпированностью, механистическим подходом к личности со стороны государственной системы.

Из подобных мелких факторов складывается истинная претензия на **антиутопичность** – предельную несправедливость общественного устройства. Подлинно антиутопичные феномены – такие, как бесконечная война Океании и Востазии в «1984» [30], или уничтожение миллиардов людей в «Мы» Е.Замятина [24] проходят фоновой картиной.

Однако мы не можем ограничиться простейшим упоминанием о том, что герой противостоит общественной или государственной системе своего мира. Ибо противостояние это в разных произведениях имеет разную природу

Ниже мы попытались представить разницу в состоянии конфликта «персонаж-социум» в форме таблицы

№	Формы конфликта «социум-персонаж»	Название произведения и имя персонажа
1	Героя «насильственно» выводят за сферу контроля государства, меняют мировоззрение.	«Мы» (Д-503), «451? по Фаренгейту» (Гай Монтэг)
2	Герой оказывается талантливее «мерки» определенной государством	«Утопия-14» (Эд Финнерти), «О дивный новый мир!» (Уотсон Гельмгольц)
3	Герой обладает физическими и психологическими недостатками по сравнению с государственной «нормой»	«О Дивный новый мир!» (Бернард Маркс), «Операция “Венера”» (астронавт Джек)
4	Герой испытывает биологические, психологические, социальные потребности за рамками, определенными государством – сам по себе бунт против государства его не интересует	«1984» (Джулия), «Мы» (I-330)
5	Герой протестует против несправедливости общественно-политического устройства, истинные мотивы	«1984» (Уинстон Смит), «Мы» (I-330), «Утопия-14» (Пол Протеус)

	<p>лежат в личном бытовом неустройстве, неудовлетворенности материальных потребностей, психологическом профиле героя, семейных обстоятельствах, личной истории</p>	
6	<p>Протест героя имеет религиозную или псевдорелигиозную природу</p>	<p>«Мечтают ли андроиды об электроовцах», «Мечеть Парижской Богоматери» «Мы» (I-330)</p>
7	<p>Герой изначально проникает в социум «извне», не является «воспитанным» носителем его ценностей</p>	<p>«Час Быка» (посланцы Земли на Тормансе), «О дивный новый мир!» (Дикарь Джон), «Возвращение со звезд» (космонавты межзвездных экспедиций), «Футурологический конгресс» (Ийон Тихий), «Цивилизаций статуса (Уилл Барент), «Обитаемый остров» (Максим Каммерер), «Билет на планету Транай» (Марвин Гудмэн)</p>
8	<p>Герой меняет свой социальный статус, в результате чего утопическое мутирует в антиутопическое, или же антиутопическое осознается критически-остро</p>	<p>«Операция “Венера”» (Митчелл Кортней), «Вожделеющее семя» (Тристрам Фокс)</p>
9	<p>Герой изначально асоциален: преступник, изгой и т.д.</p>	<p>«Заводной апельсин» (Алекс)</p>

Однако то, что мы описали в таблице, является ситуацией явного конфликта. К тому же – конфликта, спровоцированного именно главным героем. Некоторое исключение, конечно, представляет собой персонаж Д-503 из романа Е.Замятина «Мы», но к нему мы вернемся позднее. Существует еще одна ситуация противостояния героя и системы. В данной ситуации герой в целом обладает конформистской натурой, однако развитый инстинкт самосохранения толкает его на противостояние государственной системе. Как ни странно, подобная ситуация чаще обыгрывалась не в литературных антиутопиях, а в компьютерных играх. К ситуации «крысиных бегов» сводится сюжет постъядерной антиутопии-игры «FallOut» и киберпанковской антиутопии-игры «Код доступа: РАЙ».

В целом, противостояние героя политической или социальной системе антиутопии имеет, конечно, более сложный характер, однако более подробно обсуждать данную частную проблему мы не имеем возможности и вынуждены оставить ее за рамками нашего исследования.

4.4.2. Конфликт героя и система: релятивизм и субъективность оснований. Обозначенная выше таблица имеет для исследования природы антиутопического конфликта большую ценность – она позволяет оценить, насколько объективен этот конфликт, или имеет ли он под собой какие-либо внеличностные, объективно-социальные основания.

Строки № 2 и 3 таблицы ясно говорят об отсутствии у конфликта объективных оснований – это ситуация «белой вороны», гения или уroda, так или иначе – социального девианта. Будь герой выше среднего уровня или ниже – стандартизация сообщества прочих персонажей одинаково толкает его на конфликт: это наиболее явно проявляется в дружбе Уотсона Гельмгольца и Бернарда Маркса из романа «Дивный новый мир» О. Хаксли [35].

Не может иметь объективных оснований и позиция № 4. Удовлетворение потребностей, выходящих за рамки социально-приемлемых, является фактическим преступлением. Эту позицию можно было бы объединить с позицией № 9 «Асоциальность героя». Однако помешанность Джулии на сексе, ее стремление «веселиться», которому мешает Партия [30], или употребление I-330 алкогольного ликера и табака [24] выглядят «детской шалостью» в сравнении с бесчинствами Крошки Алекса – убийства, изнасилования (в том числе несовершеннолетних девушек и, наоборот, пожилых женщин), ограбления, нанесение увечий [12]. Разница определенно есть. Поэтому позиция № 4 ближе к ситуации Уинстона Смита (позиция № 5), который тоже жаждет определенного бытового комфорта – качественных сигарет, острых бритв, которые легко купить, вкусной еды и т.д. [30]. Мы уже говорили, что до посещения комнаты № 101 Уинстон Смит считал свободу – возможностью сохранять здравый смысл и не верил в способность Партии заставить его изменить собственному здравомыслию [30]. Кроме того, в ситуации № 4 автор, как правило, апеллирует к тому, что самому читателю кажется «естественным грешком» - незначительным и социально-незначимым. Отдельные общества западной цивилизации длительное время декларируют борьбу за здоровый образ жизни, однако сочувствие вызывает сперва I-330, которая употребляет алкоголь, а не Д-503, являющийся образцовым гражданином [24]. Пола Протеуса возмущает не социальная регуляция, которой руководят машины, а то, что эта регуляция периодически прямо или косвенно затрагивает его жизнь [17]. Ему приходится оправдываться за существующий социальный порядок перед КРРахми, ехать на Лужок без всякого желания, увольнять своего друга-инженера и т.д.

Позиция № 6 в нерелигиозном сообществе не может иметь объективной природы. Кроме того, деятельность сопротивления в «Мечети Парижской богоматери» [41] является также

противоправной, как убийства и изнасилования Крошки Алекса в «Заводном Апельсине» [12].

Тем более субъективным является конфликт героя с социумом в ситуации № 7 – когда герой является пришельцем извне, естественным носителем чуждых ценностей. Конечно, трагична ситуация Дикаря Джона, который оказывается «чужим» и в резервации индейцев и в Дивном Новом мире [35]. Конечно, не могут приспособиться к сыто-благодарной, спокойной жизни обитателей Земли вернувшиеся космонавты-искатели приключений в «Возвращении со звезд» [26]. Для посланцев Земли Торманс – «футурошок» наоборот, они попадают в свое историческое «инфернальное» прошлое [22]. Аналогична ситуация Максима Каммерера на Сарракше, только она осложняется еще и тем, что в отличие от героев И. Ефремова, герой бр. Стругацких не знает методов борьбы за «светлое будущее». Он действует в футурологической «темноте», на ощупь пытаясь изменить социальный порядок, поэтому и Странника Сикорски, меняющего ситуацию медленно, постепенно и привычными на Сарракше методами, он воспринимает как врага [34]. Ийон Тихий оказывается в будущем, которое объективно изменилось к худшему. Однако не столько картина перенаселения и нищеты, убожества окружающего мира пугает его, сколько воспоминания о собственном «прекрасном вчера» [27]. Уилл Барент из «Цивилизации статуса» оказывается законопослушным гражданином с высокой адаптивностью (за исключением склонностей к убийству, употреблению наркотиков и прочих асоциальных черт) в обществе преступников. Однако после школы «динамичного» общества Омеги, «гомеостатичная» Земля также оказывается чуждой для него [40]. В аналогичной ситуации оказывается и Марвин Гудмэн из «Билета на планету Транай» Р. Шекли. «Хороший человек» Марвин был чужд Земле с ее всевластным государством, половой дискриминацией и пр. Однако реализация социального идеала на Транае оказывается ему также

чуждой – он спасается бегством обратно на Землю... где начинает бороться за генезис транайского социума [39].

Позиция № 8 может в частности повторять ситуации № 1-7, но суть ее в другом. Герой был изначально примерён или, более того, вполне доволен социальным порядком. И лишь изменение судьбы рекламного «босса» на судьбу черпальщика на хлорелловых плантациях, а затем возврат в мир рекламы (при столкновении с его негативными сторонами) **на фоне личной любви** оказываются для Митчелла Кортнея решающим фактором. Он из убежденного апологета мира Потребления оказывается сторонником консервативной политики «нулевого роста» [25]. Личные неудачи Тристрама Фокса, который, не вписываясь в социальные нормы, теряет свой социальный статус (тем более – на фоне своего удачливого брата, маскирующегося под социально-одобряемый образ гомосексуалиста) также являются причиной его протеста. Кроме того, он – историк, сторонник циклической концепции социального развития и обладает рациональным знанием о будущем. Поэтому «несовпадение» его личной фазы, его социальной неустроенности с общественной заставляют его метаться по перенаселенной Англии, ища социальной справедливости [11].

Поиск именно личной справедливости является «пунктиком» всех героев – будь то невозможность жить, как хочется, или потребительские желания, любовь, неприемлемость чуждых пространственно или хронологически ценностей.

Сколько бы мы ни искали – подоплека конфликта главного героя и социума оказывается не в «рабской сущности» антиутопий, не в политическом насилии, как таковом. Основания этого конфликта всегда субъективны и призваны апеллировать к возможно-большому числу читателей.

4.4.3. Испытание правоверного, или как, обретая свободу, превратиться в раба». Мы оставили подробный разбор ситуации

№ 1, что называется, напоследок. Это совершенно интригующая ситуация, где применяются инструменты, сродни китайским стратагемам, где насилие над личностью творится «авторски-правильными» персонажами. Мы разберем подробно эту ситуацию на примере личностной «эволюции» Д-503, персонажа романа Е. Замятина «Мы» [24].

Д-503 изначально был социально-адаптирован, вполне удовлетворен жизнью в Едином Государстве. Это был «правоверный» элемент своего общества. И его «бунт» имеет не личностно-экзистенциальный, а «вынужденный» характер. Его соблазнили. Соблазнение это шло по спирали – предыдущий этап детерминировал следующий.

Началом этого пути стало знакомство с I-330, весьма привлекательной, по описанию Е. Замятина, женщиной, которая к тому – о, власть стереотипов! – несла для Д-503 в себе некую «загадку», раздражающий математика X [24, с. 310-313].

Явное соблазнение началось с совместного визита в Древний Дом. И тут сыграл свою роль тот самый X: «I-330... Эта I меня раздражает, отталкивает – почти пугает. Но именно потому-то я и сказал: да» [24, с. 323].

Далее начинается противоправная часть действий I – в Древнем Доме она говорит о готовности нарушить закон (предлагает не пойти на обязательные занятия и сказаться больным по поддельной справке, которую для нее сделает врач-любовник) [24, с. 327]. Однако, зная о своем действии на мужчин, не беспокоится – Д-503 должен донести хранителям, но не сможет этого сделать в силу своей влюбленности, некоторой внутренней «брезгливости» по отношению к Хранителям (при внешней активной поддержке и осознании важности их деятельности), своих отношений с O-90 [24, с. 329-330, 331, 340, 352]. И начинается новый этап соблазнения:

«Я молча смотрел на нее. Ребра – железные прутья, тесно... Когда она говорит – лицо у ней, как быстрое, сверкающее колесо: не разглядеть отдельных спиц. Но сейчас колесо неподвижно <...>

Колесо завертелось, спицы слились...

- А ведь вы не были в Бюро Хранителей [*аналог органов государственной безопасности – И.Т.*]?

- Я был... Я не мог: я был болен.

- Да. Ну я так и думала: что-нибудь вам должно помешать – все равно что (– острые зубы, улыбка). Но зато теперь вы – в моих руках. Вы помните: “Всякий номер, в течение 48 часов не заявивший Бюро, считается...”» [24, с. 341].

Итак, Д-503 совершил свое первое – пока еще не слишком значительное для I-330 преступление. Пока что он не донес на нее. Но требуется связать его больше – чтобы донос стал доносом и на самого себя. Необходимо, что Д-503 совершил явно предосудительный поступок – например, употребил алкоголь. И здесь на помощь вновь приходит влюбленность Д-503, сопряженная с его личной наивностью (искушенность в обмане невозможна для правильного гражданина Единого Государства): «А главное – я с вами совершенно спокойна. Вы такой милый – о, я уверена в этом, - вы и не подумаете пойти в Бюро и сообщить, что вот я – пью ликер, я – курю. Вы будете больны – или вы будете заняты – или уже не знаю что.» [24, с. 343].

И вот Д-503 совершает это преступление:

«Больше, я уверена – вы сейчас будете пить со мной этот очаровательный яд...

Какой наглый издевающийся тон. Я определенно чувствовал: сейчас опять ненавижу ее. <...>

Опрокинула в рот весь стаканчик зеленого яду, встала и, просвечивая сквозь шафранное розовым, - сделала несколько шагов – остановилась сзади моего кресла...

Вдруг – рука вокруг моей шеи – губами в губы... нет, куда еще глубже, еще страшнее... Клянусь, это было настолько неожиданно для меня, и, может быть, только потому... Ведь не мог же – сейчас я это понимаю совершенно отчетливо – не мог же я сам хотеть того, что потом случилось.

Нестерпимо-сладкие губы (я полагаю – это был вкус «ликера»), - и в меня влит глоток жгучего яда – и еще – и еще... Я отстегнулся от земли и самостоятельной планетой, неистово вращаясь, понесся вниз, вниз – по какой-то невычисленной орбите...» [24, 343-344].

Итак, Д-503 увяз в паутине глубже – он нарушил закон, но у него еще остается лазейка: алкоголем его опоили обманом, во-первых; а во-вторых, I-330 необходимо от Д-503 **большое** преступление, причем такое, на которое он бы пошел сознательно. «Сумма» же малых преступлений пока недостаточно и I-330 еще больше привязывает строителя «Интеграла» к себе; она продолжает игру в любовь с Д-503: «Помню: я был на полу, обнимал ее ноги, целовал колени. И молил: “Сейчас – сейчас же – сию же минуту” [*о сексе как плотском проявлении любви – И.Т.*]...

Острые зубы – острый, насмешливый треугольник бровей.

Она наклонилась, молча отстегнула мою бляху.

- Да! Да, милая – милая, - я стал торопливо сбрасывать с себя юнифу. Но I – так же молчаливо – поднесла к самым моим глазам часы на моей бляхе. Было без пяти минут 22 ?.

Я похолодел. Я знал, что это значит – показаться на улице позже 22 ? . Все мое сумасшествие – сразу как сдунуло. Я – был я. Мне было ясно одно: я ненавижу ее, ненавижу, ненавижу!» [24, с. 345]. Между тем нарушение режима Великой Скрижали было незаконно точно так же, как и употребление алкоголя. Д-503 удалось спастись, однако его «личный счет» пополнился и этим нарушением-переживанием, ведь хоть он и успел к половине одиннадцатого оказаться у себя дома, но «ночь была мучительна.

Кровать подо мною подымалась, опускалась и вновь подымалась – плыла по синусоиде. Я внушал себе: “Ночью – нумера обязаны спать; это обязанность – такая же, как работа днем. Это необходимо, чтобы работать днем. Не спать ночью – преступно...” И все же не мог, не мог. **Я** [здесь и далее выделение мое – И.Т.] гибну. **Я** не в состоянии выполнять свои обязанности перед Единым Государством... **Я**...».

Вместо гордого «МЫ» в начале романа рождается острое экзистенциальное переживание «Я». Однако то, что читатель встречает с торжеством, как свидетельства пробуждения личности, индивидуальности главного героя, для самого строителя «Интеграла» является столь же острой экзистенциальной трагедией.

Итак, Д-503 видел нарушения закона и не донес на нарушителя (тем самым сам стал преступником), употреблял алкоголь, нарушил режим Великой Часовой Скрижали. И I-330 решает «одним махом» довести строителя «Интеграла» до личностного коллапса:

«В 11.45, перед тем, как идти на обычные, согласно Часовой Скрижали, занятия физическим трудом, я забежал к себе в комнату. Вдруг телефонный звонок, голос – длинная, медленная игла в сердце:

- Ага, вы дома? Очень рада. Ждите меня на углу. Мы с вами отправимся... ну, там увидите куда.

- Вы отлично знаете: я сейчас иду на работу.

- Вы отлично знаете, что сделаете так, как я вам говорю. До свидания. Через две минуты...

Через две минуты я стоял на углу. Нужно же было показать ей, что мною управляет Единое Государство, а не она. “Так, как я вам говорю”... И ведь уверена: слышно по голосу. Ну, сейчас я поговорю с ней по-настоящему...» [24, с. 353-354].

Ловушка расставлена – Д-503 стремится доказать I-330, что, не взирая ни на что, он – законопослушный гражданин. Его не

смущает нелогичность собственных поступков, он не думает о том, что однажды уже I-330 «заигрывала» со временем Часовой Скрижали и может «пошутить» еще раз:

«Серые, из сырого тумана сотканые юнифы торопливо существовали возле меня секунду и неожиданно растворялись в туман. Я не отрывался от часов, я был – острая, дрожащая секундная стрелка. Восемь, десять минут. Без трех, без двух двенадцать...

Конечно. На работу - я уже опоздал. Как я ее ненавижу. Но надо же мне было показать...

На углу в белом тумане – кровь – разрез острым ножом – губы.

- Я, кажется, задержала вас. Впрочем, все равно. **Теперь** вам **поздно уже** [*выделение мое – И.Т.*]...» [24, с. 354].

Опоздание I-330 приводит и к закономерному опозданию Д-503 на работу, **теперь поздно уже** раскаиваться, остается идти на новое нарушение закона: более того, экзистенциальный кризис Д-503 приходит к своему болезненному разрешению, он окончательно осознает свою подчиненность I-330, а не Единому Государству:

«- Ты любишь туман? [*вопрос I-330 к Д-503 – И.Т.*]

Это древнее, давно забытое «**ты**» [*выделение мое – И.Т.*], «**ты**» властелина к рабу – вошло в меня остро, медленно: да я раб, и это – тоже нужно, тоже хорошо» [24, с. 354].

Самое примечательное в этом кризисе – то, что Д-503 именно теперь осознает себя рабом, рабом I-330, а не ранее - Единого Государства, которое абсолютно и счастливо, по его же собственным словам, лишало его свободы. Ранее, лишенный свободы, рабом он не был. Теперь же свободный от Единого Государства стал рабом. Кризис разрешается благополучно в первую очередь для I-330 – ей, наконец, удастся заставить Д-503 сказаться больным по поддельной справке, которую организует ее «знакомый» из Медицинского бюро [24, с. 355].

Финал. Д-503 в рабочее время, увиливая по поддельной справке, овладевает I-330 [24, с. 356] и это тоже преступление, которое влечет за собой наказание. «Ну-с, **падший ангел** [*выделение мое – И.Т.*]. Вы ведь теперь погибли. Нет, не бойтесь? Ну, до свидания!» [24, с. 356]

Теперь сломленный, психически-растоптанный Д-503, которого терзают мысли о **собственных** преступлениях и наслаждении, пережитом с I-330, оказывается готов к большому преступлению – сдаче «Интеграла» мятежникам.

История Д-503, который, обретя свободу, стал рабом, не является апологией рабству, гимном тоталитарному Единому Государству и пр. Это личная трагедия человека, вынужденного выбирать из двух **больших** зол, когда правильного выбора не существует. И все же выбор Д-503 I-330, а не «социального единения» понятен и близок читателю: это родственный и понятный эгоизм, искание личного счастья; наконец, романтические переживания. Поэтому читатель упускает из виду факт того, **как именно** произошло отлучение Д-503 от Единого Государства (и «ломка» семейного счастья в треугольнике с R-13 и O-90 входит в это отлучение), прекрасно замечая впоследствии, как герой будет разлучен с возлюбленной I-330.

Итак, как мы видим, объективных оснований для конфликта героя и государства в антиутопиях нет. Точнее – именно этого героя, восстающего против именно этого социального порядка. Его собственная асоциальность, неудовлетворенность потребностей, личные, жизненные коллизии – все это не может претендовать на роль объективной причины бунта против всех норм социальности. Чуть лучше складывается ситуация в том случае, когда герои-«мятежники» оказались в системе извне, однако действия их в этом случае оказываются из разряда поговорки про свой устав и чужой монастырь. Личностной трагедией оказывается и «ломка» преданности героя социальным

идеалам, которую мы подробно разобрали на примере романа «Мы» (в целом аналогичная, по своей безальтернативно-трагичной природе при любом выборе героя, ситуация была описана Р. Брэдбери в романе «451?по Фаренгейту»).

Итак, антиутопии генерируют негативный образ будущего – даже тогда, когда это будущее предстает перед нами вполне мирным, как в «Возвращении со звезд» С. Лема или обустроенной Землей из «Цивилизации статуса» Р. Шекли.

Однако этот образ будущего оказывается весьма востребован исторически, причем в неявно-критические периоды исторического развития. Так, из перечня антиутопий, которые послужили источниками данного исследования больше половины было написано в период 1950-1960-х гг. Причем, только в СССР родились такие знаковые антиутопии как «Час Быка», «Хищные вещи века», «Обитаемый остров». А ведь наш список на сегодня не является всеобъемлюще-полным. В 1980-1990 гг. антиутопии оказались «вытеснены» киберпанк-дистопиями. Но дистопиями сегодня называем их мы – они, с одной стороны, приблизились к реальности в своем техническом воплощении; с другой – система ценностей киберпанка диффундировала в общечеловеческую культуру в своих мягких вариантах, была воспринята и сейчас транслируется в общество движениями трансгуманистов и сингуляристов и пр. Наконец, 2000 годы породили новую волну антиутопий – «День Опричника» В. Сорокина, «Метро-2033» и «Метро-2034» Д. Глуховского, «Мечеть Парижской Богородицы» Е. Чудиновой, «Богадельню» Г. Л. Олди. Жанр в очередной раз мутировал, проник в фэнтези-литературу, плотнее слился с «чистой» научной фантастикой (см., например, цикл «Звезды холодные игрушки» С. Лукьяненко), нашел свое место в компьютерных играх (прежде всего, в форме киберпанк-дистопии и постапокалиптических антиутопий). Но образ будущего остался прежним – тоталитарная социальность гомеостаза остановившейся

истории, подчиненное существование человеческой единицы, программирование, контроль, насилие.

В качестве «мысленного эксперимента», завершающего построение образа будущего в антиутопиях мы хотели бы предложить рискованный опыт «наложения» картины мира антиутопий на некоторые футурологические концепции.

4.4.4. Вместо заключения: антиутопии как модель обществ контроля. В статье «Общества контроля: Postscriptum» Ж. Делёз анализирует вероятный переход от дисциплинарных обществ заключения к обществам «текущего контроля». Общество заключения представляет собой феномен индустриальной стадии развития человеческой цивилизации: разделение человеческой жизни на хронологические и пространственные этапы и локации, подразумевающие каждый раз «старт с нуля». Пространства заключения, по М. Фуко и Ж. Делёзу, это – ясли, детский сад, школа, университет, казарма, завод, госпиталь, тюрьма. Переходя из одного пространства в другое, индивид в большинстве случаев теряет уровень статуса [107] – не в абсолютном, а относительном смысле: скажем, 5-курсник является выпускником высшего учебного заведения и, в некотором смысле, обладает высшим статусом в студенческой социальной иерархии. Но после выпуска попав на новое место работы, он, получив формальное «наименование» молодого специалиста сталкивается с полной потерей привилегий и даже самого ощущения своей квалифицированности.

Общество контроля предполагает переход дискретных пространств заключения, контролирующих индивида, к форме глобального пространства контроля, порождаемого информационными технологиями и глобальными коммуникациями. Технологические основания такого общества, во многом, сформированы уже сегодня.

История уже знала подобные феномены – тоталитарные государства, в которых инструменты контроля были предельно институционализированы, формализованы. Тоталитарные государства XX века представляют собой классические общества заключения по М. Фуко. Совершенные, проработанные до мелочей механизмы... и вместе с этим – чрезвычайно неустойчивые. Старой форме привили новый, чуждый ей механизм: обществу заключения – государство контроля.

Процесс формирования информационного общества растянулся на десятилетия, сопряжен со многими параллельными общественными, политическими, научными процессами. Зарождавшееся информационное общество развивалось бок о бок с самой на сегодняшний день устойчивой тоталитарной системой – Советским Союзом. А Союз стал мишенью социально-политической критики, которая нашла свое воплощение в антиутопиях первой половины XX века. Таковы произведения Е. Замятина «Мы» [24], Дж. Оруэлла «1984» [30].

Позднее авторов научной фантастики и социальной сатиры вместо темы тоталитаризма начинают привлекать темы автоматизации производства, культурного кризиса второй половины прошедшего столетия и т.д. Таковы произведения, например, Р. Брэдбери «451⁰ по Фаренгейту» [14], К. Воннегута «Утопия-14» [17], С. Лемма «Футурологический конгресс» [27].

В истории уже XXI века такие образы будущего были рождены кинематографом, синтезировав богатый материал литературных предтеч: «Мы» Е. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла и «451⁰ по Фаренгейту» Р. Брэдбери послужили источником вдохновения для авторов фильма «Эквилибриум», а «Футурологический конгресс» С. Лемма [27] – для культового фильма поколения компьютеров и Интернета – «Матрицы». Именно образ будущего, представленный в «Матрице» является наиболее совершенной, законченной иллюстрацией общества

контроля и ощущений человека, «перескочившего» в это общество из общества заключения.

Эти произведения являются антиутопиями в силу двух фактов: неприемлемости для читателя системы ценностей представленного образа общества и наличия в этом обществе группы людей, сопротивляющихся данной системе ценностей – людей, с которыми и проводит самоотождествление читатель.

Не взирая на то, что выбранные нами для анализа произведения весьма серьезно отличаются и по времени написания и по характеристикам описанных обществ у них есть один общий момент – это образы общества информации:

1. «Футурологический конгресс» С. Лемма и «Матрица» - «аверсивной» информации, информации, направленной в будущее и контролирующей его напрямую, информации, определяющей возможности прогнозирования и построения вектора управления.

2. «1984» Д. Оруэлла, «Эквилибриум» - общества «реверсивной» информации: информации о прошлом («Кто контролирует прошлое, тот контролирует настоящее. Контролируя настоящее, Партия контролирует будущее...» - «1984») и информации в отчужденном виде – эмоции.

3. «Мы» Е. Замятина и «451⁰ по Фаренгейту» Р. Брэдбери – общества информации «ребра», информации о настоящем: постоянно поддерживаемая оценка настоящего индивидом как вечного и неизменного состояния за счет отсутствия возможностей анализа либо замусоренного («451⁰ по Фаренгейту» Р. Брэдбери), либо отчужденного сознания, лишённого возможностей к фантазированию («Мы» Е. Замятина).

Самое парадоксальное заключается в том, что приведенные примеры демонстрируют тенденцию, которую «классические» информационные общества демонстрировать не должны, а именно:

стремление к статичности, предельное сужение возможностей социальной мобильности. Информационное общество строится на широких основаниях огромной социальной мобильности (проблема изучалась подробно, например, в работе Э. Тоффлера «Футурошок» [176]) и постоянных инновациях в отношениях, технологиях и т.д. Существует простое объяснение: стремление к гиперболизации образа тоталитарного государства, проецируемых в будущее реальных тенденций и породило в антиутопическом жанре образ статичности общества такого типа. Однако такое объяснение не совсем удовлетворительно, хотя бы потому, что, например, «451⁰ по Фаренгейту» Р. Брэдбери [14] и «Утопия-14» К. Воннегута [17] создают образ будущего американской демократии, не имеющей ничего общего с тоталитарной политической системой Советского Союза. Литературный ответ на этот вопрос можно найти в еще одной антиутопии – «Цивилизации Статуса» Р. Шекли [40].

Общество, чей образ создан этой антиутопией, расколото на две части: благополучную Землю и планету преступников. Земное общество в романе представляет собой, казалось бы, общество благополучия, свободы, демократии и т.д. Однако на проверку оказывается, что вся система держится на привносимом извне самоконтроле. Будь это исключительно внутренним моральным импульсом – это можно бы было назвать ответственностью. В условиях сочинения Р.Шекли это становится самоКОНТРОЛЕМ. Планета преступников представляет собой общество контроля в чистом виде – тайного постоянного наблюдения, организаций «плавающего сетевого членства». Это общество хаоса, непостоянства, постоянного внедрения нового. И вместе с тем, Земля лишена импульса к развитию, а в обществе преступников переменчивый хаос общественных отношений на проверку оказывается жесточайшим образом структурирован и постоянен, неизменен, едва ли не сам по себе сопротивляется инновациям.

По сути, это вторжение теории относительности в область политологии и социологии, точнее осознание такого присутствия человеком, осведомленным о сущности теории. Бесконечно плавающие координаты позволяют одновременно представить одни и те же образы общественных отношений, как общества инновации и изменения и общества стазиса и стабильности.

В общем смысле проведенный анализ позволяет нам сформулировать гипотезу «негэнтропийного стазиса»: общество как динамическая система столь же подвержена законам энтропии и синергетики, как, скажем, любая физическая система – 2 закону термодинамики. Для развития требуется приток энергии от внешнего источника, которым являются люди (в прямом смысле - «электрические батарейки» в обществе, представленном в фильме «Матрица») и их деятельность. Система стремится к стабилизации (читай – заморозке) своего состояния с силой «прямо пропорциональной» силе преодоления энтропии и выхода системы на текущий уровень. То есть чем большие усилия были приложены к развитию системы, тем сильнее она будет сопротивляться новым изменениям, одновременно теряя стабильность своего существования.

Стоит добавить, что исключительное значение имеет информация в романах «О дивный новый мир», особенно, в «1984» Дж. Оруэлла, косвенным образом – в «Мы» Е. Замятина. Уинстон Смит занимается тем, что непрерывно производит, корректирует информацию, создает информационный образ политической реальности, которая соответствует словам (прогнозам и анализу!) Старшего Брата [30]. Д-503, в числе всех граждан Единого государства должен в обязательном порядке посещать некие образовательные занятия в «аудиториумах» [24, с. 343]. Информационная обработка граждан Единого Государства осуществляется регулярно и... идеологично.

Социально-политические антиутопии – это информационные общества, переродившиеся в общества контроля, идеологически-информационные. Вообще, такое подчеркнутое внимание к важности информации в антиутопиях, то есть в области художественного творчества, осмысляющем актуальную и будущую вероятностную социальность, означает, что понимание стратегической социальной значимости информации имеет гораздо более длинную историю, чем концепция «информационного общества», о чем мы уже говорили выше. «Позитивистская» и «негативистская» концепции осмысления будущего развития в науке и художественном творчестве оказываются «сцеплены» друг с другом. И это лишь повод в очередной раз повторить за Вильямом Шекспиром и Олдосом Хаксли: «О дивный новый мир!»

Послесловие

Современная футурология приняла на себя функцию универсального социального оракула, одновременно претендуя на научность своих методов и отказываясь от требования определения релевантности своих прогнозов. Прогнозирование будущего стало и предметом научного исследования, и прибыльным бизнесом, и объектом всевозможных спекуляций. Среди прочих направлений в футурологическом анализе и социальном прогнозировании выделяются работы, соотносимые с концепциями постиндустриального и информационного общества. Безусловно, различия между этими двумя концепциями и другими возможными вариантами (супериндустриальным обществом Э. Тоффлера [176], информационным обществом М. Кастельса [125], технотронным обществом Зб. Бжезинского [201], обществом контроля Ж. Делеза [107], постэкономическим обществом В.Л. Иноземцева [120] и т.д.) есть и в области методологии, и в концептуализации результатов исследований. Однако мы не видим достаточных оснований для принципиального разделения этих концепций. Зато оснований для объединения их в «постиндустриально-информационную парадигму» вполне достаточно: стадийный подход, выделение взаимодополняющих в разных концепциях «приоритетных» факторов социального развития, ориентация на прогресс технической и информационной сфер и т.д. Как правило, футурологические прогнозы этого направления отличаются сдержанным, но плохо скрываемым оптимизмом. Оптимистические прогнозы востребованы сторонниками текущей линии развития человечества и ориентированы на вполне удовлетворенных нынешним положением дел обывателей-гедонистов. Это апология потребительского гедонизма, который экономически и политически

обеспечивается научно-техническим превосходством развитых стран «первого мира» по отношению к эйкуменистической окраине. Пессимистические прогнозы могут представлять собой как спекуляции на уже сформировавшемся социальном недовольстве определенными феноменами современного общества, так и попытку реального осознания возможных угроз развитию человечества и предупреждения управленческой элиты об этих угрозах.

Однако в современной культуре проблема будущего актуализирована не только в научном дискурсе, но и в художественном творчестве. В первой половине XX столетия сформировался сложный комплекс взаимосвязанных литературных жанров и поджанров, который получил общее название антиутопии. И если футурология в большинстве случаев эмоционально позитивна, то антиутопии – это всегда негативное изображение картины будущего – там, где действие антиутопии отнесено в будущее. Некоторые исследователи ограничивали социальный смысл антиутопии критикой утопического проекта [127, с. 16]. Однако очевидно, что и социальное прогнозирование при этом играет не последнюю роль. Да, О. Хаксли действительно давал критику фордистского и бихевиористского социальных «проектов» [35], однако одновременно его роман «О дивный новый мир» был и попыткой тенденциального прогнозирования развития этих проектов «при прочих равных условиях». Безусловно, Дж. Оруэлл в числе прочего критиковал и советский социализм, и преклонение перед советской системой западных «левых». Однако в его романе четко прослеживается линия прогнозирования тех возможностей, какие дает политической диктатуре техническое развитие [30, с. 98] и перерождение любой некритически воспринимаемой идеологии в основу тоталитарной системы. И критика утопических проектов, и социальный прогноз позиционируется авторами антиутопий как функции предупреждения и предостережения. Однако нам хотелось

бы отметить две функции антиутопии, которые до сих пор не были обозначены в научном дискурсе: провокационную и деспераритивную (от латинского «desperare» - «не иметь надежды», «потерять надежду»).

Провокационность проявляется именно в сопряжении антиутопического прогноза с социальной практикой и футурологическим прогнозом. Позволим привести себе несколько примеров. В романе Дж. Оруэлла «1984» Старший Брат (или Большой Брат) стал символом всевластия и всевидения государства. «Телекраны», размещенные Партией везде в Океании – в квартирах рядовых партийцев, в общественных столовых и коридорах – позволяли Полиции Мыслей и Министерству Любви постоянно контролировать общество [30]. В 1997-1998 годах в Голландии стартовало первое реалити-шоу классического типа – показ якобы «типической ситуации» жизни обычных людей в замкнутом, «телесериальном» пространстве-интерьере. Это шоу называлось... «Большой брат». Идея такого шоу, возможно, была также предвосхищена и подсказана рассказом-дистопией Р. Шекли «Жизнь как жизнь».

Другим примером подобного провокативного воздействия является смена «знака» оценивания прогнозной ситуации с минуса на плюс. Так, американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер в работе «Футурошок» позволяет себе изначально сомнительную оговорку: «потенциальные применения таких открытий [клонирования и генной модификации человека] заставляют вспомнить роман «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли и поразительную научную фантастику» [176, с. 222-223]. Антиутопия Олдоса Хаксли ставится в один ряд с поразительной – и очевидным образом положительно поразительной – научной фантастикой. Несколько далее в той же работе Э. Тоффлер восторгается техническими успехами и социальными следствиями интерактивного телевидения, описанными в другой антиутопии –

«451? по Фаренгейту» Рэя Брэдбери. «Семейная пара, жители предместья, из последних сил копят деньги, чтобы приобрести видеоэкраны на три или четыре стены – это позволит им участвовать в некоей разновидности телевизионной психодрамы. Они станут актерами-соучастниками «мыльных опер», длящихся неделями и месяцами, причем будут чрезвычайно глубоко погружены в действие» [176, с. 256]. Позволим себе усомниться в правильности трактовки футурологом этой ситуации. Телевизионная «психодрама» представляла собой в конкретном описанном случае однократно транслируемый теле-спектакль: жена главного героя не может даже сформулировать сюжет этого спектакля. «Чрезвычайная погруженность в действие» Э. Тоффлера в тексте первоисточника было тем, как жена периодически подавала реплики следующего содержания: «По-моему, это просто великолепно!», «Ну, конечно, согласна». Покупка трех «телевизорных стен» связала семью жесткими кредитными обязательствами, но жена эгоистично продолжает требовать покупки и четвертой, что обойдется в треть годового заработка ее мужа [14, с. 22]. Мыльную же оперу «Родственники» в романе Р. Брэдбери описывает так: «Все эти дядюшки, тетушки, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы, жившие на этих стенах, свора тараторящих обезьян, которые вечно что-то лопочут без связи, без смысла, но громко, громко, громко! <...> О чем они говорят? Милдред [жена – И.Т.] не могла объяснить. Кто на кого зол? Милдред не знала» [14, с. 45]. Главного героя Гая Монтэга попытки просмотра этого сериала доводили до полуобморочного состояния [14, с. 46].

Однако в исследовании Э. Тоффлера это превращается в «психодраму», в которой муж и жена в семейной идиллии будут «чрезвычайно глубоко погружены в действие».

Можно привести и другие примеры. Так, Ф. Фукуяма осторожно, но все же восхищается лекарствами, моделирующими

человеческое поведение – снижающими агрессивность, асоциальные склонности и т.д. [184]. В антиутопиях С. Лема «Возвращение со звезд» [26] и «Футурологический конгресс» [27] подобные фармацевтические модуляторы приводят к потере человеком собственной человечности, а во второй повести – чувства реальности вообще.

Функция предупреждения, таким образом, срывает далеко не всегда. Вместо нее антиутопия – по мере сдвига системы социальных ценностей – провоцирует, подсказывает пути социальной эскалации негативных феноменов. Футурология – оптимистически настроенная – легко подхватывает эту провокацию, ретранслирует ее в общество уже как положительную. Антиутопия также срывает детонатором и для негативных социальных ожиданий. «Зачем вы изучаете антиутопии, если все равно не сможете этого изменить?» - такой вопрос был поставлен автору учащимся одиннадцатого класса специализированного лицея. Антиутопия тем более мощна в своей деспераритивной функции, чем более реалистично, талантливо изображено в ней общество, чем более точно автор предугадал или предвосхитил нынешние социальные явления.

В целом, на основе анализа футурологических концепций и антиутопий мы можем выделить следующие пункты совпадения прогностической «фактуры» при частичном несоответствии или полном противопоставлении оценки этих явлений (в скобках мы отметим наиболее характерные работы футурологов, антиутопии с датами издания или написания):

- **перенаселение, нехватка ресурсов**, вытекающие из этого конфликты («Пределы роста» (1972 г.), «Вождеющее семя» (1962 г.), «Мы» (1920 г.), «Час Быка» (1968 г.), «Футурологический конгресс» (1971 г.));
- **влияние на сознание людей**, программирование их поведения при помощи химических, психологических,

компьютерных средств («Наше постчеловеческое будущее» (2002), «Мы» (1920 г.), «О дивный новый мир» (1932 г.), «1984» (1948 г.), «Футурологический конгресс (1971 г.), «Заводной апельсин» (1962 г.));

- **девальвация культуры** («Футурошок» (1970 г.), «451? по Фаренгейту» (1953 г.), «О дивный новый мир» (1932 г.), «Хищные вещи века» (1964 г.));

- **потребительское отношение** к миру, обществу, объектам и феноменам социальности («Общество потребления» (1970 г.), «Операция “Венера”» (1953 г.), «О дивный новый мир» (1932 г.));

- **«машинный» подход к человеку** (движение трансгуманистов и сингуляристов (с 1980-х гг.), «Мы» (1920 г.), «Утопия-14» (1952 г.));

- **углубление социальной стратификации** вплоть до социального раскола (движение трансгуманизма (с 1970-х), «Человеческие качества» (1980 г.), «1984» (1948 г.), «Утопия-14» (1952 г.), отрицание этого в «Грядущем постиндустриальном обществе» (1973 г.));

- **деформации этических и эстетических** комплексов и систем (все антиутопии, большинство работ по футурологии, наиболее четко видно в «Футурошоке» (1970 г.));

- **мутация религии**, ее упрощение, перверсия ценностей и догм, ее «шоу-изация» («Вождедеющее семя» (1962), «Мечеть Парижской Богоматери» (2005 г.));

- **этнические, расовые, цивилизационные, глобальные конфликты** («Столкновение цивилизаций» (1996), «Великая шахматная доска» (1997 г.), «1984» (1948 г.), «Утопия-14» (1952 г.), «Мечеть Парижской Богоматери» (2005 г.));

- **страх** перед ядерной и/или экологической катастрофой (работы исследователей Римского клуба (с 1970 г.), «451? по Фаренгейту» (1953 г.), «Обитаемый остров» (1969 г.), «Футурологический конгресс» (1971 г.), «О дивный новый мир»

(1932 г.), «Вожделеющее семя» (1962 г.), «Час Быка» (1968 г.), «Бегущий по лезвию бритвы» (1968 г.);

- **торжество информационного «трэша»** / телевидение как канал распространения «информационного мусора» против Интернета, как свободной информационно-насыщенной коммуникации («От Интернета к Гуттенбергу...» (1996 г.), «Футурошок» (1970 г.), «Джонни Мнемоник» (1981 г.), «451? по Фаренгейту» (1953 г.));

- **общественный стагис** при декларации стремительного развития, государственный контроль гибкими и мягкими методами, доминирование идеологии и идеологическая нетерпимость, стремление к распространению идеологии на всю планету \ общество («Конец истории и последний человек» (1989-1992 гг.), «О дивный новый мир» (1948 г.), «Мы» (1920 г.), «1984» (1948 г.), «Цивилизация статуса» (1960 г.), «Возвращение со звезд» (1961 г.), «Утопия-14» (1952 г.));

- **деформация семьи**, ее исчезновение, изменение норм сексуальных отношений, поощрение сексуальных перверсий, полный отказ или, наоборот, абсолютная свобода секса («Футурошок» (1970 г.), «Наше постчеловеческое будущее» (2002 г.), «Мы» (1920 г.), «О дивный новый мир» (1932 г.), «1984» (1948 г.), «Утопия-14» (1952), «451? по Фаренгейту» (1953 г.);

- генетические и технологические манипуляции с человеческим телом («Футурошок» (1970 г.), «Наше постчеловеческое будущее» (2002 г.), «О дивный новый мир» (1932 г.), «Возвращение со звезд» (1961 г.), «Джонни Мнемоник» (1981 г.)).

Естественно, многие из этих черт будущего имеют давнюю историю. Угроза перенаселения витала и над древнеегипетской цивилизацией, была актуализирована в науке Т. Мальтусом . Идея деградации культуры, этоса и пр. также сопровождает человечество весь обозримый период его существования (на ней базируются

ретроспективные концепции «Золотого века» и пр.). 3 глобальных конфликта, включая и две открытых Мировых войны состоялось уже в XX веке, однако «локальные» (скорее локализованные) и этнические, и государственные, и цивилизационные конфликты протекали постоянно и продолжают сейчас. Стремлением к сохранению социального статус-кво отличаются конфуцианская философская доктрина, социальная составляющая индуизма, апологии сословных структуры хоть в России в XVII веке, хоть в Европе. Деление людей на способных и неспособных критически осваивать информационное пространство, очевидно, также старо, как и попытки манипулировать информацией. Инженерно-конструкторский подход к человеку можно отметить уже в трудах Платона; проекты «внесемейной» сексуальности реализовывались в Спарте, предлагались тем же Платоном и т.д.

Из такой устойчивости общих, деконкретизированных черт образа будущего в исторической ретроспективе следует два альтернативных вывода:

1. Либо перечисленные выше черты имманентно-присущи образу будущего в человеческом восприятии и актуализируются любым вариантом реального развития

2. Либо эти черты действительно проходят «красной нитью» через всю историю человечества; являются «устойчивой проблемой» цивилизации.

Это касается и научно-футурологических прогнозов и антиутопического образа будущего, функция предупреждения в которых срывает далеко не всегда. Вместо нее антиутопия – по мере сдвига системы социальных ценностей – провоцирует, подсказывает пути социальной эскалации негативных феноменов. Футурология – оптимистически настроенная – легко подхватывает эту провокацию, ретранслирует ее в общество уже как положительную. Антиутопия также срывает детонатором и для негативных социальных ожиданий.

Мы встаем перед логически неразрешимой проблемой – стоит ли акцентировать воспитательную и социальную значимость феномена, который провоцирует развитие негативных социальных тенденций и негативное восприятие будущего вообще? Вместе с тем, не прислушиваясь к негативным прогнозам, мы оказываемся смотрящими на мир через розовые очки, не замечающими ни современных проблем, ни негативных тенденций, которые в будущем могут принять конкретные и весьма уродливые формы. Приведенные выше примеры демонстрируют также необходимость крайне осторожного отношения к футурологическим прогнозам, необходимости формирования прогностической культуры, связанной с понятием социальной ответственности прогнозиста: ответственности не перед внешней цензурой или ангажирующими прогноз лицами, а перед самим собой и будущими потомками, которым предстоит жить в «светлом» («-ли»?) мире завтрашнего дня.

Стоит отметить лишь немногие мрачные пророчества «антиутопистов», чтобы понять – творческое осмысление будущего не менее важный компонент, чем «научно»-футурологическое. Вот некоторые из таких предсказаний:

1. Эскалация технического обеспечения гедонизма – телеэкраны **расширяют диагональ**, радио сопровождает людей постоянно, машины наращивают скорость до невозможности адекватного управления (Р. Брэдбери «451? по Фаренгейту», 1953 г.)
2. Генезис элиты технократов, бизнесменов и администраторов, человеку неспособному влиться в эту элиту уготована участь потребителя («Утопия-14» К. Воннегута, 1952 г.; «Операция “Венера”» Ф. Пола и С. Корнблата, 1953 г.)

3. Техническое совершенствование рекламы, проникновение ее во все области жизни, подмена искусства рекламным творчеством («Операция “Венера”» Ф. Пола и С. Корнблата, 1953 г.)
4. Информационная перегрузка человека, его киборгизация и слияние с компьютером («Джонни Мнемоник» У. Гибсона, 1981 г.)
5. Химическое моделирование человеческого поведения, «фармакократия» («Футурологический конгресс» С. Лема, 1971 г.)

Автор далек от мысли о том, что антиутопический прогноз точнее футурологического. Однако сам характер антиутопической социальности делает редкие попадания едва ли не более значимыми, чем большая релевантность футурологов. Тем более, с учетом той провокационной роли, которую играет антиутопия в изменчивой человеческой культуре.

Актуализировать утопию как жанр творческого поиска, как жанр литературный, избегая актуализации утопического мышления, прежде всего, в политике – это задача, решение которой настоятельно необходимо. Воспитать поколение прогнозистов-ученых, с ответственностью ученого, а не публициста, относящихся к возможности «случайной» реализации своих прогнозов – это также насущная задача «светлого завтра». Иначе «светлое завтра» вполне ожидаемо превратится в новые «темные века».

Библиография

Исторические источники

1. Аврелий, А. Исповедь [Электронный ресурс] / Августин Аврелий. – Режим доступа: http://azbyka.ru/moi_put_k_vere/avgustin_ispoved_011-all.shtml, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.
2. Барлоу, Дж. П. Декларация Независимости Киберпространства. Давос, Швейцария, 8.02.1996 [Электронный ресурс] / Дж. П. Барлоу. – Режим доступа: <http://www.average.org/freespeech/>, свободный. – Загл. с экрана. – 27.07.2009.
3. Гесиод Труды и дни [Электронный ресурс] / Гесиод. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gesiod/rab_dni.php, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.
4. Джефферсон, Т. О демократии. Часть 1. Естественные права (Из писем и записок Томаса Джефферсона) [Электронный ресурс] / Т. Джефферсон. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/spezhran/jefferson1.htm>, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.
5. Кампанелла, Т. Город солнца [Электронный ресурс] / Т. Кампанелла. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kampanella_tommazo/gorod_solnca/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.
6. Кар, Т. Л. О природе вещей (перевод с латин. Ф. Петровского) [Электронный ресурс] / Тит Лукреций Кар. - Режим доступа: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/lucretius.htm>, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.

7. Книга правителя области Шан : (Шан цзюнь шу) [Текст] / [Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока]; Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл. Л. С. Переломова. - 2-е изд., доп. - М. : Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. – 390 с. - (Памятники письменности Востока).

8. Сунь Цзы Искусство войны [Электронный ресурс] / Сунь Цзы. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html>, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.

Художественная литература

9. Азимов, А. Конец вечности [Электронный ресурс] / А. Азимов. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/azimov_isaac/konec_vechnosti/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

10. Азимов, А. Основание (Академия) [Электронный ресурс] / А. Азимов. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/azimov_isaac/akademija_3_osnovanie_akademija/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

11. Берджесс, Э. Вождеющее семя [Текст] // Заводной апельсин; Вождеющее семя; Трепет намерения : Романы : Пер. с англ. / Э. Берджесс; [Примеч. Н. Калинина, А. Смолянского; худож. С. Лемехов] – Л. : «Художественная литература». Ленинградское отделение. – 1993. – 667 с.

12. Берджесс, Э. Заводной апельсин [Текст] // Заводной апельсин; Вождеющее семя; Трепет намерения : Романы : Пер. с англ. / Э. Берджесс; [Примеч. Н. Калинина, А. Смолянского; худож. С. Лемехов] – Л. : «Художественная литература». Ленинградское отделение. – 1993. – 667 с.

13. Бетке, Б. Интерфейсом об тейбл [Электронный ресурс] / Б. Брюс. – Режим доступа:

http://fictionbook.ru/author/betke_bryus/interfeyisom_ob_teyibl/, свободный. – 3.09.2009.

14. Брэдбери, Р. 451? по Фаренгейту // О скитаньях вечных и о Земле : [Сборник : Пер. с англ.] / Рэй Брэдбери; [Сост. и послесл. В. И. Скурлатова; Вступ. Слово В. А. Джанибекова; Ил. Г. Н. Бойко, И. Н. Шалито]. – М. : Правда, 1987 – 656 с.

15. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/bulgakov_mihail_afanasevich/master_i_margarita/, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

16. Веркор Квота, или «Сторонники изобилия» [Электронный ресурс] / Веркор, Коронель [пер. И. Эрбург] // Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/verkor/kvota_ili_storonniki_izobiliya/, свободный. – Загл. с экрана. – 21.09.2009.

17. Воннегут, К. Утопия-14 [Текст] / К. Воннегут. – М. : МП «Все для вас», 1992. – 330 с. – (Американская фантастика в 14 т. [перевод]).

18. Гибсон, У. Джонни Мнемоник [Электронный ресурс] / У. Гибсон. – Режим доступа: <http://lib.ru/GIBSON/johnmnm.txt>, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

19. Глуховский, Д. Метро-2033 [Электронный ресурс] / Д. Глуховский. – Режим доступа: <http://www.metro2033.ru/book/>, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

20. Дик, Ф. К. Бегущий по лезвию бритвы (Мечтают ли андроиды об электроовцах?) [Электронный ресурс] / Ф. К. Дик. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/filip_kindred_dik/begushiya_po_vezviyu_britviyu_mechtayut_1/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

21. Дик, Ф. К. Человек в высоком замке [Электронный ресурс] / Ф. К. Дик. – Режим доступа:

http://fictionbook.ru/author/dik_filip_kayindred/chelovek_v_viysokom_zamke/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

22. Ефремов, И. Час быка : Науч.-фантаст. роман [Текст] / И. Ефремов. – Челябинск: «Вариант-книга» : Омск : Изд.-полигр. комплекс «Омич». – 1992. – 447 с.

23. Зайчик ван, Х. Дело жадного варвара [Электронный ресурс] / Х. ван Зайчик. – Режим доступа:

<http://lib.rus.ec/b/113460/read>, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009

24. Замятин, Е. Мы [Текст] // Избранное / Е. Замятин. [сост. О. Н. Михайлова; Худож. О. К. Вуколова] – М. : Издательство «Правда», 1989. – 464 с. – (Библиотека «Огонек»).

25. Корнблат, С. М. Операция «Венера» [Текст] // Сборник научно-фантастических произведений / Ф. Пол, С. М. Корнблат. – М. : МП «Все для вас», 1992 – 332 с. – (Американская фантастика в 14 т. [Перевод]).

26. Лем, С. Возвращение со звезд [Текст] // Солярис; Возвращение со звезд / С. Лем; [Пер. Г. А. Гудимовой, В. М. Перельман; Худож. Л. Денисенко, В. Черниевский]. – М. : Текст : Ред.-изд. фирма «РИФ» , 1992 - 396 с. – (Собрание сочинений В 10 т. [Перевод] Станислав Лем).

27. Лем, С. Футурологический конгресс [Текст] // Звездные дневники; Из воспоминаний Ийона Тихого; Футурологический конгресс : Повесть : [Перевод] / С. Лем; [Худож. И. Сауков, А. Яковлев]. – М. : Текст : ЭКСМО-пресс , 1998. – 525 с. – (Классика приключений и научной фантастики).

28. Логинов, С. Многорукий бог далайна [Электронный ресурс] / С. Логинов. – Режим доступа:

http://www.fictionbook.ru/author/loginov_svyatoslav/romaniy_mnogorukiyi_bog_dalayina/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

29. Олди, Г. Л. Богадельня [Электронный ресурс] / Г. Л. Олди. – Режим доступа:

http://fictionbook.ru/author/oldi_genri_layion/bogadelnya/,
свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

30. Оруэлл, Дж. 1984 [Текст] // Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе : Сб. : Пер. с англ. / Дж. Оруэлл. – М. : НФ «Пушкинская библиотека» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 661 с. – (Золотой фонд мировой классики).

31. Снегов, С. Люди как боги [Текст] // С. Снегов. – Режим доступа : http://www.fictionbook.ru/author/snegov_sergeyi/, свободный. – Загл. с экрана. – 30.09.2009.

32. Стругацкий, А. Н. Хищные вещи века [Текст] // Хищные вещи века : [Повесть]; Чрезвычайные происшествия; Полдень, XXII век / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий; [Вступ. ст. С. Переслегина; Ил. Я. Ашмариной, Л. Рубинштейна]. – М.-Назрань : АСТ, Б. г., 1997. – 666 с. - (Миры братьев Стругацких).

33. Стругацкий, А. Н. Град Обреченный [Электронный ресурс] / Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/strugackie_arkadiyi_i_boris/grad_obrecheniyyi/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

34. Стругацкий, А. Н. Обитаемый остров [Электронный ресурс] / Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/strugackie_arkadiyi_i_boris/kamerer_1_obitaemyy_ostrov/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

35. Хаксли, О. О дивный новый мир [Текст] // Контрапункт; О дивный новый мир; Обезьяна и сущность; Рассказы / О. Хаксли; [Пер. с англ. И. Романовича и др.]. – М. : НФ «Пушкинская библиотека» : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 986 с. – (Золотой фонд мировой классики).

36. Херберт, Ф. Дети Дюны [Электронный ресурс] / Ф. Херберт. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/155941>, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

37. Херберт, Ф. Дюна [Электронный ресурс] / Ф. Херберт. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/134750>, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

38. Херберт, Ф. Мессия Дюны [Электронный ресурс] / Ф. Херберт. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/155940>, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

39. Шекли, Р. Билет на планету Транай [Текст] // Билет на планету Транай; Обмен разумов; Четыре стихии; Рассказы / Р. Шекли . – М. : МП «Все для вас», 1992. – 364 с. – (Американская фантастика в 14 т. [Перевод]).

40. Шекли, Р. Цивилизация статуса [Электронный ресурс] / Р. Шекли. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/robert_shekli/civilizaciya_statusa/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

41. Чудинова, Е. Мечеть Парижской Богородицы [Электронный ресурс] / Чудинова Е. – Режим доступа : http://fictionbook.ru/author/chudinova_elena/mechet_parijskoyi_bogomateri/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.

Диссертации

42. Борисенко Ю. А. Риторика власти и поэтика любви в романах-антиутопиях первой половины XX века: Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Е. Замятин : диссертация ... кандидата филологических наук, 10.01.03 / Ю. А. Борисенко. – Ижевск, 2004. – 190 с.

43. Верхошанская, Р. Н. Социальное время-пространство (философско-методологический анализ) : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11 / Р. Н. Верхошанский. – Казань, 2004 - 155 с.

44. Гриценко, Н. В. Историческое время в социально-философском контексте : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11 / Н. В. Гриценко. – Таганрог , 2004 - 156 с.

45. Диденко, В. Ф. Методологическая функция категории «социальное время» в исследовании сущности революционного процесса : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.01 / В. Ф. Диденко. – Киев , 1984 - 173 с.

46. Зубец, О. П. Темпоральные особенности нравственной жизни (ценностная регуляция и социально-историческое время) : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.05 / О. П. Зубец. – Москва , 1984 - 195 с.

47. Ковальчук, С. А. Историческое время, спонтанность и порядок как гносеологические категории : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.01 / С. А. Ковальчук. – Пермь , 2004 - 112 с.

48. Козьмина Е. Ю. Поэтика романа-антиутопии: на материале русской литературы XX века : диссертация ... кандидата филологических наук, 10.01.08 / Е. Ю. Козьмина. – Москва, 2005. – 222 с.

49. Кярова, М. А. Утопия: социальное содержание и функции : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11 / М. А. Кярова. – Нальчик, 2005. – 146 с.

50. Лазаренко О. В. Русская литературная антиутопия 1900-х - первой половины 1930-х годов: проблемы жанра : диссертация ... кандидата филологических наук, 10.01.01 / О. В. Лазаренко. - Воронеж, 1997. - 245 с.

51. Ланин, Б. А. Русская литературная антиутопия XX века : диссертация ... доктора филологических наук, 10.01.02 / Б. А. Ланин. – Москва, 1993. – 344 с.

52. Люльченко, В. О. Гуманистические аспекты проблемы будущего : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11 / В. О. Люльченко. – Пятигорск, 2004 - 161 с.

53. Максименко, О. Ю. Роль утопической идеи в социокультурной динамике : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.13 / О. Ю. Максименко. – Томск, 2004. – 137 с.

54. Малышева, Е. В. Структурно-композиционные и лингвостилистические особенности антиутопии как особого типа текста : диссертация ... кандидата филологических наук, 10.02.04 / Е. В. Малышева. – Санкт-Петербург, 1998. – 154 с.

55. Молев, А. И. Социокультурные прогнозы развития западной цивилизации середины XX – начала XXI вв. : диссертация ... кандидата философских наук, 24.00.01 / А. И. Молев. – Москва : 2007. – 199 с.

56. Морщихина, Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11 / Л. А. Морщихина. – Архангельск, 2004. – 195 с.

57. Муратов, А. А. Политические аспекты «информационного общества» и эволюция современных международных отношений : диссертация ... кандидата политических наук, 23.00.04 / А. А. Муратов. - Санкт-Петербург, 2003. - 167 с.

58. Павлюц, К. Н. Проблемы становления категорий «социальное время» и «социальное пространство» в философском и социальном знании : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11 / К. Н. Павлюц. – Москва, 2007. – 222 с.

59. Платонова, М. В. Категориальный статус понятия «информационное общество» : Социально-философский аспект :

диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11 / М. В. Платонова. - Волгоград, 2005. - 130 с.

60. Путилова, Е. А. Интернет как фактор формирования информационного общества : диссертация ... кандидата социологических наук, 22.00.04 / Е. А. Путилова. - Тюмень, 2004. - 186 с.

61. Ракитянская, Л. В. Позитивная модель будущего как фактор формирования культуры самосознания : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.13 / Л. В. Ракитянская. - Ставрополь, 2005. - 171 с.

62. Романов, С. С. Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии : диссертация ... кандидата филологических наук, 10.01.01 / С. С. Романов. – Курск, 1998. – 168 с.

63. Рунов, А. В. Особенности коммуникативной среды в моделях информационного общества : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.04 / А. В. Рунов. - Москва, 2003. - 321 с.

64. Сивирин, Б. С. Феномен социальной перспективы в современной социологии: методологические основания социального прогноза и управления : диссертация ...доктора социологических наук : 22.00.01 / Б. С. Сивирин. – Барнаул , 2004 - 269 с.

65. Стяжкина, Т. С. Динамика утопического сознания : от мифа древних цивилизаций к постнеклассической утопии : диссертация ... кандидата философских наук, 24.00.01 / Т. С. Стяжкина. – Москва, 2007. – 142 с.

66. Тимофеева, А. В. Жанровое своеобразие романа антиутопии в русской литературе 60-80-х гг. XX века : диссертация ... кандидата филологических наук, 10.01.01 / А. В. Тимофеева. – Москва, 1995. – 184 с.

67. Тимошенко, Т. В. Научная фантастика как социокультурный феномен : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.13 / Т. В. Тимошенко. – Ростов-на-Дону, 2003. – 142 с.

68. Тырыгина, В. А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе : диссертация ... доктора филологических наук, 10.02.04 / В. А. Тырыгина. - Москва, 2008. - 375 с.

69. Фролова, И. В. Утопия: сущность и развитие (опыт социально-философской концептуализации) : диссертация ... доктора философских наук, 09.00.11 / И. В. Фролова. – Уфа, 2005. – 355 с.

70. Шишулькин, С. А. Онтологические и гносеологические основания социальной утопии : диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.01 / С. А. Шишулькин. – Магнитогорск, 2004 – 129 с.

Монографии и статьи

71. Агаджанян, Н. А. Болезни цивилизации [Текст] / Н. А. Агаджанян, А. Я. Чижов, Т. А. Ким // Экология человека. – 2003. – № 4. – С. 8-11

72. Анисов, А. М. Феномен времени [Электронный ресурс] / А. М. Анисов. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/anisov_svoystva.pdf, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

73. Ануфриев, С. И. Культурфилософский статус понятий «неопределенность», «перемены» и «риск» в условиях коммуникативной социальности [Текст] / С. И. Ануфриев, М. С. Хабибулин // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки (Социология)». – 2006. – № 12 (63). – С. 53-61

74. Апыхтин, А. В. Понятие современности: социально-философский анализ : автореферат диссертации ... кандидата философских наук, 09.00.11 / А.. В. Апыхтин. – Санкт-Петербург, 2005. – 24 с.

75. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия [Электронный ресурс] / Ж. Аттали. – Режим доступа: <http://www.netda.ru/belka/texty/attaly/att1.htm>, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.

76. Баталов, Э. Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании, утопических экспериментах [Электронный ресурс] / Э. Я. Баталов. – Режим доступа: <http://marsexx.narod.ru/utopia/batalov-v-mire-utorij.html>, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.

77. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман; Пер. с англ. под ред В. Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, Журн. «Свобод. Мысль». - Москва: Логос, 2002. - LXIII, 324 с.

78. Богин, Г. И. Филологическая герменевтика и общая стилистика Сб. науч. тр. [Текст] / Г. И. Богин. – Тверь: издательство Тверского государственного университета, 1992. – 158 с.

79. Бекарев, А. М. Социальное пространство и время: анализ деконструкции [Текст] / А. М. Бекарев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2006. – № 6. – С. 282-287

80. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество : Опыт социал. прогнозирования [Текст] / Д. Белл; Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. - М. : Academia, 1999. - CLXX, 783 с.

81. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование [Электронный ресурс] / И. В. Бестужев-Лада, А. Г. Наместникова. – Режим доступа:

http://www.erlib.com/И._Бестужев-Лада/Социальное_прогнозирование/0/, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

82. Бестужев-Лада, И. В. Личность и общество: Три этики для XXI века [Электронный ресурс] / И. В. Бестужев-Лада. – Режим доступа : <http://www.nasledie.ru/persstr/persona/bestush/article.php?art=13>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

83. Бжезинский, З. Великая шахматная доска [Электронный ресурс] / З. Бжезинский. – Режим доступа: http://www.erlib.com/Збигнев_Бжезинский/Великая_шахматная_доска/0/, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

84. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Текст] / Ж. Бодрийяр / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М. : Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с. – (Мыслители XX века).

85. Боков, В. Н. От Даля к Парсонсу и обратно. Гипотеза о природе услуги [Электронный ресурс] / В. Н. Боков. – Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/10/11/0000313503/006-ВОКОВ_V.I.pdf, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

86. Бонгард-Левин, Г. М. Древняя Индия. История и культура [Текст] / Г. М. Бонгард-Левин. – СПб. : Алетейя, 2001. – 288 с. – (Востоковедение: учебные пособия и материалы).

87. Борода, Е. В. Век XXI: мир новых возможностей или счастливый сон человечества? (по повести братьев Стругацких «Хищные вещи века») [Электронный ресурс] / Е. В. Борода. – Режим доступа: http://www.rusf.ru/abs/rec/bor_khis.htm, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.

88. Буковская, Н. В. Ценностные аспекты современного восприятия времени [Текст] // Вестник НГУ, серия «Философия» . – 2006. – том 4. – выпуск 1. – С. 70-76

89. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст] / И. Валлерстайн; Пер. с англ. П. М. Кудюкина; Под ред.: Б. Ю. Кагарлицкий. - СПб. : Унив. кн., 2001. – 414 с.

90. Валлерстайн, И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн; Пер. с англ. М. М. Гурвица и др. - М. : Едиториал УРСС, 2003. - 253 с.

91. Васильев, Я. Ю. Субстанциональный подход в методологии социального прогнозирования [Текст] / Я. Ю. Васильев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, серия «Социальные науки» . – 2007. – № 2 (7). – С. 20-29

92. Вирильо, П. Кибервойна, Бог и Телевидение. Интервью журналу «Chaos theory» [Электронный ресурс] / П. Вирильо. – Режим доступа: <http://www.chaoss.ru/хаос/cyberwar.html>, свободный. - Загл. с экрана. – 09.09.09.

93. Выгонский, С. Грядут ли генетические войны? [Электронный ресурс] / С. Выгонский. – Режим доступа: <http://www.futura.ru/index.php3?idart=139>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

94. Вылков, Р. И. Глобализация общественного развития и модели будущего [Электронный ресурс] / Р. И. Вылков. – Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0057\(04_05-2008\)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0057(04_05-2008)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp), свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

95. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : Основы филос. герменевтики : Пер. с нем. [Текст] / Х.-Г. Гадамер; Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. - М. : Прогресс, 1988 - 699 с.

96. Головачева, И. В. Путь на запад, путь на восток: «иное» в утопиях Олдоса Хаксли [Текст] / И. В. Головачева //

Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, серия «Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология)». – 2008. – № 11(62), С.58-64.

97. Голоцан, Е. Футурология как история будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/politics/20011226-gol.html> , свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

98. Гриняев, С. Угрозы и вызовы информационной эпохи [Электронный ресурс] / С. Гриняев. – Режим доступа : http://www.expert.ru/printissues/expert/2004/01/01ex-i_soc/, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

99. Громов, М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси [Текст] / М. Н. Громов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 2, С. 7-17.

100. Грякалов, А. А. Субъективность и топос (к определению современности) [Текст] / А. А. Грякалов // Вестник РХГА. – 2007. - № 8 (2). – С. 33-46

101. Губбыева, З. О. Альтернативное моделирование и современная теория исторического процесса [Текст] / З. О. Губбыева // Вестник АГТУ. – 2005. – № 5 (28). – С. 66-74

102. Гулидов, А. И. Существует ли «стрела времени»? [Текст] / А. И. Гулидов, Ю. И. Наберухин // Философия науки. – 2003. – № 2 (17). – С. 3-15

103. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилев. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/EVE/index.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

104. Гусакова, Т. Ф. Гедонизм как вектор современной культуры [Текст] / Т. Ф. Гусакова // Вестник Тюменского гос. ун-та. – 2006. – № 2, С. 60-69.

105. Давыдов, А. Сеть как основная форма грядущей экономической организации общества [Электронный ресурс] / А. Давыдов. – Режим доступа:

<http://www.futura.ru/index.php3?idart=132>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

106. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа [Текст] / Н. Я. Данилевский; [Сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева]. - М. : Книга, 1991. - 573 с. - (Ист.-лит. арх.).

107. Делёз, Ж. Общества контроля. Postscriptum [Электронный ресурс] / Ж. Делез. – Режим доступа: <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/delez01.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

108. Делягин, М. Глобальная неустойчивость [Электронный ресурс] / М. Делягин. – Режим доступа: <http://www.imperativ.net/iprog/glob-unequil.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

109. Деркач, В. В. Историзм как принцип познания современных социальных процессов [Текст] / В. В. Деркач // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. – 2006. – т. 8. – № 4, С. 161-164.

110. Деркач, В. В. Принцип историзма в исследовании современного общества [Текст] / В. В. Деркач // Вестник Башкирского университета. – 2007. – т. 12. – № 3. – С. 142-143.

111. Дракер, П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке [Текст] / П. Ф. Друкер ; [пер. с англ. и ред. Н. М. Макаровой]. – Москва : Изд. Дом «Вильямс», СПб. : Печатный двор им. А. М. Горького. – 2007. – 276 с.

112. Евдокимов, А. Ю., О возможности построения «идеального» общества [Текст] / А. Ю. Евдокимов,

Е. Н. Кузнецова // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 3. – С. 204-209.

113. Еляков, А. Д. Современная информационная революция [Электронный ресурс] / А. Д. Еляков. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-10/elyakov.pdf>, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

114. Жаворонков, А. В. Об устойчивости распределения населения по параметрам информированности, активности и уровню семиотической подготовки [Электронный ресурс] / А. В. Жаворонков. – Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/10/09/0000313480/012-ZhAVORONKOV_A.V.pdf, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

115. Замятина, Н. Ю. «Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах» [Электронный ресурс] / Н. Ю. Замятина. – Режим доступа: <http://ons.gfns.net/1998/5/08.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

116. Засурский, Я. Н. Информационное общество сегодня и завтра [Текст] / Я. Н. Засурский // Информационное общество. – 2001. – вып. 3. – С. 57-58

117. Засурский, Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации [Текст] / Я. Н. Засурский // Информационное общество. – 1999. – вып. 1. – с. 36-40

118. Засурский, Я. Н. Информационное общество, Интернет и новые средства массовой информации [Текст] / Я. Н. Засурский // Информационное общество. – 2001. – вып. 2. – с. 24-27

119. Иванов, Д. В. Постиндустриализм и виртуализация экономики [Электронный ресурс] / Д. В. Иванов. – Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a8.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

120. Иноземцев, В. Л. Расколота́я цивилизация [Электронный ресурс] / В. Л. Иноземцев. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/inozemcev_v/raskolotaya_civilizaciya-read.html, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

121. Истюфеев, А. В. Становление постиндустриального общества в рамках современной глобализации [Текст] / А. В. Истюфеев // Вестник ОГУ. – 2006. – № 7. – С. 84-90

122. Калимонов, И. К. Фазовая теория И.М. Дьяконова: востоковедение и осмысление хода мировой истории [Текст] / И. К. Калимонов, Д. Е. Мартынов // Ученые записки Казанского государственного университета, серия «Гуманитарные науки». – 2006. – т. 148. – кн. 4. – С. 7-23

123. Кара-Мурза, С. Г. Образ будущего [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза. – Режим доступа: <http://sg-karamurza.livejournal.com/9365.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

124. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе [Текст] / М. Кастельс; [Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой]. - Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). - 327 с. - (Академический бестселлер).

125. Кастельс, М. Информационная эпоха : Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс; Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. - М., 2000. – 606 с.

126. Каткова, М. В. Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии [Текст] / М. В. Каткова // Известия Саратовского университета, серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2008. – т. 8. – вып. 2. – С. 23-26.

127. Клименко, Т. Н. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов: на материале романов-антиутопий :

автореферат диссертации ... кандидата филологических наук, 10.02.04 / Т. Н. Клименко. – Санкт-Петербург, 2007. – 28 с.

128. Козлова, С. М. Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе [Текст] / С. М. Козлова // Вестник Томского Государственного Университета, филология. – 2008. – № 3(4). – С. 73-81

129. Коломыц, Д. М. Западная футурология и ее политические ориентиры [Электронный ресурс] / Д. М. Коломыц. – Режим доступа:

<http://elibrary.ru/item.asp?id=12111696>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

130. Кононов, А. А. Информационное общество: общество тотального риска или общество гарантированной безопасности [Текст] / А. А. Кононов, Г. Л. Смолян // Информационное общество. – 2002. – вып. 1. – С. 5-7

131. Коробейникова, Л. А. Трансформация статусной роли информационной власти и информационные трансформации [Текст] / Л. А. Коробейникова, З. Ф. Метакова, О. В. Курачев, В. А. Зыков, Т. В. Шарапова // Вестник ТГПУ, серия «Гуманитарные науки (социология)». – 2006. – вып. 12 (63). – С. 72-74

132. Коротникова, Н. В. Социальные последствия развития Интернет как средства производства сетевых коммуникаций [Электронный ресурс] / Н. В. Коротникова. – Режим доступа: [http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-02/Korytnikova%20-set%20kom.\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-02/Korytnikova%20-set%20kom.(1).pdf), свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

133. Корягина, Е. А. К проблеме определения исторического времени / Е. А. Корягина [Текст] // Вестник Башкирского университета. – 2009. – т. 14. – № 2. – С. 538-542

134. Косарева, А. Б. Мировоззренческие парадигмы фантастики (на примере отечественной фантастики XX века)

[Электронный ресурс] / А. Б. Косарева. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/kosareva/masscult_13.html, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.

135. Косарева, А. Б. Наука и фантастика: возможные пути взаимодействия [Текст] / А. Б. Косарева // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. Выпуск 12 – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 296-300.

136. Косарева, А. Б. Фантастическое: природа и функции [Электронный ресурс] / А. Б. Косарева. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/kosareva/virtual_57.html, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009

137. Курицын, В. Время множить приставки. К понятию постпостмодернизма [Текст] / В. Курицын // Октябрь. – 1997. – №7.

138. Курносков, И. Н. Информационное общество и глобальные информационные сети: вопросы государственной политики [Текст] / И. Н. Курносков // Информационное общество. – 1998. – вып. 6, С. 29 – 36.

139. Курцвейл, Р. Слияние человека с машиной : движемся ли мы к «Матрице»? [Текст] / Р. Курцвейл / Прими красную таблетку : Наука, философия и религия в «Матрице». / Под ред. Глена Йеффета. [Пер. с англ. Т. Давыдова]. - М. : УльтраКультура, 2003.

140. Лапченко, Н. Н. Техногенная направленность процессов информатизации современного общественного развития [Текст] / Н. Н. Лапченко // Вестник Российского Государственного Университета им. И. Канта. – 2009. – вып. 6. – С. 53-61.

141. Леонов, И. В. Синергетический концепт «переходности» в культурно-исторических исследованиях

[Текст] / И. В. Леонов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 58, С. 164-168.

142. Ли, Сын Ок Русская антиутопическая драматургия 1920-1930-х годов [Текст] / Ли Сын Ок // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 37 (80), С. 210-214.

143. Лихина, Н. Е. Эсхатологический дискурс современной литературы [Текст] / Вестник Российского государственного университета им. И. Канта, серия «Филологические науки». – 2006. – вып. № 8. – С. 66-72

144. Логунова, Л. В. Диалектика времени и вечности в сциентистской научно-философской мысли [Текст] / Л. В. Логунова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2006. – № 3. – с. 181-188.

145. Лолаев, Т. П. Свойства времени: их современная интерпретация [Текст] / Т. П. Лолаев // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 158-171.

146. Лолаев, Т. П. Время и вечность в философии и истории [Текст] / Т. П. Лолаев // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 128-141

147. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры : Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры [Текст] / Ю. М. Лотман. - Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2002. - 765 с.

148. Мальковская, И. А. Социологический профиль информационно-коммуникативного общества [Электронный ресурс] / И. А. Мальковская. – Режим доступа:

<http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-02/Malkovskaya.pdf>,
свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

149. Маньковская, Н. Б. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм [Текст] / Н. Б. Маньковская // Коллаж. – М., 1998.

150. Матвеева, О. Ю. Модель восприятия времени в социокультурных системах [Текст] / О. Ю. Матвеева, И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – вып. № 1 (75). – С. 63-68.

151. Миргородский, А. И. Соотношение неопределенностей пространства и времени [Электронный ресурс] / А. И. Миргородский. – Режим доступа: <http://www.ntpo.com/physics/studies/40.shtml>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

152. Мовсесян, А. Г. Современные тенденции становления информационного общества [Текст] / А. Г. Мовсесян // Россия и современный мир. – 2001. – № 2, С.54-62.

153. Моисеев, Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ [Электронный ресурс] / Н. Н. Моисеев. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/vopros/43.html>, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

154. Моисеева, Н. И. Палеоастрономия Древней Руси [Электронный ресурс] / Н. И. Моисеева. – Режим доступа: <http://ariskpriest.narod.ru/PaleoAstronomia.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

155. Невский, Б. Жанры. Грезы и кошмары человечества. Утопия и антиутопия [Электронный ресурс] / Б. Невский. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2195.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

156. Неклесса, А. Ordo Quadro – Четвертый порядок: пришествие постсовременного мира [Электронный ресурс] / А. Неклесса. – Режим доступа: <http://www.minprom.gov.ru/expertise/experts/16/0>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

157. Ненашев, А. И. Развитие социального виртуального пространства в сети Интернет [Текст] / А. И. Ненашев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 33 (73), С. 335-338.

158. Нехода, Е. В. Трансформация труда и социальных отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу [Текст] / Е. В. Нехода // Вестник ТГУ. – 2007. – № 302. – С. 160-166

159. Олейников, Д. И. «Фронтир и колонизация» [Электронный ресурс] / Д. И. Олейников. – Режим доступа: <http://mion.sgu.ru/empires/docs/Frontier-colonization1.doc>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

160. Ослон, А. Образ будущего в социальной реальности [Текст] / А. Ослон // Social Reality. – 2006. – № 11.

161. Пестель, Э. За пределами роста: Глобальные проблемы современности и деятельность международной организации Римский клуб [Текст] / Э. Пестель / Пер. с англ. Е. В. Нетесовой; Общ. ред. и вступ. ст. Д. М. Гвишиани. - М. : Прогресс, 1988. – 268 с.

162. Переслегин, С. Будущее как проект: кризис футурологии [Электронный ресурс] / С. Переслегин, Н. Ютанов. – Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/pereslegin-sergei/peruta01/1-peruta01.html>, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

163. Петерс, Я. «...Канувшее в море времени»: о начале современного понимания времени у крестьян [Текст] / Я. Петерс

// Вестник удмуртского университета. – 2007. – № 7. – С. 137-158.

164. Плех, З. И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова) : автореферат дис. ... кандидата филологических наук, 10.01.02. / З. И. Плех – Бишкек, 2008. – 23 с.

165. Пономарев, А. С. Время в философских традициях запада и востока [Текст] / А. С. Пономарев // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация» . – 2009. – № 1. – С. 159-161.

166. Пригожин, И. Время, хаос, квант [Электронный ресурс] / И. Пригожин. – Режим доступа: <http://noosphera1.narod.ru/text/Prigo.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

167. Пригожин, И. Философия нестабильности [Электронный ресурс] / И. Пригожин. – Режим доступа: <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/etika/51.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

168. Просвирин, Ю. Г. Информационное общество и демократия [Текст] / Ю. Г. Просвирин // Вестник ВГУ, серия «Право» . – 2006. – № 1 – С. 39-53.

169. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикёр. – М. : Академический проект, 2008 - 695 с. – (Философские технологии)

170. Соловьев, Н. Я. Брак и семья сегодня [Текст] / Н. Я. Соловьев. – Вильнюс : Минтис, 1977. – 226 с.

171. Солопова, О.А. Образ будущего в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11671172>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

172. Солопова, О. А. Врата грядущего: утопия или реальность [Текст] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21, С. 49-61.

173. Строгеецкий, В. М. Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе [Текст] / В. М. Строгеецкий // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. / Под редакцией профессора Э. Д. Фролова. – 2003. – вып. № 2. – С. 135-152.

174. Телегина, Г. В. «Общество знания», «экономика суперсимволов», «образование через всю жизнь»: магические заклинания или новая реальность? [Текст] / Г. В. Телегина // Вестник Тюменского Государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 37-45.

175. Тойнби, А. Д. Постижение истории : Сборник [Текст] / А. Дж. Тойнби; Перевод с англ. Е. Д. Жаркова; [Предисл. В. И. Уколовой; Послесл. Е. Б. Рашковского]. - М. : Прогресс : Культура, 1996. – 606 с. – (Историческая библиотека).

176. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. [Текст] / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с. – (Philosophy).

177. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти : Знание, богатство и сила на пороге XXI в. [Текст] / Э. Тоффлер; [Пер. с англ.: В. В. Белокозов и др.; Науч. ред., авт. предисл. – П. С. Гуревич]. - М. : АСТ, 2003. - 669 с. – (Philosophy).

178. Трушникова, Е. Л. Место и роль фантастического в историко-культурном контексте (от архаического мифотворчества до постмодернизма) : автореферат диссертации ... кандидата культурологи, 24.00.01. / Е. Л. Трушникова – Челябинск, 2006. – 28 с.

179. Турен, А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии [Текст] / А. Турен – М. : Науч. мир, 1998. – 203 с.

180. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. М. В. Арапова и Н. В. Малыхиной; Под ред. Е. Л. Вартановой. - М. : Аспект Пресс, 2004. – 398 с.

181. Фетисова, А. Н. Научная фантастика в условиях модерна и постмодерна : культурно-исторические аспекты : автореферат диссертации ... кандидата философских наук, 24.00.01. / А. Н. Фетисова – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.

182. Флиер, А. Я. Куда история влечет культуру? (от «общества концертирующих» к «обществу репетирующих») (глава книги: Костина А. В., Флиер А. Я. Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса) [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер, А. В. Костина // Режим доступа : <http://base.spbric.org/main/fileex/19>, свободный. - Загл. с экрана. – 12.09.2009.

183. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма. – Режим доступа: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

184. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнол. революции [Текст] / Ф. Фукуяма. - Москва : АСТ : ЛЮКС, 2004 (Самара : Самарский Дом печати). - 349 с. - (Philosophy).

185. Фукуяма, Ф. Великий разрыв [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/fuku/index.php, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

186. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке [Текст] / Ф. Фукуяма. – М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.—220 с.—(Philosophy).

187. Хабермас, Ю. Постмодернизм и культура. Модерн – незавершенный проект [Текст] / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4.

188. Хайтун, С. Д. Социум против человека : законы социальной эволюции [Текст] / С. Д. Хайтун. - Москва : URSS, 2006 (М. : ООО Ленанд). - 333 с.

189. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? Модель грядущего конфликта [Электронный ресурс] / С. Хантингтон. – Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/41216>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

190. Харитонович, Д. Э. Ремесло. Цехи и миф [Текст] / Д. Э. Харитонович // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. – М. : Наука, 1999, С. 118-124.

191. Цаплин, В. С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии [Электронный ресурс] / В. С. Цаплин. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/caplin.pdf>, свободный. - Загл. с экрана. – 30.09.2009.

192. Черезов, А. О месте человека в Интернете [Электронный ресурс] / А. Черезов. – Режим доступа: <http://www.futura.ru/index.php3?idart=131>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

193. Шадурский, М. Литературная утопия от Мора до Хаксли [Электронный ресурс] / М. Шадурский. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shadurs/03.php, свободный. - Загл. с экрана. – 20.09.2009.

194. Шацкий, Е. Утопия и традиция : Пер. с польского [Текст] / Е. Шацкий; Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. - М. : Прогресс, 1990. – 454 с.

195. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер. - Ростов н/Д : Феникс, 1998. - 637 с. - (Выдающиеся мыслители).

196. Щетинин, М. П. Объять необъятное: записки педагога [Электронный ресурс] / М. П. Щетинин. – Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/~m1-way/shetin/obrazb.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

197. Эйнштейн, А. Физика и реальность [Электронный ресурс] / А. Эйнштейн. – Режим доступа: <http://artema.fopf.mipt.ru/lib/phil/einstein1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

198. Эко, У. От Интернета к Гуттенбергу : текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

199. Эко, У. Средние века уже начались [Электронный ресурс] / У. Эко. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/eco/midages.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 20.09.2009.

200. Юренков, О. Г. Новые информационные технологии в традициях сферного подхода к изучению социальной структуры общества [Текст] / О. Г. Юренков // Вестник СПбУ МВД России. – 2009. – № 1 (41). – С. 231-238.

201. Brzezinsky, Zb. Between two ages : America's Role in the Technetronic Era. – N.Y. : The Viking Press, 1970.

Научное издание

Тузовский Иван Дмитриевич

СВЕТЛОЕ ЗАВТРА?

Антиутопия футурологии и футурология антиутопий

В авторской редакции

Формат 60x84 1/16
Заказ №

Объем 18,1 п.л.
Тираж 500 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусств
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Отпечатано в типографии ЧГАКИ